

Людмила Минич
Дарья Зарубина
Людмила Коротич
Надежда Трофимова
Наталья Михайловна Караванова
Юлия Рыженкова
Наталья Федина
Юстина Южная
Ирина Черкашина
Ник Перумов
Наталья Болдырева
Павел Сидоренко
Надежда Карпова
Ольга Гартвиновна Баумгертнер
Максим Тихомиров
Аркадий Николаевич Шушпанов
Сергей Игнатъев
Наталья Колесова
Дети Хедина (антология)
Серия «Миры Упорядоченного»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5009528
Дети Хедина: сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62594-9*

Аннотация

Когда-то Хедин, Познавший Тьму – Истинный Маг и великий воин, – с помощью своего брата Ракота сверг Молодых Богов, но... времена меняются, и на смену поколению старых магов приходят новые...

Дети Хедина – какие они? Разные. И у каждого свой, особенный талант. Кто-то знает дорогу в Обитель Забытых Детей. Кто-то мастерски охотится на ведьм. Кому-то ведомо, на что на самом деле способны вампиры и домовые. А кто-то умеет открывать двери Дома Нужного Всем! Но Дети Хедина никогда бы не собрались вместе, если бы не удивительный дар их наставника, непревзойденного Мастера фэнтези...

Магия темная, потусторонняя, и магия светлая, человеческая, в книге Ника Перумова и его учеников!

Содержание

Предисловие	4
Ник Перумов, Дарья Зарубина	8
Семь лет спустя	67
Ольга Баумгертнер	71
1. В час до рассвета	71
2. Черный микроавтобус	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дети Хедина (сборник рассказов)

Предисловие

«Было это давно и неправда», когда ваш покорный слуга впервые оказался в роли «наставника» и «руководителя мастер-класса». Шёл благополучный во всех отношениях 2006-й год, пиратство ещё не поставило официальное книгоиздание на колени, уткнув ему в затылок ствол пистолета, о мировом экономическом кризисе никто не слышал, жизнь казалась безоблачной, ну, или почти безоблачной.

В течение полутора десятков лет до этого я писал в полном одиночестве, особенно после переезда на работу в Америку. Сеть и редкие конвенты были единственным «окном» в русскую среду авторов и читателей фантастики. Возможность поделиться накопленным и взглянуть со стороны на то, что сам я считал «столпами жанра», подкупала, и так я неожиданно для самого себя, по просьбе организаторов Роскона, возглавил «мастер-класс».

С тех пор прошло уже почти семь лет, но мастер-класс или просто МК, стал не просто регулярным. Он превратился в тесно сплочённую группу единомышленников, людей, поддерживающих друг друга, при всём разнообразии писательских стилей и методов.

С тех пор МК собирается регулярно – это если не считать постоянного общения в сети, поистине уничтожившей расстояния. Участники совершенствовались, у них выходили романы и повести, многочисленные рассказы; но не представлялось случая собрать всех этих авторов вместе.

В этом сборнике мы исправляем помянутое выше упущение.

Под одной обложкой здесь встретились самые разнообразны рассказы и небольшие повести. Ни одно не писалось специально «под сборник», нам хотелось представить читателям всю когорту авторов в их изначальном разнообразии.

Но откуда это странное название? Что за «дети Хедина», ведь у него никаких детей никогда не было? Более того, кто помнит мои книги, даже само появление оных грозило ему в бытность Истинным Магом неотвратимой гибелью?

И, сколь бы соблазнительно (и лестно) не было бы мне приписать себе «рождение» представленных в сборнике авторов, это тоже не так: на мастер-класс они пришли уже зрелыми людьми, со своей позицией и тематикой, своими излюбленными приёмами и узнаваемым стилем. Нет, здесь дело в другом: если охарактеризовать одним словом тех, чьи тексты вы найдёте под обложкой, я бы выбрал слово «миро-творцы», с ударением на «ы».

Им интересно именно творить миры. С этого лично у меня начинается любая история – с картины, пейзажа, на фоне которого разворачивается некое действие, сперва, быть может, не совсем понятное даже мне самому. Все, кто пришёл в наш (уже давным-давно не «мой») мастер-класс – все они немного маги, создатели собственных миров, их творцы. Миры самые разные – от небольшого, подобно театральным подмосткам – до огромных, бескрайних вселенных, вроде Упорядоченного.

Всё меняется, изменился и сам мастер-класс – мероприятие, где Мастер учит, наставляет, указывает на ошибки и объясняет, как их исправить, перерос в «семинар» – содружество не подмастерьев, а писателей, каждый из которых имеет собственный голос, творческую манеру. Именно это, своеобразие и необычность каждого, мы и хотели представить в сборнике.

Он – не первый результат работы литературного семинара. Осенью 2012 года стартовал проект «Ник Перумов. Миры», авторами которого стали участники мастер-класса. В хорошо известную читателям вселенную Упорядоченного пришли новые имена, со своим видением и представлением, как должно быть. Я счастлив и горд, что давно придуманный мною мир

дал толчок к публикации романов Дарьи Зарубиной и Аркадия Шушпанова, Натальи Каравановой и Эрика Гарднера, что на подходе книги Натальи Болдыревой и Юстины Южной, Сергея Игнатьева и Ирины Черкашиной...

Над проектом семинар работает единой командой. Но авторам приходится творить в пределах вселенной Упорядоченного, вписывать свои образы, идеи, сюжеты в уже знакомый читателю мир.

Здесь же, в этом сборнике, участники семинара получили возможность снова выступить командой, только на этот раз подарить читателю ключи от дверей в свои собственные миры. Миры совершенно разные. Под обложкой «Детей Хедина» собраны и героическая фэнтези, и НФ, и мистика, фантастика боевая, романтическая, социальная. Но главное, что объединяет тексты сборника, это неустанный поиск во всем множестве миров гармонии, чистоты сердца и твердости духа, не формально правильного действия или решения, а верного, истинного, настоящего, идущего от сердца. Поиск того, что мы называем «миром в душе», в микрокосме, вселенной, уместившейся в одном человеке. «Миро-творцы» из лит-семинара не насаждают мир, но пытаются сделать то, что важно читателю сейчас – принести мир в душу читателя. Дать надежду. Истории, рассказанные авторами сборника, печальные или светлые, яркие или меланхолично-задумчивые, оставляют одно общее ощущение – того, что непримиримые, казалось бы, конфликты разрешимы, что в самую страшную минуту найдутся силы бороться и жить, что всегда есть то, ради чего продолжать жизнь и борьбу. Люди, не совсем люди, да и совсем не люди приходят на помощь друг другу, Судьба благоволит не сильным, а чистым сердцем. И всегда есть вера в то, что, даже если все плохо, «все будет хорошо».

Сборник назван «Дети Хедина» не потому, что ваш покорный слуга «породил» литературные карьеры его участников, а потому, что подобно Хедину каждый из них может и умеет творить собственные миры. Миры, куда читатели готовы идти следом за автором. Мало придумать «мир с зелёным солнцем», как говорил профессор Толкиен, мало даже обосновать наличие в нём именно зелёного светила; важно, чтобы за автором туда последовал бы читатель, увлечённый именно характерами персонажей, а не просто красивыми декорациями.

Не тратя драгоценное время читателя, кратко представим авторов сборника и их рассказы.

Открывает книгу повесть «Отцова забота», однако о ней мы по понятным причинам поговорим в самом конце.

Оля Баумгертнер, автор «Охотника за ведьмами», уже опубликовала три книги: «Колдовская компания», «Связующая магия» и «Коготь дракона». Оля – рассказчик спокойный и обстоятельный. В «Охотнике...» она намеренно обращается к классическому сюжету – мы и они, люди и колдовской народ, что дальше? Непонимание, страх, презрение, ненависть? И как можно пройти по грани меж этих двух миров, поражая худшее, что есть в обоих, и стараясь спасти лучшее? Ян, герой «Охотника...» как раз и отказывается от навязшего в зубах «выбора», не решает «с кем быть». Он раз и навсегда решил, что останется на стороне собственной совести. Кто-то из читателей, возможно, не согласится с его выбором, но так именно это и является задачей автора – предложить читателю самому решить, что правильно и что нет.

Наталья Болдырева запомнилась своим дебютным романом «Ключ». В настоящем сборнике она выступает с рассказом «Продавцы надежды». Всесильные технологии порождают веру в себя ничуть не менее сильную, чем мировые религии. Но потом вера замыкает круг, ибо, хоть и сильна, и способна сподвигнуть на великие дела, точно так же способна сделать человека рабом своей собственной веры. И дорога к другим начинается с шага к себе самому...

«Весенний трамвай» Дарьи Зарубиной, что дебютировала романом «Свеча Хрофта» в рамках уже упоминавшегося выше проекта – рассказ-акварель, рассказ-звучание. Рассказ о времени, что не всесильно, о тайне, кроющейся под нашими ногами. Поэтика старого города, трамвая, соединившего причудливой сетью человеческие судьбы. Рассказ о надежде, о том грозном чуде, что удаётся повернуть на пользу хорошим людям, побеждающим, как и положено. И не надо думать, что линии волшебного трамвая проложены в вашем городе, как того захотелось каким-то скучным проектным конторам...

Сергей Игнатьев соединяет в «Маяке для Нагльфара» классичность советской военной прозы с мистикой Третьего рейха. Новому поколению русской фантастики нельзя уходить и отказываться от темы Великой Отечественной, чем дальше, тем более важным это окажется для сохранения нашей культурной идентичности.

Наталья Караванова также дебютировала в крупной форме романом «Сердце твари», выпущенной в рамках проекта «Миры». Её рассказ «Там» – история выбора, я бы сказал – азбука того, как оставаться человеком, когда, казалось бы, никакого выбора нет и быть не может. Лаконично и жутко, нарочито сдержанным, повседневным языком, внезапно перемежающимся вспышкой чувств, как костёр в ночи.

Повесть Людмилы Минич «Широкими мазками» – неторопливый в сюжетном плане текст, основное действие которого сосредоточено во внутреннем мире героев. Это сложнейшая химия единственного касания двух судеб, итог которого – еще одна спасенная, а может – навек отравленная прикосновением к невыразимому потерянная душа.

Если бы был такой официальный жанр – семейная фантастическая литература, то его ярким образцом стал бы рассказ Милы Коротич «Пылесос». Даже не семейная фантастика – мамина. Это удивительно яркий, чуть ироничный сплав фантастики, притчи и доброй сказки с хорошим и спокойным концом, которую рассказывает на ночь мама. И после этой сказки не боишься спать без света, потому что за стеной твои родители – самые сильные, надежные и мудрые люди на земле, почти супергерои. Почти?

Текст Юлии Рыженковой «Джем» – это нерв, это обнаженные высоковольтные линии чувств и эмоций, напряжение которых захлестывает героев, ломая, калеча и одновременно очищая. Таков же и стиль рассказа – рваный, мучительно-искренний. Героиня Юли оказывается удивительно сильной в своей чувственной незащитности.

Не таков герой рассказа Павла Сидоренко «Отражение. Гамма-синий». Это беглец. Он не готов остаться лицом к лицу со своим страхом, он предпочитает отправиться на край вселенной за призрачной надеждой. Но все оказывается не тем, чем кажется. Но... не будем раскрывать интриги.

«Лилипуты в Бробдингнеге» Максима Тихомирова – рассказ-загадка, рассказ-игра. Зажатое в тисках голода человечество вроде бы отыскило решение задачи, открыло неиссякаемый источник пропитания. Но... полноте, человечество ли? Или что-то его только напоминающее? Или что-то совсем иное, чужое и жуткое, только принявшее облик человечества? Персонажи Свифта? Мы нынешние? Те, кто пришёл нам на смену?... Но, кто бы то ни оказался, он не может называть себя человеком, если его ведет лишь одно желание – набить брюхо.

В более традиционной фэнтезийной манере выполнена повесть Надежды Трофимовой «Черный брат». Средневековый монастырь, молодой отступник, в чьем сердце вступили в последний поединок долг и чувство. И неожиданная развязка, расставляющая все по своим местам. Благодаря неторопливому и ровному стилю повести не замечаешь, как с головой погружаешься в мир черных братьев, как захватывает и увлекает история и до самой последней страницы не отпускает напряженное ожидание развязки.

Женщина творит новые жизни. Это её величайшее предназначение. Но что делать, если, как в рассказе «А-кушерка» Натальи Феединой, рождение маленького человечка стано-

вится сродни работе сапёра? Если работа акушерки – не только помогать прийти в этот мир, но и безжалостно уничтожать рождающихся «иных», что опаснее атомной бомбы, как совместить великий женский долг и призвание с этой беспощадностью? где проходит граница и есть ли она вообще?

Дивный новый мир в рассказе Ирины Черкашиной «Путь атлантов» – о ловушке, что расставляет коварное совершенство, о том, как, стремясь «дать счастье», разум зачастую убирает саму необходимость думать, стремиться, бороться, искать. Наша сила есть продолжение наших слабостей, и что случится с ней, если убрать их, если избавиться от недостатков и ограничений?

Рассказ Аркадия Шушпанова «Служивый и компания» можно было бы назвать социальной фантастикой, но это не плакатно-едкая, хлесткая сатира на общество, а пронзительно-печальная история о судьбе, истории, памяти человека и человечества. «Служивый» – рассказ о дружбе, памяти, об ответственности перед собой и о человечности. Но хранители этой человечности... не совсем люди.

Юстина Южная в «Чужой» шаг за шагом следит за безумной любовью, за тем, что за любовь принимают. Но на самом деле самой любви там вовсе нет. Есть её призрак, мучительные воспоминания, разрываемые с кровью связи душ и сердец. Произведённый во спасение «обмен разумов» оборачивается напрасной жертвой ради своей и чужой любви. «Чужая» – это кровь сердца, сродни лебединой песне. В ней слышен чистый и сильный голос чувства – то, что отличает все тексты Юстины Южной.

Герой повести Натальи Колесовой – дом. Таинственный, открытый, как сердце его хозяйки. Дом-перекресток и дом-приют. Воплощенная надежда, которой так не хватает в этой вселенной одиночества и потерь. «Дом» – лиричная, очень женская проза.

Надежда Карпова в рассказе «Фея света» предлагает нам взглянуть на сложный и запутанный мир, где властвует загадочная всемирная сеть Вирж, но взглянуть – глазами совсем молоденькой, наивной и романтической девушки. Аинде предстоит решить – верить или не верить, простить или лелеять обиду, позволить себя защитить или стать защитницей близких, феей света.

«Отцова забота» – рассказ о вечных темах, о долге и ответственности, о верности и о прощении. Об умении простить даже то, что, казалось бы, простить невозможно. Повесть нельзя разобрать на части и рассортировать, «кто что делал».

Каждое слово, каждый образ – независимо от того, кем был предложен вначале – стал общим. Нет нужды вдаваться в подробности, «кто что придумал». Соавторство позволило взглянуть на события с двух сторон, ярче показать то, что каждый из нас по отдельности, быть может, оставил бы без внимания. Мне кажется, получилось интересно. Но окончательный вердикт может вынести только читатель...

В нашем мастер-классе нет заданных тем или излюбленных жанров, есть только один критерий – писать интересно. Надеюсь, так же интересно будет и читателю, что откроет этот сборник, что он найдёт для себя авторов по душе, и эти рассказы станут только первым шагом к новым книгам.

Ник Перумов

Ник Перумов, Дарья Зарубина Отцова забота

– Что, взяли?.. Взяли, да?.. Пять девчат, пять девочек было всего, всего пятеро!.. А не прошли вы, никуда не прошли и сдохнете здесь, все сдохнете!..

Б. Л. Васильев. А зори здесь тихие...

– Угарова! Матюшин! Машка, Игорь, оглохли, что ли?

Машка обернулась первой. Она всегда реагировала на долю секунды раньше Игоря. И раньше, в детстве, умудрялась осалить его в первую же секунду игры, и Игорю приходилось гоняться за ней по двору, пока Машке самой не надоест бегать. И потом, на фронте, когда фриц уже выцеливал его из засады, Машка успела выстрелить раньше. За тот фронтowej должок Игорь так и не рассчитался – развела их война, его на Первый Украинский, ее на Первый Белорусский, – зато поднакопил новых за время учебы. То там Рыжая вытянет, то тут подскажет. Вот и сейчас оказалась быстрее, перехватила бегущего Фимку, выросла перед ним, не дав налететь на Игоря.

– Ефим, ты чего кричишь?

– Чего, чего! Декан срочно вызывает, вас обоих. Виктор Арнольдович сказал, немедленно, мол, из-под земли, Ефим, голубчик...

– Иди в баню, Фим, – оборвал Игорь, – честное слово, не до шуток. Ты-то уже отмутился. А нам еще до распределения...

– Два пучка нервов и один холодный труп, если будешь куражиться, – саркастически подхватила Машка. – Так что... ха-ха отменяется. В очереди стоим. Талоны на светлое завтра получать.

Стояли они вовсе не в очереди. А в холле второго этажа возле большого окна. Очередь была рядом, за поворотом коридора.

Возле одной из аудиторий, где на высоких, до потолка, дверях красовалась начищенная до нестерпимого сияния бронзовая табличка «Государственная комиссия по распределению», в коридоре толпилось около сотни парней и девчат. Почти половина ребят – в несколько уже поношенной, хотя сегодня выстиранной и отглаженной военной форме, очень многие – с желтыми и красными нашивками за ранение на правой стороне груди и орденскими колодочками на левой. Остальные были в темно-синих двубортных костюмах с петлицами, явно форменного вида. И тут у многих виднелась россыпь наградных лент. Девчонки надели строгие, ниже колена, темные платья. И только те, кто не успел повоевать или не хотел вспоминать о том, что успел, оделись так, как велела погода, – в светлые пары и платья – восьмиклинки, явно перешитые из чьих-то довоенных нарядов. Форменное платье было и на стоявшей у окна Машке. Игорь был уверен: Уварова наденет другое – зеленое – цвета травы, она еще на фронте все мечтала о том, как выучится и придет на распределение в зеленое. Но, видимо, передумала. Кто мог понять эту Машку?..

А за окном виднелись недавно подстриженные старые каштаны и скамейки, где уже рассаживались счастливы, получившие распределение. Кто-то радостно размахивал руками, рисуя размашистыми жестами блестящую картину собственного будущего. Кто-то хмуро выковыривал носком начищенного сапога пробившуюся между каменными плитами травку. Не повезло – не в секретный институт, не на самоновейший завод, а куда-нибудь в глубинку, поднимать сельское хозяйство или выковыривать из полей и готовящихся к осушению болот оставшуюся с войны смертоносную «память»: неразорвавшиеся снаряды, мины...

Машка отвернулась от окна. Уселась на подоконник. Игорь не мог оторвать взгляда от заполняющегося выпускниками двора.

– Я получил, – не утерпел Фимка, уж очень хотелось похвастаться. – В институте останусь. На кафедре непрямых и скрытых воздействий. А вам Арнольдич как раз и велел передать, мол, за распределение надо поговорить. Так что давайте, давайте, ноги в руки и вперед! Отец ждать не любит.

Виктор Арнольдич и правда был из тех, кто ждать не умел. Да и где ему было научиться? – каждое слово его исполнялось мгновенно, потому что от одного укоризненно-печального взгляда декана все внутри переворачивалось, и казалось, что ты не урок недоучил, не лекцию пропустил, а Родину предал. Он никогда не повышал голоса, со всеми был дружески-ласков. И потому все звали декана просто Арнольдичем, а чаще – Отцом. Не по фамильярно-фронтальному «батей», который и от губы отмажет, и на что иное глаза закроет, коль дело знаешь, а именно Отцом. Строгим, но справедливым. Даже присказка имела у старших курсов: «Бога побойся, Отца не позорь». Словно наделили декана особым даром, не то чтобы магическим – магов здесь на каждом углу хватало. Просто было в нем что-то, в добром его мудром взгляде, в тембре голоса, отчего – попроси он отдежурить лишний день, сгонять в город с документами, выучить за ночь новую тему и назавтра лекцию младшим курсам прочитать – хотелось тотчас броситься: выполнить, выдержать, оправдать.

– Идем, Игорек. Девчонки! Света, Таня, очередь поддержите? Арнольдичу мы зачем-то понадобились...

– Еще б не понадобились, вы ему экзамены лучше всех сдали, – буркнула блондинистая Татьяна, холодно глядя на Машкину верхнюю пуговицу. Маша подобралась, готовая ответить колкостью.

– Не завидуй, Танюха, все равно ты самая красивая девушка на курсе! – разрядил обстановку Игорь.

Машка едва слышно фыркнула и зашагала по коридору. Игорек насмешливо козырнул зарумянившейся Таньке и в два широких шага догнал подругу.

– Маш, ну не обращай внимания, – заговорил он. – Ты лучшая. Все же знают, хотя кое-кому это и поперек горла.

– Я не лучшая и в лучшие не набиваюсь, – отозвалась Машка, – я просто учить умею.

– Вот я и говорю – лучшая, – улыбнулся Игорь. – Не переживай так. Ничего плохого Отец не скажет. Может, он нам что-то получше выбрал. Тебе – как надежде магической науки, а мне – как твоему главному прихвостню и прихлебателю.

Машка напряженно улыбнулась. Отчего-то к Отцу она всегда шла с неохотой, хотя – Игорь знал – боготворила его, как и остальные на курсе. Но в том была вся Машка – не умевшая, как все...

В просторных, светлых коридорах собирались группками студенты. Машкины каблукы четко выбивали часовой звук из до блеска натертого паркета. С портретов на стенах смотрели солидные академики и доктора наук. Игорь представил себя на одном из этих портретов. Нет, не получается. Мог представить себя студентом, солдатом, даже штатным магом в каком-нибудь небольшом городке, лучше на Севере. Северная надбавка при их образовании – серьезные деньги. Матери бы отсылал с братишками и сестрами, по аттестату. А на портрете в альма-матер лучше смотрелась бы Рыжая. Хотя зря ее прозвали Рыжей. Волосы у Машки были скорее цвета червонного трофейного золота. Был у Игоря раньше брегет, он у мертвого немецкого офицера взял. Девчонке одной подарил, когда с войны вернулся. Девчонка уже замужем та, а брегет Игорь помнил. Золотой, настоящий, с зеленым камнем.

Сейчас пожалел, что Машке не подарил. У нее на фронте волосы коротко острижены были и выгорели до рыжеватого, вот и не заметил, что цвет тот же. Только глаза у Машки не

зеленые, а серые. Когда смотрит строго, кажется, что на грудь мраморную плиту положили. Этого Машкиного взгляда многие боялись.

Стайки студентов сновали туда и сюда, окунались в солнечные лучи, бившие сквозь высокие арочные окна, словно купались в них; золотились кудри девушек. Выпуск. Распределение. Молодые специалисты получают дипломы, нагрудные знаки и направления на работу – как писали в газетах, «во все концы нашей необъятной Родины». Строго, но породительно смотрел на веселую молодую кутерьму бронзовый Сталин. Игорь бросил быстрый взгляд на фигуру вождя. Машка глаз не подняла, задумалась, еще ниже опустила голову и прибавила шаг.

На календаре была пятница, двадцать второе июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

Старинное здание в центре Москвы знавало всякие времена. Было оно построено как юнкерское училище, по последнему слову тогдашней техники, с огромными классами и амфитеатрами аудиторий, гимнастическими залами и неоглядным плацем. После революции юнкеров, конечно, не стало; а вот иные преподаватели так и остались. Да и чего было бы не остаться? Если дело свое знаешь, кто ж тебя тронет?..

Девушка в небесно-синем платье и парень в офицерской форме, с начищенными сапогами, торопливо шли по коридору. Игорь то и дело кивал кому-то из знакомых. Мраморная лестница с гипсовыми бюстами античных ученых и магов в нишах. Высокие белые ступени с едва различимыми розоватыми и серыми прожилками.

А если сбегать по этим, любому дворцу на зависть, ступеням до самого низа, распахнуть тяжеленные двери с бронзовыми ручками и завитками, чуть отойти и повернуться – то откроется скромная черная табличка, на первый взгляд обычная учрежденческая, как тьматмущая от Калининграда до Петропавловска-Камчатского и от Нарьян-Мара до Кушки. Однако, если прочесть красовавшиеся на табличке золотые буквы...

«Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Московский ордена Трудового Красного Знамени институт гражданской и оборонной магии».

* * *

Они миновали парадную лестницу и теперь бежали через бывший плац. В двадцать первом году, едва кончилась Гражданская, здесь посадили парк – первые студенты и первые профессора, кого удалось собрать по всей матушке-России. Потом, правда, многие вернулись из эмиграции, и ученики, и преподаватели. Прошлое тут помянуть было не принято. За тридцать лет деревья разрослись, поднялись высоко, роскошные кроны сплелись над дорожками – тут, конечно, постарался факультет растениеводства. На головы Маши и Игоря упала зеленая тень, защелбтали птицы – если глаза закрыть, то кажется, словно ты в самом настоящем лесу. Кабинет декана располагался в заднем корпусе, рядом с ректорским. Здесь народу почти не было – оно и понятно, преподаватели все сейчас на распределении.

Дверь в приемную Виктора Арнольдовича Потемкина, доктора магических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР, украшали вычурные бронзовые и каменные маски. В любом другом учреждении (ну, кроме министерств внутренних дел и государственной безопасности) это смотрелось бы дико. Но не здесь. Отец сам не жаловал этой вычурности и помпы, но менять ничего не велел, мол, так заведено. Нужны людям атрибуты власти и могущества – пусть будут. Истинная сила – она не в атрибутах.

Как всегда, маски взглянули на посетителей холодно и подозрительно. Как всегда, Маша с Игорем кивнули, прошептав слова-пропуск. Распахнулись темные, как глаз грифона, дубовые створки.

Секретарша Нина Вейнгардовна ласково кивнула выпускникам:

– Заходите, заходите, Угарова. И ты, Матюшин. Как сапоги-то начистил!.. Виктор Арнольдович уже ждет.

Проходя мимо зеркала, Маша, само собой, мельком взглянула и тотчас поморщилась, принявшись одергивать и оправлять слишком длинное и свободное в груди платье.

Двойные двери. Не простые – из танковой брони. Ходили слухи, что эти броневые листы Арнольдич, закончивший войну генерал-майором, велел снять с лично им уничтоженных в Берлине «королевских тигров», когда последние фрицы попытались вырваться из кольца. Но это, разумеется, были только слухи.

В кабинете царил полумрак. Окна тщательно зашторены, горит только зеленая лампа на просторном письменном столе. Стены отделаны мореным дубом, и по ним тоже развешаны бесчисленные талисманы и обереги. Создать универсальную защиту пока никак не удавалось.

Декан поднялся Маше и Игорю навстречу. Немолодой и погрузневший, лысоватый, с обгорелой левой щекой – фронтовая память, он скорее напоминал провинциального счетовода, нежели заслуженного ученого, мага и профессора.

– Здравствуйте, ребята. – Он указал на длинный кожаный диван вдоль стены: – Садитесь. Как полагаете, зачем я вас вызвал?

Отец часто начинал разговор так, когда речь шла о неприятном. Вопрос хоть и был риторическим, но невольно в груди поднималось желание оправдаться – не важно, за что, потому что если уж Отец посадил тебя на диван и спрашивает: есть за что оправдываться.

– Фимка... То есть староста товарищ Кацман сказал, что насчет распределения... – осторожно ответил Игорь. Ему очень хотелось пригладить не поддающиеся никакой расческе вихры, но руки словно присохли, вытянутые по швам, как и положено при стойке «смирно».

– Вольно, Матюшин, – заметив, усмехнулся Виктор Арнольдович. Тяжело припадая на левую ногу, похромал к дивану. – Садитесь, садитесь. Разговор неофициальный. Хотя тебе, Игорь, за пару твоих шуток... – он погрозил пальцем. – Одних мышей твоих вспомнить, к девушкам ночью на Восьмое марта запущенных...

Игорь сконфуженно уставился в пол. Щеки быстро заливало румянцем.

– Виктор Арнольдович, товарищ декан... – Маша осеклась, так и не договорив. Добрый, ласковый взгляд декана заставил ее опустить глаза.

– Не о Гошкиных шалостях речь, – невесело улыбнулся Потемкин. Вздыхнул, поморщился, поудобнее передвинул плохо слушающуюся ногу. – У меня для вас, ребята, есть персональное распределение.

– Персональное распределение? – только и смог пробормотать Игорь. Это был удел отличников, сталинских стипендиатов, а он – нормальный хорошист, и «четверок» у него поболее, чем одна. Диплом, правда, на пятерку, но... Может, за компанию с Машкой решил Отец и его запихнуть в какое-нибудь индивидуальное «светлое будущее».

– Персональное. Вы ведь одноклассники, одногодки, из города Карманова?

– Так точно, – вырвалось у Игоря привычно-военное.

– Вот именно. Вместе росли, вместе учились... – декан пристально взглянул на них, и Машка тотчас покраснела, потянулась рукой поправить волосы, но остановила себя.

– Мы просто друзья, Виктор Арнольдович. Друзья с детства, на одной улице жили...

– Это-то и хорошо, дорогие мои. Громких слов говорить не стану, просто скажу, что пришел из города Карманова запрос... сразу на двух наших выпускников. Горсовет слезно просит, в главке мне ответили – на ваше, товарищ Потемкин, усмотрение. И я подумал о вас. Вы, Мария Игнатьевна, и вы, Игорь Дмитриевич, распределяетесь в распоряжение председателя Кармановского горисполкома.

Игорь ошарашенно посмотрел на Машку. Рыжая подняла глаза на декана, и тот не выдержал этот тяжелый мраморно-серый взгляд. Поднялся, подошел, остановился напротив Машки и Игоря.

– Что, удивлены? – словно объясняясь за свое решение, проговорил он, только к чему было объясняться, Игорь понять не мог. – Конечно, я бы тоже удивился. Не на стройки пятилетки, не на восстановление разрушенного и даже не на борьбу с той нечистью, что на наших западных границах бродит. Но в том-то и дело, что маги, они всюду нужны. В иных местах и без них справятся – инженеры, врачи, шахтеры или строители, хотя с чародеями, конечно, легче дело пойдет; а есть места, где только маги и помогут. Что спросить хочешь, товарищ Угарова?

– Что же... что же там случилось, Виктор Арнольдович? В Карманове? И почему... мы?

– Не волнуйтесь, Машенька, ничего там не случилось, – с неожиданной теплотой в голосе заверил Арнольдич. – Просто выпала такая возможность. Ни одного чародея там не осталось, ни в больнице, ни в милиции. Не говоря уж о сельхозотделе или горздраве. Вот они и просят, просят, а где ж на всех чародеев-то враз напасешься? Городок мелкий, кто о нем помнит? Стройки и заводы волшебников требуют, министры, руководители главков у меня в приемной сидят, дверьми, случается, хлопают, ругаются, мол, подавай, Потемкин, специалистов! А только не зря я деканом стал, и войну не зря прошагал от Бреста и до Берлина, а потом еще и в Порт-Артур заглянул. И партия мне не зря вот это вот дала, – он указал рукой на стену, где в простой рамке висела внушительного вида бумага с большим гербом наверху и золотым тиснением по краям. – Лично товарищ Сталин и вручил. Каждому из наших деканов. Что если видим мы некую неотложную необходимость, по собственному пониманию, то можем отказать и замам, и завам. Вот я и отказал. Поедете домой...

Машка как завороченная смотрела туда, где висела заветная гербовая бумага. Но, приглядевшись, Игорь понял, что смотрит она не на нее, а левее, туда, где в тени на полке стояла маленькая карточка. Желтая и нечеткая с одного края. Видно, дрогнула рука у фотографа.

Со своего места Игорь не мог разобрать, что там, на карточке. И Машка не могла. Далеко, темновато в кабинете. Но Рыжая будто знала, кто на ней. И смотрела, словно в последний раз.

Может, и правда, последний. Едва ли вернутся они в стены альма-матер. Останутся в своем Карманове... при сельхозотделе или горздраве.

– Ты что, Маш, расстроилась? – заметив ее взгляд, спросил Виктор Арнольдич, по-отечески тронул Машку за плечо. – Думала, по-другому сложится? Так ведь по-всякому бывает. Мало ли как мечтается...

– Я, когда поступала, думала, нужно что-нибудь сделать сумею, важное, настоящее. Ведь при горздраве можно и после медучилища остаться. А маги – они для другого, для подвига, – Машка покраснела и не смела встретиться глазами с сочувственным взглядом Арнольдича.

– Подвиг, Машута, он разный бывает, – декан подошел к полочке и взял в руки снимок, на который совсем недавно смотрела Машка. – И не магия для него нужна. Нужна верность. Своей стране, своему делу. Иногда за эту верность кровью платят. Ты это хотела посмотреть?

Он протянул Машке фотокарточку. Надпись в самом уголке убористым аккуратным почерком: «23 июня 1941 года. В. А. от группы 7». На фото – девять девчонок. Все в форме. Новенькие кители, блестящие сапоги.

– Это они? «Серафимы» из седьмой? С вашей кафедры, Виктор Арнольдич?
Декан кивнул, так и не посмотрев на снимок.

* * *

«Серафимы» – называли их потом в секретных сводках, а немцы прозвали «Черными ангелами». По правде, Серафимой была только одна. Староста. Сима Зиновьева, высокая, с толстой пшеничной косой и едва приметным волжским говором. Было две Оли, Колобова и Рощина. Колобова – худенькая и чернявая, Рощина – полногрудая, мягкая, с добрыми материнскими глазами. Была Леночка Солунь. Умница, трудяга, молчунья. Была Нелли Ишимова, которую на курсе за черные с поволокой глаза звали «грузинской княжной». Юля Рябонь, большеглазая, веснушчатая, кудрявая, как весенняя ольха. Была Поленька Шарова, в метрике значилась как Пелагея, но с самого первого дня потребовала, чтобы называли ее только Поленькой. Девчонки привыкли, преподаватели тоже. Виктор Арнольдич тоже привык. Пусть будет Поленька. Нина Громова, спортсменка, бегунья. Сколько раз спрашивали ее, отчего пошла в маги. В институт физкультуры и спорта взяли бы без малейшего сомнения, а в магический только с третьего раза поступила. И была Сашка Швец, бестолковая, смешливая, громкая.

О них на «Т»-факультете, факультете теоретиков, знали все. Их помнили заслуженные профессора, помнили учившиеся с ними студенты, сами ставшие сейчас, десять лет спустя, ассистентами и преподавателями. Были другие портреты «серафимов» – в институтском Музее боевой славы. Парадные, политически грамотные, где – как и на всех парадных портретах – выглядели девчонки старше и суровей, как и положено погибшим за свою страну героям Советского Союза, а не вчерашним школьницам «ускоренного выпуска». На крошечной фотографии в кабинете декана они были настоящие, не отретушированные войной, молоденькие девчонки-маги, пока еще больше «ангелы», чем безжалостные фронтовые «серафимы» первого военного года.

Из-за парт ушли девчонки сразу на фронт, угодив в самый ад лета сорок первого. Их не разделили, не разбросали, оставили вместе, образовав «спецгруппу».

Так родилась легенда о «Черных серафимах». Боевых магах, пожертвовавших всем, чтобы хоть ненадолго, но задержать рвавшиеся к Москве железные колонны вермахта. Три месяца страшной тенью висели они над наступавшими немцами – нападали на штабы и тылы, и там, где проносилась неуловимая девятка, не оставалось ничего живого – кроме лишь редких счастливых, лишившихся рассудка от творившегося кошмара и не способных ничего рассказать даже лучшим дознавателям из «Аненэрбе» и «Туле».

Три месяца Сима и ее подруги наводили ужас на добрую половину немецкой группы «Центр». Три самых тяжелых, страшных, кровавых месяца. Они были невидимы, вездесущи, неодолимы. Взорванные мосты, груды металлолома на месте стремительных танковых колонн, похищенные вместе с важнейшими приказами высокопоставленные офицеры – список можно было длить и длить.

«Черные ангелы». «Серафимы». Красивое прозвище. Хотя и звучит как-то не по-советски...

Но не дождались «товарищи ангелы» Победы. Отряд пропал без вести в сентябре сорок первого. Говорили, что немцы, осатаневшие от неудач, каким-то образом ухитрились взять «серафимов» где-то в лесах под Смоленском. И расстреляли. Хотя – сумеи они дотянуться до самого страшного своего кошмара – верно не стали бы просто стрелять. Припомнили бы каждую потерянную колонну, каждый развороченный мост... Полон такими красными мучениками, советскими ангелами, незримый иконостас прошедшей войны.

Но находились те, кто уверял: девчонки из седьмой группы не дали бы ни простому фрицу, ни даже их фронтовым магам. На пути их оказалось такое колдовство, что выстоять бы смог разве что сам Арнольдич...

– Вы были с ними? – Машка умоляюще заглянула в глаза Арнольдичу, надеясь, что он продолжит рассказ.

– Был, Машута, – проговорил он с гримасой боли. Видно, старая рана не позволяла декану так долго стоять на одном месте. Виктор Арнольдич медленно прошелся вдоль полка, растирая ладонью нывшее бедро. – Был почти до самого конца. Мы ж вместе из класса вышли. Я за них отвечал. Но – маги, ты знаешь, на войне везде нужны – вызвало командование, обсудить – не приказать, заметить, «обсудить» только! – переброску «серафимов» на новый участок, мол, здесь они работу свою уже сделали, ерунду только всякую подчистить, без тебя, товарищ Потемкин, довершат. А когда вернулся – сказали, нет больше седьмой группы. Оставил, что называется, без отцова присмотра...

Декан замолчал. Понурился, все так и глядя на старую фотографию. Игорь, уже давно вертевшийся, как на иголках, наконец улучил момент и пихнул Машку локтем в бок: мол, чего прицепилась, Арнольдич пожилой уже, живого места, считай, не осталось, а ты ему соль на рану сыплешь. Мало ли какое в войну бывало. Сама знаешь.

Машка сердито глянула на Игоря.

– Только девчонки мои не на подвиг шли, когда отсюда на передовую отправлялись. Подвигов из них никто не желал. Сашка замуж хотела. Сима – в аспирантуру поступить и преподавать здесь. Если бы не фрицы, не потребовалось бы им никакого героизма. И я только надеюсь, Маша, что магия тебе с Игорем не для геройства сгодится, а для работы. Нудной порою, скучной такой работы. Маги сейчас стране ох как нужны. Предгорисполкома Скворцов Иван Степанович, знакомец мой еще по Гражданской, он вам скажет, что делать. Дипломы получили?

Молодые люди молча кивнули.

– Отлично. Вечер вам на сборы. Поезд в двадцать три пятнадцать с Курского. Купейный вагон. Вот билет... вот плацкарта¹...

– Виктор Арнольдич... а выписаться? А обходной лист? Сегодня ж пятница, поздно уже, – начал было Игорь.

– Обходной подпишите в учебной части у Нарышкиной, Марфа Сергеевна уже в курсе, – снова став собранным, деловитым и по-отечески ласковым, Арнольдич вернул карточку на полку. – С паспортами идите прямо в особый отдел. Федотов тоже все знает. Много времени это у вас не займет. Так, смотрим в пакет... Направление... аккредитив на подъемные, получите тотчас по приезде в Кармановском госбанке... правда, не раньше понедельника, конечно... с направлением вам сразу должны общежитие дать. Жаль, что вы у нас не женаты, так бы сразу в очередь на квартиру поставили...

– Да у нас же там семьи, родные... вы не волнуйтесь, Виктор Арнольдович! – успокоил Игорь, которому все еще неудобно и как-то совестно было за Машкины расспросы о «Черных ангелах».

– Вы мои ученики, Матюшин, я за вас всегда беспокоиться буду. И... вот еще. – Арнольдич подошел к Маше, вытянул из-за ворота серебряную цепочку с небольшим крестиком. Снял с себя и поманил Рыжую, жестом прося нагнуть голову и убрать волосы с шеи.

– Так я атеистка, Виктор Арнольдич, – проговорила Машка. – Неужто вы в кресты верите?

– Ну-ка, дорогая моя Мария свет-Игнатьевна, не заставляй меня думать, что экзамен по символистической магии ты, чего доброго, со шпаргалкой сдавала! – Арнольдич погрозил

¹ *Плацкарта* – дополнительная к проездному билету карточка или квитанция на нумерованное место в вагоне в поездах дальнего следования. Не путать с *плацкартным вагоном* (Прим. ред.).

пальцем. – Историю креста как аттрактора забыла? Кто – и для чего! – его использовал, когда об Иисусе Христе никто и слыхом не слыхивал?

Маша немедленно покраснела. Игорь неловко завожился на диване – переживал за подругу.

– Что вы, Виктор Арнольдович... какие шпаргалки... мы, советские студенты...

– А раз советские, так и отвечай – крест как оберег, когда в могильниках первомагов встречаться начинает?

– Культура боевых топоров, примерно две тысячи лет до нашей эры, в могилах как мужчин, так и женщин, которых хоронили, в отличие от других, лицом вверх и вытянувшись во весь рост, стали обнаруживать каменные кресты, которые... – ощутив себя в привычной стихии, Маша понеслась во весь опор.

– Молодец, молодец, – Виктор Арнольдович довольно улыбнулся. – Видишь, сама все вспомнила. А ведь те первомаги, из примитивного общества, кое-что такое могли, что и мы нынешние предпринимаем только с великой осторожностью. Крест – это не только у православных или католиков. Сильный знак, древний. Ну-ка, аналогичная руна у скандинавов?..

Но молодого специалиста Марию Угарову, конечно же, так просто не поймает.

– Три крестообразных руны представляли собой совокупность...

Декан улыбнулся – как обычно, ласково и отечески.

– Очень хорошо, Маша. Вот и помни, что крест в руках талантливого мага – а ты талантлива, Мария, очень талантлива! – сильнейшее оружие. Считай это... отцовской заботой. Вы ведь мне все, ребята, как дети. За каждого душа болит. Да! Последнее, – он взял со стола небольшую плотную карточку. – Здесь мой номер. Прямой. Если что случится – звоните. Мне непосредственно. Все поняли? Но, будем надеяться, что не пригодится.

Они только и смогли, что кивнуть. Машка, глядя на декана широко открытыми от изумления глазами, опустила крест за ворот. Игорь аккуратно спрятал карточку с номером в нагрудный карман.

Арнольдич повернулся к ним спиной и, захромав к столу, махнул: идите, мол.

* * *

Обычно подписывать обходной лист – это мука мученическая, особенно в фундаменталке. Непременно сыщется какой-нибудь талмуд, взятый впопыхах перед госами и напрочь забытый под столом. Однако на сей раз все прошло на удивление гладко. Чопорная и строгая Нинель Николаевна лишь мельком взглянула на формуляры, сухо кивнула, не разжимая тонких губ, и поставила закорючку. Остальное и вовсе оказалось просто.

– Постарался Арнольдич, нечего сказать. – Они стояли на крыльце общежития. Пока Игорь докуривал папиросу, поставив рядом оба их дешевых фанерных чемоданчика, Машка наблюдала, как мимо ее лица проносятся облачка папиросного дыма. – Я Нинели боялась до дрожи. Карандышева-то посеяла оба тома, думала, она с меня живой кожу сдерет...

– У меня тоже, – Игорь выбросил окурочек. – На лабах по общей магии за мной Геймгольц числился, я уж всю голову себе сломал, куда делся – не упомяну, а тут к Михалычу пришли, а у меня там чисто.

– Арнольдич молодец, – с чувством сказала Маша. – Не даст Отец в обиду.

– Угу, только вот зачем он нас в Карманов-то запикивает? Ну что нам там делать, Машк? Мы с тобой теоретики. Ты диплом ведь по Решетникову писала? Частное решение? Граница сред?

– Угу, – Машка развернула «барбариску» и забросила за щеку.

– Зачем в Карманове специалист по частному решению общей системы уравнений Решетникова, описывающей тонкие и сверхтонкие взаимодействия при трансформации объ-

ектов на границе М-среды? Там лекари нужны, землеведы, агрономы. Погодники. Сыскари, в конце концов, если в милицию. А мы с тобой?

– Может, других не нашлось? – неуверенно предположила Маша.

– Ну да, не нашлось. Бумагу видела? Прямо от товарища Сталина. И предписание... – Он достал из нагрудного кармана аккуратно сложенный листок. – «Прибыть в распоряжения председателя Кармановского городского совета народных депутатов... товарища... не позже девяти ноль-ноль двадцать пятого июня...» Это в понедельник, значит, с утра явиться надо будет. Куда нас распределили-то? В горисполком? В горсовет? Зачем горсовету или даже исполкому два мага-теоретика?

– Да что ты ко мне привязался? Знаю я, что ли, – не выдержала Машка.

– Прости, – Игорь подхватил оба чемодана, свой и Машкин... – Сердце не на месте. Не люблю, знаешь, такого. На фронте когда хорошо? – когда все по уставу делать можно. А как самодеятельностью надо заниматься, так все знают, что дело табак. В сорок пятом, помню, уже на Одере мы стояли, Берлин видать было, меня только взводным назначили, а фрицы собрали откуда-то последних магов с танками да как вдарили по флангу армии. Разведка проморгала...

– Ага, меня ж тогда в Померанию от вас отправили. Восточнее, но говорили про вас, помню. Еще думала все, только бы ты жив остался. – Она опустила голову, слегка покраснела. – Надеюсь, вдруг тебя перевели куда-нибудь внезапно, да хоть бы ранили легонько и в госпиталь уехали. Только бы тебя в той мясорубке не было. Не хочу вспоминать, Игореш. Давай не будем.

Игорь кивнул. Помолчали немного, но невысказанная мысль будто жгла изнутри:

– Я просто сказать хотел, – заговорил он снова, – тогда вот тоже, все спокойно, все хорошо, принимайте взвод, товарищ младший лейтенант, да акт не забудьте подписать, сейчас не сорок первый, все по порядку должно быть, по уставу, за недостающее распишитесь, подмахнете не глядя, а потом головы не сносить за утрату, скажем, ДШК.

– Хороший взвод был, если «дэшки» имелись...

– Комбат запасливый оказался. Но я ж не к тому. Нутром чую, будет нам там пакет огурцов с иголками.

– Да ну тебя, – отмахнулась Машка. – Ничего там не будет. Как будто ты кармановских не знаешь. Будет работа, рутина... Хорошо хоть домой.

* * *

В поезде на Карманов купейный вагон оказался всего один. Народ попроще, женщины в цветастых платях и платочках, мужички в потертых пиджаках и кепках заполняли плацкартные вагоны. Маша с Игорем, при полном параде, сверкая новенькими белыми «поплавками» на правой стороне груди, протянули билеты дородной проводнице.

– О, товарищи маги! – улыбнулась та. – Только что выпустились?

– Так точно, – изжить военное Игорь никак не мог.

– До Карманова, значит... утром рано приедем, полшестого. Я разбужу. Белье постельное чтобы успели сдать.

Москва проводила теплым морозящим дождиком. За окном мелькали редкие фонари, пронзительно-голубые в густом сыром сумраке. Тоскливый стон трогающейся машины, гудок. Поползли назад пути и стрелки, темные туши вагонов, зверообразные дизеля, заснувшие до утренней зари; а потом поезд вырвался за кольцевую железку, колеса стучали все увереннее, все быстрее, а за окнами быстро сгущалась темнота.

Машка успела переодеться и сейчас сидела, завернувшись в тонкое казенное одеяло, подтянув колени к груди. Игорь, словно замороженный, замер, глядя в оконное стекло, где не было видно ничего, кроме его же собственного лица.

Как ни просила Машка не вспоминать прошлого, не получалось. Всплывали в голове бои, обрывки фронтовых разговоров. Серые, как на старых фотографиях, лица товарищей.

Игорь смотрел в окно, Машка – куда-то в угол, куда не падал свет лампы под потолком. Там затаилась, подрагивая в такт ходу поезда, треугольная тень от края верхней полки.

Несколько далеких огней мелькнули вдалеке. И скрылись за деревьями. И отчего-то обоим молодым людям вспомнилось, как фрицы подошли к Карманову.

Как же такое забудешь, ту жуткую осень не сотрет даже победная весна. Когда рухнул фронт на севере и наши отступали на юге, Карманов остался... в стороне. Последних мобилизованных торопливо отправили куда-то в тыл, милиционеры появились на улицах с карабинами, а горком партии призвал всех «крепить нерушимый советский тыл». Даже противотанковые рвы стали было копать, но опоздали, потому что фрицы, нащупав брешь, устремились туда всеми силами, растекаясь, словно гной.

Немногие части, вырвавшиеся из кольца, отступали. И весь Карманов высыпал на улицы, когда на проспекте Сталина, в центре города, укатанном свежим асфальтом – как-никак главная улица, на западе за почтой превращавшаяся в грунтовое шоссе, – появились усталые солдаты.

Вид у них был совсем не бравый. Покрытые потом и пылью, многие с повязками, они торопливо принимались рыть окопы на самой окраине городка.

– Фрицы! Фрицы идут! На танках прут! Тьма-тьмушая!

На горе, особенных войск в Карманове как раз не случилось. Эшелоны простучали колесами, направляясь куда-то на юг, на станции они останавливались, лишь спеша утолить голод и жажду трудяг-паровозов, жадно глотавших из черного жерла водокачки да грузившихся углем.

На площади перед горкомом (там же, где горсовет и горисполком) собирались ополченцы. Обещали выдать оружие, но склады оказались заперты – и не просто на замок, а запечатаны какими-то хитрыми магическими скрепами, и, пока с ними возились, за рекой поднялись столбы пожаров.

Было тихо, накрапывал дождик. Серенький осенний день, каких в конце сентября хватает по великой Руси, когда уже отошло погожее бабье лето. За речкой Карманкой тянулись заливные луга, за ними – лес, его прорезали рельсы, убежавшие на запад к Орлу; и вот оттуда к набрякшим тучам лениво и неспешно тянулись неподвижные столбы дыма.

– Михеевка... Михеевку жгут... – пронесся по кармановским улочкам словно всеобщий вздох.

– И Маркино...

Пожарища вспыхивали по огромной дуге, продвигаясь все дальше и дальше на юг и на север. Ветер дул с запада, он нес гарь. И народ в Карманове, даже повесив на плечо старый карабин с еще царскими вензелями, лет этак тридцать пролежавший в арсенале, смотрел на вздымающиеся дымы не то чтобы с растерянностью или страхом, но с каким-то странным неверием, словно ожидая, что вот-вот все кончится. Наваждение сгинет, и это окажется лишь страшным сном.

Пронеслись над городом две пары самолетов, с заката на восход, но наши или немцы – сказать никто не мог, слишком высоко. Бомб, однако, не бросали, и общество решило, что точно наши. Немцы, никто не сомневался, бомбить стали бы сразу.

И отступавшие солдаты, и ополченцы в ватниках – все высыпали на высокий левый берег Карманки. По закону природы восточным берегам положено быть отлогими, однако

Карманов стоял на древнем, очень древнем холме с каменным скалистым сердечником, и никакая река с ним справиться не могла.

Правда, и окопов настоящих не вырыть тоже.

Что будет, чего ждать – ополченцы не знали. Крутили в городском клубе «Боевой кино-сборник»: ну так там немцы по-русски говорят и даже с нашим оружием ходят.

Дорога на закат опустела. Наши все прошли, немцы не показывались. Кто из своих ранен, отстал – все, сгинули.

Говорят, что такие дни запоминаются в мельчайших деталях. Каждое лицо, каждое слово, жест. Запах, цвет, дуновение ветра, летящие желтые листья – все.

Однако ни Маша, ни Игорь тогда, пятнадцатилетними, отчаянно пытаюсь «добыть оружие», отчего-то не помнили командиров, гонявших их от моста, не остались в памяти лиц солдат-пулеметчиков, устроившихся за баррикадой из мешков с песком – словно стерло.

Осталось только ожидание. Жуткое и выматывающее, что хуже, если верить казенным писакам, любого боя.

Не запомнили тогдашние ребята-подростки и лица полкового мага, серого и шатающегося от усталости, что сидел на древнем валуне подле моста – валуне, что помнил, наверное, еще дружины киевских да владимирских князей. Но зато в память врезалось: «...если прорвутся, Егорыч, конец всей армии, да что там армии – фронту», сказанное магом командиру полка, немолодому и грузному, с двумя майорскими «шпалами» в петлице. «Шпалы» они почему-то запомнили.

А еще они запомнили шинель мага. Продрана в дюжине мест, словно рвали когти какого-то крупного зверя, перемазана глиной и выглядит так, что ее не надели бы даже рыть окопы.

...А потом полковой маг отчего-то вскочил, вытягиваясь по стойке «смирно», несмотря на недоуменное майорское: «Михалыч, ты чего, эй?»

К ним подходил какой-то человек, но его Игорь с Машей не запомнили совершенно. Ни лица, ни фигуры, ни одежды, ни тем более звания.

И вообще они как-то враз сообразили, что им вот сейчас же, немедленно, требуется быть в совершенно другом месте.

...Немцев ждали весь день, до вечера. Истомились, измучились. Однако по гребню высокого берега, среди берез и лип протянулись глубокие окопы и траншеи, улицы перегородили баррикадами. Окна ближайших к Карманке домов заложили мешками с песком, и теперь оттуда высовывались тупые рыла пулеметов. Командир полка наконец нашел место кармановским ополченцам. Город ждал.

Сентябрьская ночь выдалась холодной, лежащая листва пахла гнилью. Дождь лил не переставая, так, что в Карманке даже стала подниматься вода. Тьма скрыла дальние пожары, и лишь едва-едва можно было увидеть сквозь непогоду багряное зарево.

Игорь с Машей вернулись тогда домой. Отцы у обоих были в ополчении, спать никто не мог. Свет погасили – затемнение, приказ. Не брехали дворовые псы, забившись кто куда, кошки нахально лезли к хозяевам на колени, прижимались, словно прося защиты.

И вот тогда-то, в глухой полночный час, из-за мглы и хмари, из ветра и дождя родился долгий и мучительный, рвущий душу вой, даже не прилетевший – приползший откуда-то с залесных болот, к северо-западу от Карманова, где лежала сожженная Михеевка.

Вой слышали все в городке, от мала до велика. Игорь и Маша в своих домах разом кинулись к окнам – но там не было ничего, кроме лишь пронизываемой редкими стрелами дождя ночной темноты.

И у обоих заголосили младшие братишки с сестренками, запричитали матери – а вой повторился, прокатываясь валом, словно возвещая нисхождение чего-то неведомого, но неимоверно, неописуемо грозного и безжалостного.

Тот вой в Карманове запомнили очень надолго.

Кричали что-то на переднем краю, у моста вспыхнул огонь, однако ночь молчала, и немцы, засевшие там, во мраке, ничем не выдавали себя.

Никто в городке не сомкнул глаз до утра.

Серый рассвет вполз в Карманов робко и осторожно. Бойцы, которых комполка не стал держать под осенней моросью, переночевавшие наконец-то в тепле и сухости, заметно приободрились. Об услышанном ночью старались не говорить. Мало ли что там выть могло! В дальних лесах хватало всяких чуд, правда, чтобы их увидеть, требовалось быть магом, но все равно.

Весь следующий день они вновь ждали. Связь прервалась – верно, фрицы высадили парашютистов, и те перерезали провода, рации у полка не осталось, и даже маг ничего не мог добиться. Так и стояли, в полном соответствии с приказом «Ни шагу назад!».

Но немцы не появились. А ночью жуткий вой повторился, только теперь он доносился куда глуше, словно отодвинувшись далеко на запад. Ближние к Карманову деревни догорели, дождь прибил к земле черный пепел, погасил последние красные огоньки тлеющих угольев, и все замерло в мучительной немоте.

Врага защитники Карманова так и не дождались. На третий день связь починили, на трескучей мотоциклетке примчался посыльный из штаба корпуса, и полковой маг внезапно дотянулся аж до штаба армии. Еще через день пришло подкрепление, и приободрившийся полк зашагал на запад, провожаемый слезами и благословениями.

...Так оно и закончилось.

Девять лет спустя выросшие Маша с Игорем возвращались домой.

Что случилось с немцами и почему они не атаковали, так и осталось загадкой. И, может, из-за рассказанной деканом истории седьмой группы, а может – из-за сырости подступившей ночи, только обоим казалось, что ждет впереди что-то недоброе. Таинственное и страшное, как тот далекий ночной вой.

Улеглись, отвернувшись каждый к стене.

Спали. Под стук колес и нечастые гудки паровоза. Оставались позади станции и разъезды, городки и городишки – старая ветка дороги шла по местам, где не случилось ни «гигантов первых пятилеток», ни даже «царских заводов».

В полшестого утра приехали.

Толстая проводница долго стучала в дверь – друзей подвели фронтовые привычки, когда можно спать, спи, покуда пушками не поднимут.

На низкую, посыпанную песком платформу кармановского вокзала пришлось прыгать чуть ли не на ходу, потому что проводница никак не могла найти одно из полотенец. Значки столичных магов, выпускников известного на всю страну института, ее ничуть не пугали.

– Я фрицев во всех видах повидала! Порядок должен быть, разумеете, нет, товарищи чародеи?

Они разумели.

Вокзал – старый, желто-лимонный, с белыми колоннами, поддерживавшими треугольный фронтон – тонул в зарослях цветущего жасмина. Под фронтоном тянулись белые же буквы – «КАРМАНОВЪ» и «ВОКЪЗАЛЪ», еще старые, поменять которые у горсовета никак не доходили руки. Слово «вокзал» и вовсе, видно, крепил какой-то шибкий грамотей, ибо поставил туда аж два «ера». Ошибка пережила и царских железнодорожных инспекторов, и советских ответработников.

– Хорошо...

Ага, хорошо. Тихо, безлюдно, хотя суббота. Небо безоблачное, и день обещает выдаться жарким. Сейчас народ потянется на огороды, после войны вышла-таки легота², стали прирезать земли, кто хотел. Где-то далеко, в дальнем конце платформы маячила белая рубаха и белая же фуражка милиционера.

Машка недовольно бурчала, то и дело одергивая платье.

Автобусов в Карманове пока не завелось, хотя разговоры об этом ходили уже лет пять. Но разве ж советскому студен... то есть уже не студенту, молодому специалисту, приехавшему работать, это помеха?

На привокзальной площади пусто, два ларька – газетный и табачный – закрыты. От вокзала начинается проспект Сталина. Когда-то давно, до революции, он упирался в купеческие склады, их сломали, когда строили вокзал и прокладывали железку. С тех пор ходили слухи, что хозяин тех складов, купец Никитин, сказочно нажился на этой продаже, да только потом император Александр Третий – которого в новых, послевоенных учебниках уже именовали отнюдь не «кровавым тираном» или «оголтелым реакционером», а «выдающимся государственным деятелем, очень много сделавшим для развития России, несмотря на известную ограниченность взглядов как следствие буржуазно-царского происхождения» – приказал отправить на каторгу и тороватого купца, и жадного подрядчика.

Их сослали то ли на Сахалин, то ли на Чукотку, а вокзал остался.

Проспект Сталина. Громкое слово «проспект» досталось улице совсем недавно вместе с лоскутом серого асфальта посередине городка, а раньше называлась она Купеческой, а в народе просто «Никитинка». Давно нет купца Никитина. Но, став проспектом, центральная кармановская улица переменялась не слишком. Белый низ, темный верх. Оштукатуренные кирпичные стены первых этажей и деревянные вторых. Резные наличники, ставни, коньки, все оставшееся еще с царских времен. Когда-то давно тут жили кармановские купцы, на первых этажах помещались лавки, потом их не стало, а после войны они вернулись снова, когда опять, словно при нэпе, разрешили частную торговлю, кустарей, мелкие артели и прочее.

– О, смотри-ка, и Моисей Израилевич мастерскую открыл!

На фасаде красовалось:

«Моисей Израилевич Цильман. Раскрой и пошив любой одежды. Одобрено обкомом партии!»

– Эх, и он в нэпманы подался... а такой славный дядька был... галифе мне, помню, сработал, всему батальону на зависть...

– А чего ж, он славным быть перестал, как мастерскую открыл? – поддела Машка. – Он же всегда шил, просто на квартире, частным порядком. А теперь все как полагается.

– Не дело это, все равно, – упрямо пробурчал Игорь, опуская голову и понижая голос. – Мы коммунизм строим или что? Зачем революцию делали? Для чего буржуев прогоняли? За что отцы кровь проливали?

– Ой, ну только ты не начинай! Забубнил, как политрук на собрании. Плохой политрук.

– Маха, ну ты ж знаешь...

– Знаю! Знаю, что ни блузки, ни жакета приличного не достать было, не сшить толком! Таиться приходилось, по ночам к дяде Моисею с отрезом бегать! – Машка снова почти с ненавистью одернула платье.

– Ну, ладно, ладно, будет тебе, развоевалась, будто я Гитлер...

– А ты ерунду не говори! Товарищ Сталин сам разрешил, чтоб народу после войны полегче жилось!

– Товарищ Сталин добрый, о людях заботится, на жалобы отзывается, жалеет – а могли б и потерпеть, без модных жакетов-то. Не ими коммунизм строится!

² *Легота (устар.) – легкость (Прим. ред.).*

– Ладно тебе, – только отмахнулась Машка. – Не знаешь ты, как девушка себя чувствует, если ни платья красивого, ни кофты, ни чулок, а все больше ватники, штаны из брезентухи да сапоги с портянками. А вот товарищ Сталин понимает!

– Тебе коммунизм – или чулки? – рассердился Игорь.

– А при коммунизме они что, не нужны будут? – парировала Машка.

Игорь, в свою очередь, тоже махнул рукой и отвернулся.

Надулись. Так, надувшись, и добрались до родной Сиреновой улицы, что змеилась по высокому берегу над Карманкой. Стояли там перед самой войной построенные дома, простецкие, безо всяких выкрутасов, обшитые вагонкой и выкрашенные в желтовато-коричневый цвет.

Палисаднички, сарай, тянущиеся почти к самому обрыву огорода, вечные лужи по обочинам, где пускали кораблики целые поколения ребятишек Сиреновой.

– Ну, по домам?

Он облегченно вздохнул. Машка больше не сердилась.

– По домам.

Ну, а потом все как полагается.

– Ой, кто там?... Кто? Иго... Игореночка, сыночек!.. Машуля, Машулечка!.. Эй, вставайте, все, Игорь приехал!.. Доча, а как же ты... а что ж без телеграммы... у меня и полы не мыты... пирог не печен... ой, ох, радость-то какая...

– Мам, ну что ты... ну не плачь, мам, ну, пожалуйста, а то я тоже разревусь сейчас...

– Ох, Игоречек, а что ж ты тут делать-то будешь? Как распределили? Сюда, к нам?... Ох, горюшко...

– Мама, да что ты, я ж домой вернулся?

– Игорюля, я и радуюсь, и печалюсь, печалюсь, потому как думала – выучишься, в люди выйдешь, в Москве жить станешь, как положено, чтобы все как у людей; а в Карманове нашем, ну что тебе здесь делать?

– Да, мам, ну что ты говоришь? Меня сюда сам декан наш, профессор Потемкин, направил, у него, мам, от самого товарища Сталина бумага! Раз он сказал, значит, надо.

– А аспирантура? Ты же хотел...

– Никуда она не денется, декан сказал – надо родному городу помочь!

– И без тебя б нашлось, кому помогать...

– Мам, ну что ты, в самом деле!..

– Игорена, я в здешней школе двадцать пять лет учу. И могу сказать, что...

– Ну, ма-ам, ну не начинай снова. Можно мне еще пирога, м-м?..

...Потом были и прибежавшие соседки, и соседские ребятишки, и еще много кто.

А вот отцов не было. Были фотографии. Последние. Сорок третьего – на Машкином комод. Сорок четвертого – на полочке буфета Игоревой матери.

Суббота и воскресенье прошли, как и полагалось, в хлопотах по хозяйству, Игорь, голый до пояса, стучал молотком на крыше, Маша, натянув какие-то обноски, возилась с матерью и младшими в огороде, таскала воду, полола. Шли уже дальние соседи, с окрестных улиц; в маленьком Карманове отныне два своих собственных мага, да еще и здесь родившихся! Не в секретных институтах где-то в Москве, где совсем другая жизнь, а тут, рядом, под боком – эвон, один молотком машет, другая с тяпкой на грядке.

И все вроде бы хорошо, да что-то нехорошо, как в сказке про Мальчиша-Кибальчиша. Смутное что-то висит в воздухе, словно низкое облако, душно не по погоде. Дети какие-то притихшие, не шалят, не носятся с визгами, не карабкаются по деревьям или по речному откосу, не плещутся на теплой отмели, а сидят вокруг матерей.

Вечером, когда наконец справились с дневными делами, и Игорь, и Маша, не сговариваясь, выбрались на кармановский обрыв. Закат выдался тусклый, солнце тонуло в тучах,

заречные леса затянуло туманами. Прогудев на прощание, застучал по рельсам идущий на западный берег скорый поезд, точки освещенных окон, могучая туша паровоза. Вот и козодои замелькали, придвинулись сумерки, а двое молодых магов стояли рядом и молчали.

– Эх, будь я не теоретиком...

– ...А практиком краткосрочного прогнозирования, сиречь гадания, – подхватила Машка.

– Не нравится мне Заречье, – Игорь все вглядывался в сгущающийся сумрак, быстро поглощавший луга и опушки.

– Мне тоже, – призналась Маша. – А чем – сказать не могу.

– Вот зачем здесь теоретики? – тоскливо осведомился Игорь. – На кой Отец нас сюда отправил? Здесь ни частные решения, ни даже общие не нужны.

Машка поправила воротничок платья, словно невзначай коснулась серебряной цепочки. Игорь заметил, что она нет-нет да тронет странный оберег Арнольдича. Словно ответа спрашивает. А может – просто спокойнее от того, что знаешь: декан лучше понимает, что к чему. Была бы серьезная угроза – неужто не сказал бы.

...Так и разошлись, ничего не увидев, встревоженные и недовольные сами собой.

Но прошла ночь субботы, и воскресенье минуло, и не случилось ничего плохого. Игорь поправил крышу, Маша управилась с огородом, во всех подробностях порассказали родным и соседям про московскую жизнь, «что там продают», и наутро, в понедельник, надев все самое лучшее, нацепив награды, которые вообще-то в Карманове носить было не принято, только по большим праздникам – отправились в горисполком.

Маша в том же синем форменном платье; на правой стороне груди – белый «поплавок» институтского значка и орден Красной Звезды, слева – целая колодка медалей, среди которых выделяется «За отвагу» со старым пятибашенным танком, каких теперь уже и не бывает. Игорь – в военной форме без погон, сапоги сверкают, и ордена в ряд – две «Славы», не хухры-мухры. Жаль, жаль, что война кончилась, третьего не успел получить, мелькали порой тщеславные мысли. Игорь себя, конечно, одергивал, мол, как это «жаль», сколько людей бы погибло зря! – а все равно до конца прогнать не мог. Так уж хотелось собрать полный орденский прибор! Ведь не за так же их дают, не абы кому вешают!

Под горисполком пошло здание бывшей городской управы. Игорь помнил, как мама ворчала порой, что, мол, при царе и градоначальник, и полицмейстер, и земские выборные, и школьное начальство – все помещались в одном месте, всем двух этажей вполне хватало; а теперь и горкому партии свое, и горздраву, и отделу милиции, и горторгу с гортопом, и каких еще только «горов» не напридумывают – всем отдельный дом подавай, да чтобы на главной улице!

– Документы.

Открылись двойные двери с бронзовыми старорежимными ручками, и там за барьерчиком с пузатыми балясинами обнаружился молодой милиционер. Белая рубаша, ремень, портупея, кобура, да не пустая. Отродясь в исполкоме никакой охраны не водилось. Лицо незнакомое, молодое. Не воевал парень.

Игорь поймал себя, что смотрит на младшего сержанта с каким-то недоверием, легким, но тем не менее. Парень ведь не виноват, что опоздал родиться.

Маша первой протянула удостоверение. Не паспорт, как у обычных гражданских, а офицерскую книжку, пухлую, хорошей кожи, особое тиснение и краска, каким сноса нет.

Обычно удостоверение это («...присвоено воинское звание маг – старший лейтенант...») действовало на чинуш и постовых не хуже книжечки Министерства госбезопасности. Младшему сержанту полагалось немедленно встать по стойке «смирно» и отдать честь, однако тот лишь взглянул в документ круглым совиным взглядом, сел, обмакнул перо и при-

нялся медленно, неторопливо вписывать Машкины данные в здоровенную «Книгу посещений».

Пока вписывал, аж чуть привысунув язык от усердия, Игорь невольно огляделся – вдруг ожила старая фронтовая привычка: «оказавшись в помещении, прежде всего головой крути, осмотри каждый угол, чтобы в спину внезапно не ударили».

Так и есть, вдруг подумалось. Невысокая дверь, справа от парадной лестницы, приоткрыта – а там два милиционера, да не просто так, а с автоматами. И слева от той же лестницы, где бюро пропусков – тоже двое постовых. Двое, к которым вышел третий, молодой и поджарый с лейтенантскими погонами и явно не милицейской выправкой. Смотрят холодно, с невесть откуда взявшейся подозрительностью, словно это не горисполком маленького Карманова, даже не райцентра, а, самое меньшее, проходная сверхсекретного номерного института.

Игорь взглянул на подругу. Странное дело, считай – небывалое. Откуда – и для чего? – тут этакая охрана?

– Вижу, маги к вам сюда зачастили, – небрежно проговорил Игорь, опираясь о барьерчик и форсисто держа собственное удостоверение между указательным и средним пальцами. – Столько, что аж в книгу записывать приходится?

Сержантик не удостоил столичного гостя ни ответом, ни даже взглядом. Скрипел себе пером.

– Так мы пройдем? – Маша дождалась, пока Игорь раздраженно прятал заветные новенькие корочки в нагрудный карман.

– Пройдете, пройдетесь... в бюро пропусков вы пройдете, – зло пробурчал милиционер, с ненавистью глядя на свежие строчки в своем грессбухе, словно не в силах ждать, когда же наконец чернила высохнут окончательно и он сможет перевернуть страницу, чтобы и глаза б его не глядели на это такое непотребство.

– Никаких пропусков раньше не надо было, – ворчал Игорь, пока они, наконец разобравшись с «ордерами на выдачу» и «литерами на проход», поднимались по широкой белой лестнице. Управу в Карманове строили на совесть, как и все «при проклятом царском режиме».

– Автоматчиков тут даже в войну не бывало, – вполголоса подхватила Маша.

– А и точно, слушай! – кивнул Игорь. – Стоял один дядя Петя, Петр Иванович, так он ветеран еще империалистической...

– С берданкой...

– Если не с фрузей из краеведческого музея!

Поднялись наконец.

Предгорисполкома Ивана Степановича Скворцова знали в Карманове все, от мала до велика. Был он свой, городской, отсюда ушел воевать в гражданскую, обратно вернулся молодым красным командиром, на плечах форсистая кожанка, на боку «маузер» именной, да только без правой ноги, отнятой по самое колено. Так и остался, вот уже тридцать лет тому; слыл человеком честным и простым, без пресловутого «комчванства». К Иван-Степаныху шли всегда – за ордером на дрова, за допитанием, чтобы позволили сделать пристройку... Лихо было долго. А потом, после тридцать пятого, как отменили «лишенчество», перестали жать «единоличников» с «некооперированными кустарями», стало легче. Ушли в прошлое «провизионки», прибавляли продуктов по карточкам, все больше можно было купить просто на рынке, и Иван Степанович занимался теперь куда более интересными делами – жилье построить, дороги поправить, старый запущенный парк привести в порядок, маленький городской музей расширить...

Был Скворцов невысок, кряжист, голову брил по моде еще двадцатых годов.

В горьком народе менялся, что ни год; Сковорцов же каждое утро, неизменно к восьми утра, летом и зимой, в жару и стужу, шагнул на работу. Машиной он не пользовался, мол, «буржуйские это штучки». Да и «идти-то всего ничего». «Я с половиной Карманова здороваюсь, когда утром иду, а со второй – когда вечером возвращаюсь» – эти слова Ивана Степановича знали все в городе.

Повезло, говаривали порой приезжие из соседних городков. У вас-то председатель каков! Не то что наш, к кому и не подступишься и который уже «ЗИМ» себе как-то выбил! «ЗИМ» выбил, а что дороги разваливаются и в больничке крыша течет, ему и дела нет!

Пожилая секретарша Октябрина Ильинична улыбнулась, кивнула дружески.

– Здравствуйте, здравствуйте, Машенька, и ты, Игорь. Какие красавцы-то! Да не краснейте так, красавцы и есть! Заходите, Иван Степанович ждет.

...Деревянный протез постукивал по полу. Предгорисполкома не любил сидеть, словно напоказ, мол, нипочем мне и это увечье.

Остались позади «о, наконец-то, наконец, добро пожаловать! Игорь, ну вылитый отец. Эх, какой человек был... Земля ему пухом. Машенька, ты у меня, пожалуй, всю мужскую часть исполкома с ума сведешь, невзирая на семейное положение!.. Ордера на комнаты в общежитии получите в жилотделе... Аккредитивы при вас? Октябрина! Дорогуша, будь любезна, отправь в финотдел, пусть банк запросят, чтобы ребятам не мотаться зря... Какая еще помощь нужна, товарищи?..»

Наконец выговорились. Обязательное сказано, бумаги «пошли в работу». Игорь с Машей сидели у длинного стола, крытого зеленым сукном, а Сковорцов вышагивал от стены к окну, от гипсового бюста Генералиссимуса до стойки с книгами.

– В общем, дело у вас, ребята, будет такое... – Иван Степанович погладил блестящую лысину, прошелся вновь – тук-тук, тук-тук. – Такое дело, говорю. Карманову без магов плохо, скверно тут у нас без магов. Работы-то непочатый край! Затеяли дорогу строить – бомбу выкопали, да не простую, с магической начинкой! Фрицев работа, будь они неладны... Пока саперов вызывали, пока те сами чародея дельного нашли, неделю полгорода по окрестным селам держали, а вдруг рванет! Потом эпизоотия началась, и тоже – ни одного мага толкового, в области даже сыскать не могли! Как осень – грипп, да злой такой, врачи не справляются, пятеро детишек померло, такие-то дела, во-от...

– Иван Степанович... товарищ Сковорцов... – решился наконец Игорь. – Мы с Маш... Мы с товарищем Угаровой тоже ведь не саперы, не врачи. Даже не ветеринары. Мы теоретики.

– Ну и что ж, Игорь?

– У нас даже в дипломе это написано – «маг-теоретик».

– Ну, написано. А у меня вовсе никаких дипломов по карманам не валялось, когда с Гражданской вернулся, а партия сюда отправила. Никто у меня, товарищ Матюшин, не спрашивал, есть, мол, товарищ комполка, у тебя дипломы, нет ли. Партия сказала – надо, Сковорцов! И я ответил «есть!». Вот и тебе партия тоже говорит «надо!». А ты мне про какие-то дипломы...

Игорь с Машей беспомощно переглянулись.

– Мы лечить не умеем, Иван Степанович. Только в пределах базового курса. Самые азы. Вам не нас, вам с лечебного факультета надо было специалиста затребовать...

– И бомбы разряжать тоже.

– Что «тоже», товарищ Угарова?

– В пределах базового курса, товарищ Сковорцов, – Маша стыдливо потупилась. – Ну, и чего с фронта запомнилось, только ведь там как... не по уставам, по жизни. Мы ж... теоретики, мы другое...

– Ага, Мария Игнатьевна! В пределах базового курса – но учили? Так? И на фронте, – он подмигнул, – когда не по уставам приходилось, а по жизни – так?

– Так...

– Значит, справитесь, – предгорисполкома решительно хлопнул по столу ладонью. – Я тоже институты не кончал, и ничего, справляюсь пока. Ты, товарищ Угарова, в горздрав тогда, а ты, товарищ Матюшин, в отдел капитального и дорожного строительства. Давно бы их разделить, да все никак фонды не выбью. На месте разберетесь, что делать. Да! Ставки на вас выделены, товарищ Потемкин постарался – по 900 рублей, как магу-инспектору. Не так много, как вы бы, товарищи, в московских специнститутах получали, но уж чем богаты.

– Спасибо, Иван Степанович...

Девятьсот рублей в провинциальном Карманове были очень, очень приличными деньгами.

– Так что, товарищи, Октябрина моя вам сейчас направления сделает, я подпишу. По аккредитивам своим в кассе получить не забудьте!

* * *

– Ты что-нибудь поняла, Маха?

Рыжая помотала головой, вновь немилосердно одергивая платье.

– Тебя в строительство, меня в горздрав... Нет, с чем-то простым мы, конечно, справимся, зачеты не зря сдавали, и сборы военные, и фронт, конечно же... Но...

– Но мы ж теоретики, Машка, – Игорь недоуменно пожал плечами.

– Угу. Но, раз Родине мы здесь нужнее... – ядовито огрызнулась Машка.

– Давай по мороженому, а? А то как-то кисло после этого разговора. Словно недоговаривал нам товарищ Иван Степанович что-то. Точно не знал, куда нас девать.

– Почему это не знал? – Несмотря ни на что, от мороженого Маша отказываться не собиралась. – Как раз знал. Все заранее продумал. И ставки уже открыты.

Игорь только покачал головой. Утро понедельника выдалось волшебным, теплым, нежарким, идти по тихой кармановской улочке – одно удовольствие.

– Тебе ведь сейчас на Кузнечную?

– Ага. А тебе к вокзалу, насколько помню.

Нет, все-таки что-то недосказано. Над крышами вспорхнули голуби, гоняет кто-то из мальчишек, забывших о школе и забросивших книжки аж до самого сентября, который – кажется сейчас – никогда не наступит, а так и будет лето, заросли, приятели, самодельные самокаты с подшипниками вместо колес...

* * *

– Ну и как оно, товарищ Угарова?

Машка с несчастным видом сидела на лавочке возле калитки, по-детски задрал на скамейку ноги и обхватив колени руками.

Прошла уже неделя, как они приехали в Карманов. Июнь истекал каплями утренних туманов, вечерними росами, отцветающим разнотравьем. Подкатывал июль, макушка лета, надвигалась жара, пора леек и ведер. Огородная страда.

– Не видишь, что ли? – буркнула Маша, с преувеличенным вниманием разглядывая подол собственного платья.

– Вижу, – вздохнул Игорь. Сел рядом, шмякнув клеенчатый портфелишко, набитый каким-то бумажками. Расстегнул еще одну пуговицу клетчатой рубашки. – Мне тоже там делать нечего.

– Во-во. Я только какие-то сводки безумные вместе свожу, – пожаловалась Машка. – Свожу и складываю, складываю, складываю...

– Так ты ж теоретик. Ты свое частное решение вспомни! Сколько считать пришлось!..

– Здесь в горздраве любая школьница с семью классами подсчитает, – фыркнула Маша. – Зачем меня учили шесть лет, зачем мне страна стипендию платила? Зачем Арнольдич со мной мучился? С тем самым частным решением? Пока для воздушной среды тремя разными способами не вычислила, к защите не допускал...

– А как же «базовый курс»?

– Не пришлось, не пригодилось, – язвительно бросила Маша, туже натягивая подол на колени. – Ничего страшного, ни чумы тебе, ни тифа, ни хотя бы холеры по летнему времени. Тишь да гладь. Обычным врачам работы хватает, а мне... «Нет, товарищ Угарова, вы у нас, так сказать, стратегический резерв Верховного командования. Вас ведь партия сюда прислала, так? Вот и сидите, где велено. Ведь если б в войну каждый воевал не там, где страна прикажет, а где хочется?» и все такое прочее.

– Туго тебе пришлось.

– Да и тебе, судя по всему, не слаще, – ухмыльнулась она, кивнув на жалкого вида портфелишко. – Много ль бомб нашел, много ль снарядов обезвредил? Или тоже, как и я, осваиваешь смежную профессию сметчика?

– Осваиваю, – он вздохнул, полез за папиросами.

Помолчали. За домами звенели детские голоса, ребяшня гоняла, забыв обо всем на свете.

– Зачем...

– Не начинай, Игореха, и так тошно.

– Арнольдич...

– Не знаю я, зачем он это сделал! – взорвалась Машка. Вскочила с лавочки, сжав кулачки. – Не знаю! Но очень, очень хотела бы узнать! Честное слово, еще немного, и напишу ему, ей-же-ей, напишу! Или позвоню! Потому как это разбазаривание, слышишь, разбазаривание! Сколько на нас денег потратили! Пятерых врачей выучить можно было б! А если нужен маг – так Отец мог любого из лечебников взять, никто б и не пикнул! А мы-то, мы-то здесь зачем?! Меня даже в больницу не пускают... и правильно делают, кстати. Ну, какой из меня лекарь? На фронте да, там могла первую помощь оказать, рану смертельную придержать, чтобы спасти успели... а тут-то... здесь мастерство требуется, а опухоли я удалять не умею. Это особый талант нужен, сам знаешь, чтобы все дочиста убрать, всю гадость эту! Да что там – шва толком не наложу!

– Не злись. Ну, Машк...

Машка опять уселась, зло одернув ни в чем не повинный подол.

– Мог Отец кого угодно сюда направить. Мог. А направил нас. Значит, так надо. Арнольдич до генерала дослужился, всю войну прошел, ордена на груди не поместятся, товарищ Сталин его знает и ценит – так неужто ж он такую глупость ни с того ни с сего учинил?

– Игореха! До чего ж ты у меня правильный, аж сил нет порой! Я это сама все знаю! Понял? Только мне от этого не легче. Не нужны мы здесь. Никому не нужны. Серые Машкины глаза наполнились слезами обиды.

– Брось, Маха, хоть лечебное дело нам и давали, что называется, «не выходя за пределы», но кое-что мы таки знаем. И умеем. А чего не умеем – так учебники есть. Закажем по абонементу, и...

– Умеем, – согласилась Маша. – Рваную рану закрыть, потерю крови остановить, пока до госпиталя не дотащат. В живот если попало опять же... да только нет здесь никаких ране-

ний. А с рутиной врачи куда лучше справятся. Ну, если не эпидемия. Тут, говорю ж тебе, лечебник нужен. А не мы, теоретики.

Игорь только досадливо хмыкнул и затанулся.

– Отец не ошибается.

– Заладил сорока Якова одно про всякого. Он же не товарищ Сталин.

– Угу. Не в сложнейшем расчете, не в планировании небывалого эксперимента ошибся – а в том, кого в маленький Карманов на работу послать?

– Ну что, что нам здесь делать? – вновь простонала Маша. – Когда нас на фронт отправляли, понятно было. Фрицы, всюду фрицы. А тут?

– Может, тоже фрицы имеются? Только мы их не видим?

– Какие, Игореха, тут фрицы?! Семь лет как война кончилась! Уже вон, в школу ребята пойдут, что ее и не видели, даже младенцами! А так-то все правильно. Страна, партия тебя послали – делай дело. И я готова! Так ведь дела-то нет!

– Дела нет... – протянул Игорь задумчиво, – а охрана у Иван Степаныча будь здоров...

– Может, от уголовников каких бережется? От шпаны залетной? – робко предположила Маша и сама же с досадой махнула рукой: – Да нет, о чем я... шпана – им другое подавай...

Раздался треск мотоциклетки, и они оба разом повернулись.

Трофейный БМВ пылил по Сиреневой, за рулем – милиционер в белой рубашке. Ба! Старый знакомый! Который у них документы в горисполкоме проверял.

– Товарищи маги! Товарищи!

– Что случилось? – Игорь и Маша дружно вскочили с лавочки.

– Иван Степаныч просили срочно в горисполком. Немедля.

– Да что произошло-то?!

– Не могу знать, товарищ Угарова, приказ имею только вас доставить. А уж остальное все товарищ Сковорцов сам скажет.

* * *

На сей раз обошлись без «ордеров» и «литеров на проход».

Тук-тук. Тук-тук по знакомому кабинету, от окна до гипсового бюста и от бюста до окна.

– Грибники у нас пропали. Шестеро. Бабы наши кармановские, два мужичка с ними. Пантелеймон Парфенов, Сашка Кулик. Ушли за реку, и второй день нет их. Лето теплое, дождливое – грибы рано поперли, хоть косой коси...

– Так милиция должна, – подобрался Игорь. – И людей всех поднять! Цепями прочесывать!

Сковорцов досадливо поморщился, погладил лысину.

– В область позвонить... армия поможет...

– У области своих потеряшек хватает, – предгорисполкома кривился, словно от зубной боли. – В общем, хотел, товарищи, вас попросить о помощи. Маги ведь в поиске сильны, правда?

– Мы... можем... – осторожно ответила Маша.

– Я и на базовый курс согласен, – мрачно усмехнулся Сковорцов. – Только б дур этих найти. А то за реку поперлись, там ведь болота сами знаете какие... а зима снежная выдавалась, весна – мокрая, топи водою полны, там потонуть – легче легкого. Не хочу я людей без крайней нужды туда гнать, еще ведь ухнет кто-нибудь – и поминай как звали. Можете, товарищи чародеи, что-нибудь сделать?

Игорь кивнул.

– Можем. Только фотографии пропавших нужны, вещи их какие-нибудь... и, как ни крути, самим туда лезть надо, издалека не подберешься без усилителей, без аппаратуры...

– Отделение милиции с вами отправлю, – кивнул Иван Степанович. – Ребята все боевые, фронтовики. Есть разведчики бывшие. Что еще вам, товарищи, надо?

– Снаряжение, – развела руками Машка. – А то в болото лезть, а я себе, смешно сказать, даже сапог не справила.

– Найдем, – Скворцов черкнул в блокноте. – Насчет магических припасов не беспокойтесь – я сейчас комнату с НЗ вскрою. Никуда не уходите, товарищи, поисковую операцию начинаем прямо сейчас.

* * *

...Лезть в заречную чащу на ночь глядя никому не улыбалось, но делать нечего. Людей спасать надо, и тут уж не до удобств. Отделение, данное Маше с Игорем, оказалось экипировано что надо: при автоматах, с парой больших армейских палаток, с котлом, консервами, концентратами и прочим. Люди в нем были как раз те самые, из охраны горисполкома. Народ и впрямь бывалый, нашлись воевавшие в соседнем корпусе и в соседней армии. Лейтенант Морозов, командовавший милиционерами, в разведроту прошел от Днепра до Берлина. Ему и сам черт не брат.

...И такие brave ребята стоят, охраняют никому не нужный исполком в никому не нужном Карманове?

– Расповайтесь, товарищи маги. А мы поддержим.

Глядя на brave ребят с ППС, Игорь лишь удивленно поднял бровь. Ну, ладно охрана, может, у них свои уставы, им положено так стоять, при полном параде. Но в заречных-то лесах зачем автоматы? С кем воевать? Это ж тебе не западная граница, не Тернопольщина какая, где нечисть недобитая и впрямь по чащобам прячется.

Машка с тоской воззрилась на быстро темнеющее небо. Они сошли с моста через Карманку, вправо, к болотам, убежала неширокая тропка, известная всем городским грибникам, – отсюда начинался путь к заветным делянкам. Милиционеры держат фонари, на спине у одного – армейская радиостанция.

Ничего не пожалел товарищ Скворцов. Словно и впрямь их там бандиты ждут или, скажем, парашютисты-диверсанты. И ведь достал откуда-то!..

– Сюда, – махнул рукой Игорь. – Фонари погасите, когда мы скажем.

Бдение над фотографиями пропавших не прошло даром. Были они где-то невдалеке, может, километров семь-восемь по прямой. Конечно, болотными тропами все пятнадцать выйдет, но на фронте случалось и по сорок за день топать, а потом еще лопатами махали, окопы рыли.

– Идемте. Потом кричать, аукать начнем. Сейчас-то рано еще.

– А может, они нам навстречу выбираются? – резонно заметил лейтенант.

– Погоди шуметь, – Игорь резко вскинул руку, сжав кулак.

Лейтенанта-разведчика не требовалось учить.

Оба мага застыли на тропинке. Лес надвинулся, сжал кучку людей, темные ели угрюмо нависали над тропой; желтые пятна фонариков металась по серому мху на стволах, по еловым лапам, густым и низким.

Люди переминались с ноги на ногу – волшебники что-то учуяли, не иначе.

– Кровь, – вполголоса вдруг сказала Маша.

Ветер крадучись пробирался меж старых деревьев, ступал мягко, словно вор.

– Да, кровь, – откликнулся Игорь.

Каждый маг, что бывал на фронте, на передовой сразу после боя, знал этот запах. Запах, неощутимый для остальных, даже для служебных собак. Его звали «запахом крови», хотя, конечно, это было всего лишь красивым названием. И не важно, теоретик ты или практик, этот запах ты ни с чем не спутаешь.

– Какая кро... – начал было лейтенант и тотчас осекся, потому что Машка резко пихнула его локтем в ребра.

Самое разумное сейчас – конечно же, уйти и вернуться назад утром, уже не с отделением, а с батальоном. Но...

Но вдруг там еще остались живые? И что случилось – нарвались на зверя? Или на кого-то хуже зверя?

И когда еще окажется здесь этот самый батальон?

И случатся ли при нем достаточно сильные маги?

У корней ближайшей ели вспыхнула пара темно-багровых глаз, Машка судорожно всхлипнула, прижимая ладонь ко рту, чтобы не взвизгнуть.

Крупная черная кошка медленно вышла прямо в освещенный круг, на ней мгновенно скрестились лучи фонарей. Кое-кто из милиционеров попятился, кое-кто вскинул автомат.

– Не стрелять! – гаркнул Игорь.

– Вместе, – Маша мгновенно оказалась рядом.

«Народные наговоры», основа основ, первый курс. Веками отшлифовывалось и до сих пор нет ничего лучше деревенских оберегов, когда сталкиваешься с такими вот лесными существами.

– Как с семи холмов да семь ручьев бегут, как семь сосен подле них стоят, как под теми соснами да трава растет, одна на мир, друга на покой, третья на сон, четверта на хлеб, пята на соль, шеста на дружка, а седьма – та на путь, путь прямой, ты хозяйке скажи, что на мир мы тут, что и путь наш прям, хлеб да соль впереди, дело дельное, дело славное, людям на прибыль, лесу на покой...

Пальцы Маши сплетались и расплетались, творя жесты-обереги, Игорь присоединился с секундной задержкой. Кошка настороженно смотрела, однако не убегала.

– А ты нас мимо тех холмов, мимо сосен тех, мимо тех ручьев прямо проводи, как хозяйка речь вела, все исполни, соверши!

Кошка громко мяукнула, решительно, повелевающе. Повернулась и неспешно затрусила вперед.

– За ней, – вполголоса бросил Игорь. – Зла нам не хотят. Лешачихина кошь, она дорогу показывает...

– Лешачихина? – напряженно спросил лейтенант. – Я думал, рысь какая... а тут черная, как у ведьмы сказочной!

– Тихо! – оборвала Морозова Маша, первая бросаясь следом.

Кошка, словно разумная, вела людей споро, но и без лишней спешки, выбирала места, где не требовалось пробиваться сквозь непролазные ельники. Под ногами захлюпало.

– Не сворачивать! Не отставать! Ни шага в сторону! – на бегу скомандовал Игорь.

– Почему, товарищ маг? – вновь не удержался лейтенант Морозов. – Места хоженные. Я и по темноте выйду. Чего тут не так?

– Кошь лешачихина нас не просто так ведет, – не поворачиваясь, объяснил Игорь. – Или до хозяйки, иль опасные места обводит.

– А не к потерянному? Не к людям?

Ответила Маша, не останавливаясь, пальцы ее все время сплетались и расплетались.

– Не к ним. К хозяйке. Не бывало такого, чтобы лешие напрямую бы в поисках помогли. Против их природы такое. Хорошо, если вредить не станут.

– А откуда ж знаете, товарищ маг, что сейчас за этой тва... то есть кошкой следовать надо, а не бежать отсюда сломя голову?

– Знаю, – Маша последний раз скрутила пальцы невообразимым узлом и выдохнула, распуская. Потрясла ноющими кистями. – На то мы и маги-теоретики... правда, Игорена?

– Вот именно. Я ж сказал – зла нам не хотят. Такая вот нелюдь намерения прятать не умеет. И маг, при соответствующих усилиях, вполне может установить с доста... Маш, что это?

Кошка замерла в пяти шагах от них, зашипела, выгибая спину, после чего резко взяла влево, обходя далеким кругом край мшистой болотины.

Оттуда, справа, из-за непроницаемых во мраке зарослей, елового мелколесья, волнами катился холод. Неощутимый для остальных в отряде, но явственный для магов. Что-то захрустело, зачавкало, забулькало – и вмиг стихло, словно поняв, что обнаружено.

– Восемнадцать по Риману, – Машка застыла в классической позе, готовая бросить защитное заклятие – «левая ступня по оси движения, правая под углом тридцать семь – сорок градусов к оси, левая рука поднята до внятного ощущения контакта с исполнимой возможностью, плечи развернуты, голова...»

Существовали длиннейшие теоретические обоснования именно такой позиции, и на экзамене Маша даже сумела бы повторить основные выкладки; другое дело, что так и не объяснили, почему максимум достигается именно в этом положении...

– Девятнадцать с половиной по Чикитскому, – Игорь смотрел во тьму сквозь странным образом сложенные пальцы.

– Ничего из болотного раздела...

– И из лесного тоже...

– Подобных величин давать не может. Неизвестный науке вид, не иначе, Игореха!

Кошка яростно зашипела, возвращаясь и на сей раз подходя к Маше почти вплотную. Шерсть встала дыбом, хвост трубой, спина выгнута.

– Сердится. Нельзя останавливаться, – тотчас же сорвался с места Игорь. – Запомните место, товарищ лейтенант! Потом сюда обязательно вернемся.

– Ч-что там такое? – Лейтенанту было страшно, и, как все смелые, через многое прошедшие люди, он терпеть не мог признаваться себе в этом.

– Не знаю! Ни в какую категорию не укладывается. Слишком силен. Но...

– Словно придавлен чем-то, – на ходу бросила Машка. – И соваться туда сейчас нельзя.

– Обойдем, как кошь показывает, – закончил Игорь.

Лейтенант поколебался, однако кивнул.

– Ничего себе, – Игорь на ходу ожесточенно черкал что-то в книжечке, несмотря на темноту. – Нипочем здесь такого быть не могло, 18 по Риману и почти 20 по Чикитскому, оно бы тут все болото разнесло!

– Однако вот не разнесло, – Маша не отрывала взгляда от торопящейся вперед кошки. – Говорю ж тебе, придавило мазурика чем-то. Держит ого-го как.

– Лешаки небось сами его боятся. Эвон как шипит да спину гнет!

– Может, спонтанная инкапсуляция с последующим высвобождением? Как с Дятловым?

– Угу. Сколько тогда потребовалось магов, чтобы ту тварь задавить? И до их пор ведь никто не скажет, откуда она появилась.

– Да, и дятловцев сожрала, и местную нелюдь...

– Может быть. Только нам все равно надо пропавших прежде всего найти. Вдруг помогут-таки лешаки? Ведь ведет же нас куда-то, явно – к хозяйке!

– Хозяйка, может, чего и посоветует. Слышал я уже на Одере от бывалых – когда в Белоруссии партизанили, так лешахи как раз частенько выручали. В другом, правда. А

заблудившихся искать – говорил же, против их природы. Сами ведь водят, с пути сбивают. Где могут подмогнуть, давай за это спасибо скажем.

Жуткая болотина осталась позади. Мрак сгущался, на небе – ни звезд, ни луны. Желтые лучи фонарей метались по непролазным зарослям, скрешиваясь на торопящейся кошке, то и дело оглядывавшейся назад, словно стремясь удостовериться – люди по-прежнему следуют за ней.

Маша на ходу оборачивалась, Игорь видел оскаливавшиеся на миг зубы, ощущал словно толчок в грудь – Рыжая ставила засечки с такой ловкостью и быстротой, что оставалось только завидовать белой завистью. Причем такие, чтобы лешачихина помощница их не почувствовала.

Давно следовало бы остановиться, привести в действие заклятия поиска, однако кош не и не думала замедлять движение, и Маша с Игорем не смели от нее отстать.

...Дорога кончилась на крошечной полянке, со всех сторон окруженной мелким чахлым леском, с трудом тянувшимся вверх на глухом болоте. Вела сюда единственная сухая перемычка, дальше пути не было. Морозов попробовал шестом, и жердина, пробив слабый слой мха, ухнула в глубину.

Кошка крутнулась вокруг Машиных ног, мяукнула – и исчезла, словно растворившись во тьме.

– Привела на место, – Игорь озибался по сторонам.

– И что теперь? Хозяйка выйти должна? Лешачиха то есть? – лейтенант Морозов как-то не шибко уверенно поправил «ППС».

– Может, выйдет. Может, нет. Ясно, что привели нас сюда не просто так. Отсюда поиск и начнем, – Игорь уже возился с заплечным мешком. – Разводи костер, Маша.

– Раскомандовался! – огрызнулась та, но беззлобно.

– Я разведу, товарищи маги, – вызвался лейтенант Морозов. – Мне сподручнее.

Костер у бывшего разведчика занялся с первой спички, горел ярко и ровно.

– Вас, товарищ лейтенант, на магические способности никогда не проверяли? – осведомилась Маша.

– Никак нет. А что?

– Уж больно огонь хорошо горит. Такое без природного таланта редко когда сделаешь.

– Еще как сделаешь, – отмахнулся Морозов. – У меня во взводе рядовой был, Биймин-галиев, так он без всяких способностей в любой дождь костер разжечь мог. Проверяли его, проверяли, ничего не нашли, конечно же, – а он просто чабаном был, поневоле выучишься. Не все, товарищи чародеи, магией объяснить можно. Да и не нужно.

– Странно вы говорите, товарищ...

– Оставь, Маш. Нашли время и место.

– Верно, – вздохнула Маша. – Ну что, большой поиск? По Уварову – Решетникову? До девяноста пяти в эпицентре?

– По Курчатову, – Игорь доставал из заплечного мешка какие-то скляночки и пузырьки. – Неприкосновенный запас Иван Степаныча в дело пускаем... До ста двадцати готовься довести, Маха.

Лейтенант и милиционеры внимали в почтительном молчании. Что за «девятносто пять»? Какие «сто двадцать»? Метров, килограмм, джоулей, вольт, ампер?

– Какие будут указания, товарищи маги? – осведомился наконец лейтенант.

– Залечь вокруг, смотреть в оба. Будет что-то хрипеть, реветь, из болота словно бы выбираться – внимания не обращать. До нас они не дотянутся, мы обереги ставим. Вот только если Болотного Мшаника заметите, стрелять немедленно. Ему единственному все наши преграды нипочем.

– Болотного Мшаника, так точно. А... как он выглядит-то, Мшаник этот самый?

– Как здоровенная гора мха. В полтора человеческих роста. Посредине – пасть, зубы из острых сучьев. Не смотри, что деревянные, пополам перекусит и не поморщится. Но обычные пули против него действенны.

– И на том спасибо, – хмуро сказал лейтенант. – Сергеев! Фокин! – налево, ваш сектор северный. Игрунов, Копейкин – направо, вам юг. Ориентиры... тьфу, пропасть, какие тут ориентиры. Фокин!

– Я!

– Осветительные ракеты готовы.

– Есть!

– Будем надеяться, что не понадобится. – Морозов повернулся к магам: – Вы уж постарайтесь, товарищи.

– Не могу обещать. – При свете костра Игорь отмерял стеклянной пипеткой какие-то разноцветные жидкости, аккуратно раскапывая их в плоские блюдца. – Когда по Курчатову большой поиск делаем, да еще и до ста двадцати в эпицентре – почти всегда побочные эффекты... в гости заявляются. Бдительность должна быть на высоте, товарищ лейтенант.

– Бдительность у нас всегда на высоте, как товарищ Сталин нам указывает, – Морозов мрачно глядел, как его люди деловито окапываются, ловко орудуя малыми саперными лопатками. Все дружно вспомнили фронтовой опыт. На крошечном болотном пятачке много не нароешь, ячейки воду начнут сосать, но так отчего-то спокойнее, словно танковой атаки ожидаешь.

Маги не ответили. Маша пятилась, раз за разом замыкая круг с пылающим костром в центре, пальцы пляшут, губы беззвучно шевелятся. Ничего особенного на первый взгляд, а присмотришься – оторопь пробивает, потому что глаза у нее – белые, мертвые, без зрачков и радужки.

Жест. Слово. Символ. Аттрактор. Замыкание на себя великого потока, струящегося через все живое и всем живым переизлучаемого. Весь арсенал накопленного предками, осмысленного теоретиками и запечатленного в формулах.

Игорь молча взмахнул рукой – мол, начали.

Конечно, они не настоящая команда, не матерые поисковики-сыскари, что давно срабатались и чувствуют друг друга на расстоянии без слов и даже без чтения мыслей. В паре они оказывались всего ничего, на лабораторных да разок на полевом выезде. И потому, конечно же, Курчатов сразу же пошел вразнос.

Из расставленных блюдца выплескивалось горящее масло, фитильки трещали и загибались до времени.

Болото зашевелилось, вскипело под зеленым одеялом мха. Загорчало в глубине что-то большое, грозное. Но маги не останавливались. Машка металась между огней, всплескивая тонкими руками. С ее губ срывалось глухое бормотание, она шипела и вскрикивала, когда незримые потоки закручивались вокруг нее. Но Игорь успевал ослабить колдовские петли, давая возможность Рыжей снова и снова призывать того, кто силился укрыться в болотной глубине, кто видел и знает все случившееся на здешних топах.

Однако отозвался и кое-кто еще. Спутать было невозможно – то самое чудище, с пятнадцатью по Риму и почти двадцатью по Чикитскому, оставшееся было позади. То самое, кого так напугалась лешаихина кошка, не дерзнув пройти даже краем трясины, где засело страшилище.

Загорчало тоже, загудело, задудело дурным голосом, в котором не осталось слов – одна слепая голодная ненависть.

Одна ли?

Глаза Маши видели сейчас не ночное болото, не чахлый лес и бучила³ – а рвущуюся к поверхности фигуру. Не страховидла, нет – человеческую фигуру, словно окутанную облаком подземного пламени. И она, эта фигура, поднималась к поверхности все выше и увереннее.

А еще чудились Маше, что тянется следом за болотным ужасом нечто вроде пары огненных же крыльев.

Шире, шире захват, глупая! Раздвигай воронку! В эпицентре уже сто десять, самое меньшее, конус заклатья не выдержит, никакие решетниковские модификации не помогут!

Вспышка. Незрячие Машкины глаза на миг ослепли, слезы хлынули потоком – петля почти затянулась, Игорь успел лишь в самый последний момент.

Но зато она разглядела наконец. Разглядела то, чего они все так боялись увидеть.

Мертвые человеческие тела в болотине, невдалеке как раз от жуткой дергающейся твари.

– Сожрала-а-а... – вырвалось у Машки.

Резкий запах нашатыря. В свете от костра – лицо Игоря, губа закушена.

– Ох, Рыжая...

– А ты... испугался, что ли?.. что я тебе... барышня старорежимная... нашла я, вот чего.

Какое-то время ушло, чтобы прийти в себя. Лейтенант Морозов и его люди выслушали известие в мрачном молчании.

– Вытаскивать надо, – закончила Маша.

– Вытаскивать?! Вы, товарищ маг, сами ж нам говорили, мол, не подходить ни на шаг!

– Это когда мы мимо шли, – пришел на помощь Игорь. – Нельзя их там оставлять, даже до утра, если у твари пятнадцать по Риману.

– Чего «пятнадцать»? по какому Риману? – не выдержав, огрызнулся лейтенант. – И что такого страшного случится? Они ведь уже мертвые!

– В том-то и дело, – ответила Маша таким замогильным голосом, что Морозову вдруг совершенно расхотелось спорить. Правда, ненадолго.

– Велика вероятность спонтанной демортификации, – буркнул лейтенанту Игорь. – При такой-то локальной напряженности...

Кто-то из людей Морозова – то ли Фокин, то ли Игрунов – сдавленно прошипел что-то сквозь зубы. Лезть прямо в пасть болотной твари не хотелось никому.

– Так если опасно, надо в город вернуться и саперную команду вызвать. – Лейтенант оправился и, скрипнув зубами, стал прекословить дальше: – Заминировать все тут да и...

– Повезло вам, лейтенант, – теперь нахмурился и Игорь. – Повезло, коль в войну ни разу рядом не пробовали «заминировать» бестию с хотя бы десяткой римановской, не говоря уж о пятнадцати.

– А что? Мина есть мина. Тротил он и в Африке тротил.

– Интересно, зачем тогда маги, если тротил он и в Африке?.. Не получится у тебя ничего, Морозов, только людей погубишь, – Маша уперла руки в бока. – Этот болотник твой тротил сожрет и только облизнется. Ему и снаряды, и бомбы – все нипочем.

– Предел Корсакова, – вставил Игорь. – Десять целых и семьдесят четыре сотых по Риману.

– Ага. А когда пятнадцать да еще и девятнадцать с половиной по Чикитскому, что, в частности, показывает и вероятность стихийной демортификации и анекротических явлений на свежих трупах, то ясно даже и ежу, что тела надо вытаскивать немедленно.

– Как? – не сдавался лейтенант.

³ Бучило – омут, водоворот, глубокая яма с водой (Прим. ред.).

– Кошками. Крючьями, – пожал плечами Игорь. – Вы, лейтенант, разведзводом командовали, неужто я вас учить должен?

– Без команды я людей под такое не поведу, – Морозов упрямо нагнул голову.

– Мы с товарищем Угаровой – оба старшие лейтенанты, между прочим, – глаза у Игоря блеснули зло и упрямо. – Показать удостоверение?

– Не тебе мне приказы отдавать, – Морозов не опустил взгляда. – Доложу куда следует, там решат. Игнатьев! Разворачивай рацию.

– И куда ж радировать собрались, м-м? – поинтересовалась Машка, словно невзначай оказавшись рядом с лейтенантом и медленно, напоказ облизывая губы.

– Тебе не доложилась! – рявкнул тот, совсем забыв былую почтительность. – Фокин! Ко мне!

Маша состроила умильную рожицу и прицокнула языком.

– Трщ лейтенант? – подскочил рослый боец.

– Н-ничего, – с трудом открывая рот, вдруг ответил Морозов. – Не надо... докладывать. Выполняем... указание... товарища Уваровой...

Фокин, широкий в плечах, способный, наверное, поднять Машку одной рукой, вдруг тоже запнулся, глаза его помутились – на него очень-очень пристально глядел Игорь.

Остальные бойцы, напрягшиеся было и ощерившиеся – кое-кто даже направил на магов оружие, – облегченно завздохали.

– Так-то оно лучше, – буркнул Игорь. Пот на его висках блеснул целой россыпью, алой от пламени костра.

Маша ничего не ответила, только обхватила собственное горло, точно задыхаясь.

Возвращались медленно, осторожно. Морозов тем не менее оправлялся – шагал все увереннее и вопросов больше не задавал. Кое-кто из его людей с некоторым подозрением поглядывал на магов, но, наверное, никто из них не верил, что их лейтенанта может вот так влегкую заломать какая-то рыжая девчонка.

Откуда ни возьмись снова появилась кошка. На сей раз она даже мяукнула, почти приветливо, в упор глядя на Машу совсем не по-кошачьи красными глазами.

Болотина тем временем совсем успокоилась. Мрак сгустился, став почти чернильным.

– Как тут чего доставать? Не видно ж ни зги... – пробурчал Морозов, вновь становясь прежним. – Фокин, давай ракеты. Видишь,годились. Игрунов, берись за костер. Товарищи маги, вы сказали, что тросы с кошками понадобятся?

Игорь кивнул.

– Мы поможем тянуть. Одною кошкой тут не справишься.

– Хорошо еще, что недалеко от тропы, – подала голос Маша. – Игореха, держи этого чудла. Я тела нащупаю. Эх, эх, пошли, что называется, по грибы...

– А остальные-то где? – мрачно осведомился лейтенант. – Не показал ваш поиск?

Игорь покачал головой.

– Если этих двоих вытащим – то и на след остальных выйдем, товарищ Морозов. Это уже куда проще, чем большой поиск, да еще с таким чудом-юдом под боком.

– Здесь, – Маша зажмурилась, ткнув пальцем в черное блестящее окно воды среди вспухших, словно нарывы, моховых кочек. – Забрасывайте кошки. Игорена, наводи. Я ее держать стану.

– Ее? – удивился Игорь.

– Это... она, – почему-то без тени сомнения отозвалась Маша.

Разведенный умелыми руками бывших армейских разведчиков костер ярко пылал, горели специальные факелы – даже они нашлись в хозяйстве у рачительного Ивана Степановича Скворцова, непонятно, по каким фундам выбитые, по каким лимитам проведенные...

Теперь тела Маша видела как никогда отчетливо. Двое мужчин. Н-да, не иначе как баб до последнего прикрывали... фронтовики небось...

Сверху спускались якоря-кошки, светились мягко-янтарно. Игорь работал филигранно. Именно наводил, аккуратно заводя лапы якорей куда следует.

А где ж чудовище-то? Не померещились же им с Игорехой пятнадцать по Риману и почти двадцать по Чикитскому?

Не буди лихо, пока спит тихо, успела она подумать, прежде чем перед глазами вспыхнуло новое солнце – магический удар был нанесен мастерски, по всем правилам. И тянул самое меньшее на десятку по все тому же Риману. Чистая сила, без каких-либо изысков. То, что как раз и учили отбивать, что она впервые – по наитию – сделала еще на фронте, как раз в Померании, когда вокруг все рвалось и горело, а немцы шли в свое последнее, самое отчаянное контрнаступление.

Среди болотной тьмы и мглы, в глубине, под слоем застывшей воды, подо мхом, под кочками и корягами, под корнями низких примученных сосенок – шевельнулась, ожила и оконтурилась призрачным огнем человеческая фигура. Развела руки в стороны, оттолкнулась от дна и упрямо, не останавливаясь, без удержу полезла вверх, словно отвечая на зов.

Мама-мамочка, я ж ее не удержу, вдруг с ужасом поняла Маша. Пятнадцать по Риману, ой-ой-ой, вот же они, во всей красе, Игореха, черт, давай уж, тяните скорее, пока она не выбралась!

Второй удар Машка уже не отбила, еле-еле отвела в сторону, краем сознания ощутив, как где-то там, среди болот, из черной воды, разметывая мох, коряги и кочки, к ночному небу рванулся столб испепеляющего пламени.

Сжалась, лихорадочно повторяя формулы, выстраивая защиту, хотя уже понимала – пятнадцать по Риману ей не сдержать.

Но невесть откуда и невесть от кого вдруг подоспела подмога. На незримый огонь словно вмиг накинули узды, смиряя и поворачивая его поток. Маша на мгновение даже увидела тонкую серебристую нить, опутавшую бьющуюся под слоем мха фигуру. Вторую нить, третью. Такую нить Марии всего раз или два удалось самой выбросить. Один раз – все там же, в Померании, а второй – на зачете. Хотелось тогда перед Арнольдичем похвастаться. Эх и разозлился он. Оказалось, не метод это для советского мага. За такие ниточки в такие места попасть можно... Неужто кто из фрицев неупокоенных помогает, из тех, кто в здешних болотах сгинул. Не похоже. Нитью скрутили болотное страшилище крепко, но бережно. Убивать не хотели, только удержать.

Помогли – но кто? Не Игорь, это ясно – тот сейчас изо всех сил тянул из трясины вверх оба тела.

Транс прервался, она вновь стояла на тропе – хорошо, не опозорилась, не пришлось нашатырь нюхать. Дыхание срывается, в глазах красные круги, спина вся мокрая, хоть рубашку выжимай.

Но зато на тропе, на краю болота, лежат рядом два тела. Над ними склонились Игорь и лейтенант.

– Нашли? – выдавила Маша.

– Нашли, – мрачно подтвердил Игорь, выпрямляясь и хлопывая себя по карманам. – Да только не тех.

– К-как не тех?

– А вот так. Это маги, Маха. Оба с жетонами, со смертными медальонами. Офицеры. Действующая армия... или милиция, пока не знаем. Ваши, лейтенант? – он обернулся к Морозову. – Откуда они здесь?

Маша взглянула на трупы одним глазом, и ее тотчас замутило. Замутило, хотя на фронте, казалось, навидалась всякого.

Лица и ладони выбелены, тела вспухли, но волосы еще держатся. А грудь у обоих разворочена, наружу торчат обугленные осколки ребер, словно кто-то садистски выламывал каждое из них. Внутри ран все черым-черно, только скользят блеклые полупрозрачные черви – откуда взялись?

– Михаил Мишарин. Владимир Мрынник. Личные номера, – Игорь держал в горсти смертные медальоны. Оба светились тускло-янтарным светом, послушно ответив на прикосновение мага.

– Откуда они тут взялись? – беспомощно выдохнул Морозов.

– Это у тебя, лейтенант, лучше спросить, – бросил Игорь. – Самое большее – две недели прошло, ну, может, три, учитывая магию. Кто они? Откуда? Наши, кармановские, местные – или приезжие? А, лейтенант? Ты охраной в горисполкоме командуешь, через тебя все книги посещений проходят – были такие?

– Что пристал? – отвернулся Морозов. – Не знаю я, никогда не видел, не встречал. И кармановские, нет ли – не знаю. Город все-таки, не деревня.

– Значит, живы наши-то, – подал голос один из бойцов, Фокин.

– Скорее всего, – кивнул Игорь. – Тела вынести надо, деваться некуда. А потом еще... смотри, Маш, – он склонился над трупом.

Преодолевая дурноту, Маша вгляделась.

Веко покойника чуть заметно подергивалось.

– Денекротизация в чистом виде. Уже началась, – прокомментировал Игорь. – Понимаешь, что делать надо?

Маша понимала. Недоожившие трупы нести в город, там, в морге, в особой комнате, проводить долгий, нудный, грязный и опасный ритуал. А потом хоронить – в бетонном гробу, потому что бывали случаи спонтанного денекроза уже очищенных, казалось бы, лучшими специалистами трупов.

А еще это означало, что по всем писанным инструкциям и по неписанным, но не менее жестким законам сообщества магов своих погибших надо было выносить немедленно, потому что их смерть могла обернуться куда большей бедой, чем, к примеру, неразыскание тех шестерых бедолаг, из-за которых все и началось.

– Надо возвращаться, – выдохнул Игорь, вставая. Как показалось Маше – с отвращением к себе. – Мертвых... обиходить. Доложить куда следует...

Доложить куда следует они и впрямь были обязаны. Отделения МГБ в Карманове не было, докладывать надлежало напрямую в область.

– Маш... давай последний заход, а? Хоть бы только на «мертвый-живой», без привязки к местности?

– Недопоиск...

– Ну да. Чтоб не с пустыми руками домой. И родне сказать, мол, живы, знаем точно.

– Давай, – Рыжая тряхнула волосами.

...И вновь им помогли. Болотная тварь дернулась раз, другой, почуяв творимое рядом чародейство, хоть и куда слабее, чем поиск по Курчатову, – и замерла, придавленная, словно бетонной плитой, чьим-то сильным и сложным колдовством. Сплетено было так тонко, что Игорь, похоже, так ничего и не заметил.

А люди еще оставались живы. Заклятие отвечало на вопрос ясно и недвусмысленно.

– Хоть тут все удалось, да, Маш?

– Угу. И не так далеко. До утра протянут, во всяком случае, от жажды не умрут, хотя здешнюю воду пить... – она покрутила головой.

– Ничего, тут-то базовый курс наш и пригодится.

Бойцы лейтенанта Морозова тем временем сноровисто уложили тела погибших на носилки, и вся процессия двинулась прочь из недоброго леса.

Игорь шел впереди, отыскивая путь по магическим меткам, сосредоточенный и суровый. Но где ему было почувствовать; а вот Машка никак не могла избавиться от ощущения, будто ей пристально смотрят в спину, словно решая, друг она или враг.

* * *

В горисполкоме, конечно же, никто не спал.

Иван Степанович Скворцов выскочил к ним навстречу – вместе с еще несколькими незнакомыми в армейской и милицейской форме. Носилки с мертвецами тут же подхватили, загружая в невесть откуда взявшийся фургон: окошки в кузове закрашены белым. Милицейский чин с каменным лицом и погонами капитана подступил к вытянувшемуся по стойке «смирно» Морозову, что-то негромко, но очень жестко бросил.

– Давайте за мной, – махнул рукою Скворцов ребятам.

– А... как же мертвые...

– Успеете. Если надо, вам все скажут и вызовут, куда следует, – деревяшка цокала по мраморным ступеням. – Рассказывайте пока все по порядку, что там случилось, чего и как.

Маша с Игорем переглянулись. В тихом Карманове творилось что-то совершенно непонятное. Двое магов. Настоящих, с офицерскими жетонами, и – Игорь готов был поклясться – обе фамилии ему хоть и смутно, но знакомы.

– Садитесь, – Скворцов бухнул на стол три стакана с дымящимся чаем, придвинул тарелку с колбасой, явно из кооперативного ларька, по сорок семь рублей кило, машинально отметила Маша. – Не нашли наших-то, значит?

Игорь покачал головой.

– Но знаем точно, что живы. А найти не смогли, потому что...

– Иван Степанович! – вдруг перебила Маша. – Товарищ Скворцов! Мы тут... – она замолчала, набираясь смелости, – столкнулись кое с чем.

Председатель собирался было придвинуть Маше чай, но остановился, так и не коснувшись стакана.

– С чем? – ровным голосом переспросил он.

– Там на болоте... мы видели то, что убило магов, – выпалила Маша, так и впившись взглядом в лицо председателя: знает или нет.

– И что это? – неторопливо размешивая в стакане сахар, спросил Скворцов. Но сахарная заверть дернулась. Маша бросила взгляд на побелевшие от напряжения пальцы председателя, сжавшие ложечку. Что-то ему точно известно. Может, и не все, но уж всяко больше, чем двум свежее испеченным магам.

– Может, вы знаете, Иван Степанович? – пошла ва-банк Машка. – Что ж тут у вас на мшарищах-то делается? Такое ни в одном определителе не найти! Никакая нечисть лесная или болотная под описание не подходит!

Ложечка в руке председателя мерно позвякивала. Он все мешал и мешал свой чай, мешал и никак не мог остановиться.

– Вы... это самое... которое не из определителей... сами видели? Как выглядит-то?

– Мы... – начал было Игорь, но Рыжая пнула его под столом, и он вовремя осекся.

– Как выглядит? – Маша с прищуром смотрела на подобравшегося, напряженного Скворцова. – На человека похоже, только... с крыльями, – вдруг добавила она по наитию.

Разумеется, о том, что существо выглядело так в диапазоне, доступном магическому зрению, товарищ Угарова умолчала. Игорь смолчал тоже, вторично получив по голени.

– Как человек? – растерялся Скворцов. – С крыльями? О боже мой... – вырвалось у него совсем недостойное твердокаменного коммуниста и бывшего красного командира, «проклятых попов» шашкой рубавшего.

– Как человек, – кивнула Маша. – С крыльями. Вы про это ничего не знаете, а, Иван Степанович?

Скворцов не ответил. Сидел, играя желваками на скулах и сжимая подстаканник.

– Кто там на болоте такой может быть? Что двух магов-офицеров задрал и бросил? Не сожрал, как нечисти такого рода положено. А оставил. А, Иван Степанович? – Машка чувствовала, как закипает внутри злость. Пережитое на болоте давало о себе знать. Пальцы дрожали, в животе сжался комок. Знал Скворцов. Знал и смолчал. Да еще и на болото отправил. А если бы она удара не сумела б отвести? Вырвала бы тварь ребра ей или Игорю...

– Вы знали, что те двое магов в болота пошли, Иван Степанович?

Врать Скворцов умел плохо.

– Да откуда ж мне знать-то? Я простой исполкомовец, мне госбезопасность или там милиция не докладывают. Только если чего-то от города нужно, стены в отделении побелить или там... Я их лично никуда не посылал, начальник горотдела капитан Мальцев – вы его на дворе видели – тоже. И вообще, дорогие мои... – председатель пожевал губами, собираясь с мыслями: – Понимаешь, Мария, тут такие обстоятельства, что всего не скажешь. Просто не могу сказать. Дело выходит сложное и не нашего, кармановского, масштаба. Понимать должны, что есть вещи, о которых нам с вами лучше и не думать. Не нашего ума дела.

– Не нашего ума? – Машка едва не подскочила, ярость сдавила горло, – Куда уж нам. Нас с Игорем можно в болото к дряни какой-то послать. Авось не задерет. Но знать не положено.

– Маш, зря ты так, – начал было Игорь, – у Иван Степаныча приказ... наверное.

Скворцов молчал.

– Приказ? – набросилась Машка на Игоря. – Если бы приказ, наверху бы знали. Магов бы не прислали парой. Тут бы уже дивизия стояла...

– Не присылали сюда этих магов ни МГБ, ни милиция, – проворчал Скворцов. – Мне они не докладывают, но в таких-то делах, того, шила в мешке не утаишь.

– А ведь я их вспомнил, магов этих, все думал, откуда знаю, – вдруг невпопад выпалил Игорь. – С нашего факультета они, предвоенного выпуска. Сдвоенного, когда разом два последних курса выпускались. Я про них в многотиражке читал, когда к пятилетию Победы списки составляли, мол, ребята Т-факультета на фронтах Великой Отечественной. И с кафедры... предельной диагностики. С кафедры Виктора Арнольдовича.

Взгляд, которым Маша удостоила Игоря, казалось, говорил – ну, Игорь, ну, голова!

– Мне фамилии сразу знакомыми показались, – продолжал тот. – Вспоминал, вспоминал, ну и вспомнил.

– Молодец, – мрачно и зло сказал Скворцов. И замолчал.

– Значит, не расскажете? – проговорила Маша. Скворцов опустил глаза, но отрицательно качнул головой.

– Не могу, Марья, хоть режь. Секретное дело. Вы ж фронтовики, понимать должны, что я тут по рукам и ногам связан.

– Не можете, понимаю. Но поутру надо снова будет туда идти, – глядя искоса, закинула удочку Маша. – Те шестеро – они ведь где-то там, на болотах. Живые. Вытаскивать надо. А армейцев или там милиционеров – не требуется. Нарвутся на это чудо... а вдруг там оно и не одно?

Скворцов пожал плечами, мол, сами знаете.

– В Москву сообщать надо, не иначе, – пытаюсь звучать солидно, заявил Игорь.

– У Москвы своих забот хватает, – буркнул председатель. – Ежели от них решения ждать, так пропавших точно не выручим.

Машка и Игорь, уже смирившиеся было с тем, что тайна так и останется тайной – с приказом не поспоришь, – с удивлением увидели, как затравленно бегает глаза председа-

теля, как побелело его лицо при слове «Москва». Не знают в столице, что в Карманове происходит. Иначе не ерзал бы так на стуле Скворцов.

– Недоговариваете вы, товарищ председатель, – Игорь строго воззрился на смешавшегося Ивана Степановича. Умел Игореха в свои годы быть, когда нужно, и суровым, и грозным, и про моральный долг человека и коммуниста напомнить. – Людей под угрозу ставите. Если в болотах такая чуда сидит и вы про это знали, обязаны были колючей проволокой все оплести, чтобы и близко б никто не сунулся!

– Будешь ты меня, сопляк, учить, как о людях думать! Стыдить будешь? – прорычал Скворцов и добавил чуть теплее: – Или, может, ты, Маша? Вот такую тебя на руках нянчил. А теперь подросла Машура – и показания с меня снимать будет.

– Может, и буду! – Маша гневно сверкнула глазами. Тяжелый, каменный взгляд словно ударил председателя. Тот чуть подался в сторону, переступил – чиркнул по полу под столом протез. – Меня партия не для того учила, чтобы я на безобразия глаза закрывала! Жалобы всюду писать стану, так и знайте, *гражданин* Скворцов, и в обком партии, и в Москву, в комитет партийного контроля, и Виктору Арнольдовичу самому тоже напишу! Он-то должен будет узнать, что двое его учеников тут головы сложили!

– Должен узнать, как же! – взорвался председатель, вдруг вскакивая. Деревяшка яростно стукнула по ни в чем не повинному полу. Стаканом Иван Степанович грохнул об стол, чай выплеснулся на зеленое сукно. – Вот и пусть узнает! А обкомом ты меня, Угарова, не пугай. Ни в тридцать третьем, ни в тридцать седьмом, ни даже в сорок первом труса не праздновал, так что и теперь штаны не намочу. Больше вышки не дадут, дальше Колымы не отправят.

– Зря вы так, Иван Степанович, – постарался примирить всех Игорь. – Раз уж мы здесь, это уже не «не нашего ума дело». И вы правда... сказали б нам, как есть. О том, чем тут дело пахнет, мы потом с вами потолкуем. А заблудившихся все равно искать надо, есть на болотах чудовище, нет ли. А поскольку оно там есть и двоих магов убило – надо искать как можно скорее. Прямо с утра, по свету. Только мы теперь с Ма... с товарищем Угаровой вдвоем пойдем. Нам автоматчики ни к чему.

– Ага, ни к чему, – кажется, Скворцов тоже искал возможности отступить, не теряя лица перед дерзкой рыжей девчонкой. – А если они ранены? Если идти не смогут? Если помощь срочно оказать потребуется? Или вы как, в «пределах базового курса» сумеете?

– Если надо, то сумеем, – Игорь не отвел взгляд.

– Нет уж, – отмахнулся председатель. – Морозов вам тогда не помешал и теперь не помешает. А про магов этих – забудьте, как коммунистов прошу. Вы, что смогли, сделали. Теперь они не будут «без вести пропавшими» числиться, похоронят их по-человечески, семьи пенсии получают за утрату кормильца...

Маша вдруг приподнялась, в упор глядя на Скворцова и быстро складывая пальцы рук в странные фигуры. В просторном кабинете вдруг ощутимо запахло озоном.

– Э-э, Угарова! – предгорисполкома вдруг разом покрылся потом. – Ты мне это брось! Ты что ж удумала, на меня, ответработника, со своей магией лезть?! Не знаешь, что за такое бывает?

– А меня тоже дальше Колымы не пошлют, – Машка от досады закусил губу. – Защита у вас хороша, а вот врете вы, гражданин председатель, неумело. Вас даже на детский утренник Бабу Ягу играть бы не взяли. Вот и нам вы лжете почему зря, за кресло боитесь, хоть и пыжитесь тут, хоть и храбритесь. Ладно, гражданин Скворцов, мы с товарищем Матюшиным уходим уже. Разговаривать с нами, сказать, как оно по правде было, вы не хотите. Что ж... на поиски мы все равно пойдем. Даже и сами. Пусть лучше нам скажут, что с трупами делать. Денекротизирующимися.

– Не сердитесь, Иван Степанович, – Игорь примирительно развел руками. – Но история и впрямь странная донельзя. Если секреты какие здесь есть, государственные, о которых и в столичных верхах не всем знать положено, – так ведь мы все, маги-выпускники, не просто гражданские специалисты, но и офицеры. И вместо паспортов у нас – офицерское удостоверение личности. И допуск на каждого из нас оформляли. Нам-то сказать вы все можете. А, Иван Степанович? Ну, ведь не случайно вы у Виктора Арнольдовича нас двоих запросили, так? Небось после пропажи тех двух чародеев и запросили. Что они там делали, зачем полезли – предполагать не буду, но пропали они без вести, и не стали вы бить во все колокола, а тихонечко попросили помощи у старого друга своего еще по Гражданской, товарища Потемкина. Если хорошо подумать, что ж получается? Если б те двое магов особое задание выполняли, от МГБ, скажем, или от милиции, или еще от кого – так была б здесь уже целая дивизия. Двое вот так исчезнувших опытных волшебников – не шутка. Значит, не в командировке они тут были, а неофициально, по собственному почину. И тоже никому ничего не докладывали.

На Скворцова было жалко смотреть. Председатель как-то враз сник, осунулся и постарел на добрый десяток лет. Сложись иначе, не стали бы они так мучить старика, все-таки свой человек. Сколько лет всему Карманову поддержка и защита. Но тут – не о Карманове речь. Не только о Карманове.

– Эх, ребята... сядь, Маша, не сверкай на меня глазами. Одно дело делаем, нам с вами тут ругаться не с руки. Не по-советски это, ребята, не по-коммунистически. Что в болотах у меня какие-то дурные дела творятся, я знал. Нет, люди до сих пор не пропадали. А только про те леса зловещие слухи поползли, и сами, по доброй воле, туда даже самые заядлые грибники соваться не решались. Лешие, опять же, совсем с ума спрыгнули.

– Мы такого ничего не слышали, – с сомнением протянул Игорь.

– Не успели просто... – Скворцов глядел в пол. – Да и опять же, бабий треп – в него и в самом Карманове не все верили. Пошло это, дорогие мои, еще с войны, с осени сорок первого. Вы вот знали, например, что товарищ Потемкин, Виктор Арнольдович, был здесь в те дни, когда немцы к Карманову подступали? По глазам вижу – нет. Не знаете... бой тут был жаркий, только нам не видимый. Кто там сражался, как – не ведаю, только остановили тогда фрицев на дальних подступах, такого шороху нагнали, что на нас они уже и не полезли. Арнольдич, помню, весь белый тогда вернулся, лица нет, сам чернее тучи.

Маша с Игорем все обратились в слух. Иван Степанович тяжело сгорбился, подпер ладонью голову, словно не осталось сил держать, и говорил негромко, хрипловато, обращаясь главным образом к зеленому сукну стола, потемневшему от разлитого чая.

– Я ж его давным-давно знаю, Витю... с восемнадцатого года, когда в одном эскадроне оказались... беяков вместе крошили... лихо он воевал, ничего не боялся, ни пули, ни снаряда, ни заклатья... хоть и крутенок был, ох, крутенок! Сабелькой любил помахать, после боя-то, ох, любил... По тем-то временам, пока Лев Давидович, главком тогдашний, в силах оставался, с рук не только что сходило, а и хвалили, и в пример ставили, и ордена вешали... Это сейчас по головке б не погладили, а если по правде – так и к стенке могли поставить... за эксцессы, как говорят, хе-хе...

Только вот не шибко задержался он у нас, Виктор Арнольдич-то, приятель мой... заметили его дар да и в Москву с фронта отозвали. Институт закончил, потом Академию и в гору пошел. Он – в гору, а я... в госпиталь, там ногу отрезали, и хорошо еще, что только по колено. Ну, а потом уж сюда. Опять же другу Вите спасибо – хоть и молод был, а уже его отличали. Он и замолвил словечко... Что ж, говорю себе, товарищ коммунист Скворцов, будешь бороться за счастье трудового народа теперь тут, в родном Карманове. Кто ж мог подумать, что до нового нэпа доживем, мы, старые революционеры?! Впрочем, не про то я... про сорок первый речь же шла...

Так вот, вернулся тогда Виктор сам не свой, снега белее, словно мальчик-кадет, впервые мертвого увидевший. Трясло его всего, лицо до кости, почитай, сожжено, вместо бедра – кровавая каша, осколки костей торчат. Уж не знаю, как выдержал, как добрался – крепка, видать, его магия, не зря и генералом сделался, и профессором, и деканом... Вернулся и говорит, мол, Иван, немцев мы остановили, но ценой такой, что лучше бы про нее никому и не знать. Вот тут я старого Витю и вспомнил, красного кавалериста... что-то знакомое проглянуло, хотя, с другой стороны, конечно. Сделал он там что-то такое... за пределом, за чертой, словно двадцать лет назад, в Гражданскую, когда белую сволочь к Новороссийску гнали... Только тогда он лишь ухмылялся да сабельку вытирал-острил, а теперь словно ума лишился. Ты, Иван, только не говори никому. А то и мне несдобровать, и тебе. Я ему – а меня-то ты чего приплетаешь? А он мне, мол, твой городок, тебе еще небось и орден повесят за героическую оборону, а мне, мол, теперь с таким жить, что лучше тебе, простой душе, о том и не задумываться. А у самого на глазах слезы стоят.

Игорю и Маше казалось – весь мир сейчас исчез, остался только этот стол под зеленым кустом, дурацкий казенный графин с треснувшей пробкой да пятно от пролитого чая – а над ними хрипло выкашливает, выворачивает наизнанку душу человек, молчавший целый десяток лет. И о чем молчавший!

– Короче, сказал Виктор, полковник Потемкин, генерала-то ему уж много после дали – сказал товарищ полковник, что полегли в наших болотах самые лучшие маги, те, на кого столько надежд было, на кого впору молиться было. Нас защищали. Защитить не смогли, только задержали зло. Запечатали, и для того, чтобы это зло остановить, пришлось такую магию в ход пустить, что, узнай о ней в Москве, Колыма курортом покажется. Осталась смертоносная колдовская дрянь там на болоте: ни убрать, ни убить, ни усыпить. Мол, у немцев сильные маги там оказались. В общем, друг Иван Степаныч, запоры там надежные. Сам ставил. А ежели что случится – дай мне знать. Я ему – о чем ты, какое «дам знать», война же! А он усмехнулся только – помирать буду, ту усмешку вспомню, трупы ходячие веселее да живее усмехались – и говорит, ничего, мол, ты мне только напиши, вот номер полевой почты, а дальше письмо меня быстро найдет, мол, везде и всюду. Да я и сам приглядывать буду, говорит. За то, что я отныне погибшим должен, мне век не расплатиться.

И долго так оно все и было. Немцев от Карманова отбросили, потом фронт встал, потом фрицы на Сталинград поперли... но то уже далеко от нас было. Жизнь своим чередом пошла, хоть и военным. Ну да нам не привыкать. Сперва-то я болота того боялся, как огня, а потом смотрю – ничего там такого не делается, тишь да гладь, ну и стал забывать о нем. Других забот хватало. Шутка ли, вся война прошла – а ничего эдакого у нас не приключилось. Я уж подумывать стал, не ошибся ли друг Виктор Арнольдич, столько лет минуло... Ан нет, не ошибся, чертяка, все верно сказал. Слухи поползли... нехорошие. Но до поры до времени одни только слухи. Люди не пропадали, зла никакого не творилось, а в лесах у нас каких только чудес после войны не водилось. Даже некрофаги.

В общем, когда слухи стали уже и до меня добираться, позвонил я другу Арнольдичу. Было у нас условлено, как весть подавать, ежели что... он пообещал «человечков послать». Вот и послал, – Скворцов с горечью кивнул на окно, где давно воцарилась ночная тишь; спецмашина с двумя трупами давно уехала. – Они ушли да и не вернулись. Я опять к Арнольдичу, – он хрипло прокашлялся, залпом опрокинул в рот остывший чай. – Вот и вся история. Дурацкая, верно? Ну, так в жизни оно все так, нарочно не придумаешь. Прислал вас Виктор. Не знаю, почему. Может, верит в вас крепко. Знает, что остановите вы эту гадость. На вас одна надежда. Я ведь не о себе. Родной дом, семьи свои защитить прошу. Ведь не чужие вы здесь. И Витя в вас не на пустом месте так верит...

В голосе председателя слышалась такая мольба, такая горечь и отчаяние, что Игорь покраснел и опустил глаза. Стыдно стало за старого фронтовика.

Маша зябко повела плечами. Чем-то жутким повеяло от рассказа председателя, жутким и замогильным – нет, не денекротизированными трупами, чем-то иным, еще страшнее.

– И-иван Степанович... – Игорь тоже откашлялся, собираясь с мыслями. – Дело, конечно, небывалое, но мы...

– Вы, мои дорогие, сперва с теми двумя бедолагами сделаете, что положено, – Скворцов с усилием провел ладонью по лицу, словно норовя стереть все следы недавней слабости. – Их в городской морг отвезли, я распорядился. Что бы ни говорил Виктор, к нему отправлять не будем. Сами справитесь. Под мою ответственность. А заодно посмотрите поближе, может, мысли какие в голову придут, что тут у нас на болоте за нечисть фашистская осталась. А что такое денекротизация, можете мне не рассказывать. Воочию видел. Учинил друг Витя один раз такое, в Гражданскую...

У Игоря глаза полезли на лоб, Маша тихо ойкнула, зажимая рот ладонью, – совсем не похоже на бойкую Рыжую.

– А что было делать? Беляки нас тогда жали, к Орлу подходили, уже на окраинах бой шел. Конный корпус генерала Шкуро нас обходил, кабы не Виктор – хана всему полку нашему, да и дивизии тоже. Вот он и сделал... потом еще смеялся надо мной, мол, как ты думаешь, кого беляки в атаки психические гоняют? Ну я-то знал, что никаких не трупиков, так ему и сказал... Так что давайте, друзья мои. Двое мертвых магов ой чего натворить могут, сами знаете.

Они знали.

– «Козлик» мой внизу стоит, он вас и отвезет, – Скворцов тяжело поднялся, приволакивая протез. Скрррр... скррррр... не слышать больше бодрого постукивания. – А с пропавшими...

– С пропавшими – мы их завтра снова искать пойдем, – непререкаемо изрекла Маша. – Пока их тоже не сожрали.

– Запретить не могу, – уныло сказал председатель. – И посылать тоже не могу. Сами решайте. Только знайте, если во все колокола бить, в область сигналить или там в Москву – то дело скорее не сделается. Контор у нас много, все они большие, писать любят. Да и те чародеи, что голову здесь сложили, разве заслужили такой срам – из героев в преступники, в чернокнижники? Может, хватит сил без шума управиться: у вас сила и знания, Арнольдич хорошо натаскивает, а у меня – запасы кое-какие есть, а в случае чего – могу и за ниточки нужные потянуть...

Игорь вздохнул и потупился. Да, не изжиты у нас еще пережитки прошлого в сознании отдельных советских граждан...

– Мы пойдем, – в очередной раз повторила Маша. – Только Виктору Арнольдовичу знать дадим. Раз уж знаем теперь, что к чему, может он с нами по душам поговорить. Да хоть бы объяснил, почему сам до сих пор с этим не разобрался. У него же силища не в пример нашей.

– Сравнила, матушка? – пробормотал председатель. – За таким магом, как Виктор, – пригляд особый. А тут, сама видишь, дело непростое... Да и еще он мне говорил как-то, мол, надо из всего пользу извлекать, даже коль трагедия случилась. Уроки чтобы усвоили, значит. В лаборатории-то этакий ужас не воспроизведешь, не сделаешь, немцы, когда мы уже к Берлину подступили, так и не рискнули самое жуткое из арсеналов на нас выпустить, понимали, что тогда уж точно пощады никому из них не будет. Говорил, мол, ученый истинный только тогда чего-то стоит, когда умеет любое происшествие на пользу стране обратить. Вот он и обратил, мол. Дескать, следит он за тем, что делается, как замки удерживаются, и через то будет науке нашей, обороне державной большой прибиток. Мол, что нужно, мы сделаем. Ты мне только, Иван, верь, как в Гражданскую верил, когда плечо к плечу рубились.

– И Отец нас, значит, прислал... – пробормотал Игорь, глядя в пол.

– Прислал, – кивнул председатель. – Значит, справитесь. Не ошибается он. Согласны?

* * *

Вернувшись из морга, остаток ночи Игорь с Машей провели дома, заставляя себя если не уснуть, то хотя бы расслабиться – как на фронте перед боем. С телами недооживших магов пришлось повозиться, но процедура прошла на удивление штатно, от и до, как по прописям.

Придя домой, успокоили, как могли, родных. Мол, ничего страшного, пропавшие живы, просто добраться до них не так легко, мол, в самые дебри забились, грибники неистовые, в самую топь. Осторожно поспрашивали, не слыхал ли кто чего про те места, – матери пожимали плечами, мол, да, болтали бабы на базаре, что нечисть там шалит, ну так они про это всегда болтали, образованному человеку во все такое верить даже и неприлично. После войны много чего жуткого по дебрям случалось, лешие и прочие обитатели во время боев чуть с ума не сошли – чего ж теперь удивляться-то? И хотя случались после войны в заречных лесах трагедии, но случались они по причинам понятным, хоть и горьким, главным образом от неразорвавшихся вовремя мин или снарядов. Чтобы кто-то погиб, нечистью задранный, – нет, давно уже не бывало.

– Мы-то, доча, только по местам проверенным ходим, по тропам надежным. Много там не возьмешь, зато домой вернешься целым и невредимым. А эти, видать, пожадничали, в неоткрытое полезли.

Скворцов встретил их возле горисполкома – подтянут, выбрит, освежен одеколоном. Собран. Вместо костюма с галстуком – полувоенный френч с портупеей, на ней – пистолетная кобура.

Не пустая.

Рядом вместе со своей командой вышагивал и лейтенант Морозов, и выглядел он – краше в гроб кладут. Ночью точно глаз не сомкнул, и это самое меньшее.

– Ну, удачи вам, ребята, – сердечно простился председатель. – Маша, Игорь, на два слова. Вы уж не сердчайте на меня, товарищи маги. Такое уж дело вышло, – он развел руками. – Помните, что я вам вчера говорил. Про товарищей наших, десять лет назад смерть героическую принявших. За Родину, за народ трудовой... не надо их имена полоскать. Что они за черту шагнули – так не нам их судить. Что немцы такого в ход не пустили – то их фашистское дело. А наши вот пустили. И победили! Хотя и сами полегли!

– А вы-то, Иван Степаныч, тех, что полегли, знали? Или что они там сотворили?

– Нет, Маша, не знал, – вздохнул председатель. – А уж чего сотворили... Виктор мне тоже в деталях не открыл. Сказал лишь, что такое даже фашисты в ход пускать боятся. Возмездия опасаясь. Знаете, как с газами? В империалистическую-то, в Первую германскую, травили друг друга без устали, а в Отечественную – уже нет. Больно газы страшными сделались. Глазом моргнуть не успеешь, а полстраны в кладбище обратится, твою собственную армию не исключая. Таскали мы всю войну противогазы, таскали, да, к счастью, обошлось все. Так что... счастливо сходить, невредимыми вернуться. И пропавших найти!

– Найдем, товарищ председатель, – хмуро и решительно сказала Маша, не глядя на Скворцова.

– Вот и славно. Это по-нашему, по-большевистски... Морозов! Готовы?

– Так точно, – в тон Маше, хмуро бросил лейтенант. – Товарищ председатель! А может, все-таки...

– Не может! – оборвал его Скворцов. – Все, хватит время терять! В добрый путь. И возвращайтесь. Пожалуйста.

...Знакомая тропа. Встает над лесом утро, ясное, чудесное, мирное. Вот почти такое же, как второго мая, когда окончательно стихли выстрелы в Берлине и младший лейтенант Игорь

Матюшин, расписавшись на рейхстаге, глазел на почерневшие от копоти Бранденбургские ворота.

Засечки остались, никуда не делись, так что нужное место найдем и без кошки.

– Лешаки смотрят, – вполголоса проговорила Маша, вглядываясь в окружающую их чашу.

Игорь молча кивнул. Лесная нечисть (или, вернее, нелюдь – особого вреда от леших не было, а порой удавалось и существенной помощи добиться) напряженно ждала.

– Боятся. Хотя та бестия из болота своего едва ли вылезала.

– Скорее заманивала, – кивнула Маша. – Но нам туда соваться нужды нет. Потерявшихся там нет, это точно. Едва ли они ночью бродили. Скорее пытались на одном месте отсидеться.

– Давай еще разок по Курчатову пройдемся. Только уже с поправками на эту тварь болотную.

Обогнув по широкой дуге роковое болото, вышли на старое место. Черное кострище, оставшиеся мелкие окопчики. Лейтенант Морозов мрачно велел своим занимать позиции, на Игорево удивление только отрезал, мол, у меня приказ.

Тщательно, не торопясь, ставили защиту. Четыре уровня, все по учебнику, как положено. Прежде всего надлежало прикрыть милиционеров – как Игорь с Машей и предсказывали, проку от тех не было пока никакого. Магам творить заклятие, а это значит – раскрываться. Тут излишняя защита может даже помешать – как тяжелые доспехи не помогли псам-рыцарям на льду Чудского озера.

Второй раз Курчатов шел уже легче, хотя почти бессонная ночь и проведенный обряд над погибшими чародеями не могли не сказываться. Вновь забеспокоилась, забилась болотная тварь, но теперь уже Маша знала, как с ней справляться. Ничего у тебя не получится, прости. Если ты от фашистов осталась, то радуйся, пока мы с тобой не покончили. Если ты наша, от того самого «заступления за черту», то... то прости, но покончить с тобой нам тоже придется. Потом, как потерявшихся разыщем.

Спираль разматывалась; Игорь, как и прошлой ночью, умело скидывал норовившие захлестнуть Маше шею незримые петли. Болотная тварь притихла, сидела, прижавшись к самому дну, и ни гугу, словно поняв, что дело пахнет керосином.

Обнаружились и лешаки – попрятавшиеся, затаившиеся за кочками и кустами, напряженно ждущие исхода. Раскручивающееся заклятие словно высветляло весь лес, делая его цвета сепии⁴, точно на старой-престарой фотографии. Отыскивалось всякое. Немецкая авиабомба, глубоко ушедшая в болотное дно и до сих пор сочащаяся чужой холодной магией; какой-то идол, додревнее городище, поглощенное жадной топью, – поиск по Курчатову не должен был бы являть ничего подобного, но привычные пределы и ограничения опрокидывались сегодня одно за другим.

Не страшно, страх вытеснен азартом. Машу захлестывал пьянящий, кружащий голову восторг – от собственного могущества, почти всемогущества. Сейчас, вот сейчас, вот еще чуть-чуть – и пропавшие наконец проявятся, заклятие сработает, как ему и положено, они выберутся из леса... и все станет хорошо. Совсем хорошо.

Все шире и шире захват спирали, Маша словно парит над болотами и чащей, поднимается выше, выше, к самому солнцу. Яркий день, лучи словно пронзают мутную воду трясин, заставляя зло бежать в ужасе, забиваясь в норы и под коряги. Никто не встанет на пути всепобеждающего света, все недоброе бессильно. Сейчас, сейчас, еще немного, еще совсем чуть-чуть...

⁴ *Сепия* – оттенок светло-коричневого цвета, присущий старым черно-белым фотографиям (Прим. ред.).

В золотое солнечное сияние словно ворвалось иссиня-черное пушечное ядро, почти как в «Петре Первом». Плавно раскручивающаяся спираль сорвалась, внутри Маши это отозвалось жутким режущим скрипом, железо по стеклу или патефонная иголка, с хрипом и визгом проехавшаяся поперек грампластинки.

Чернота не допускала до себя ее магию. Отталкивала, отпихивала, не давала хода. Там, внизу, за краем болота, за лесной завесой. И она была не одна.

Сознания Маша не потеряла, но ощущения были – словно от сильнейшего удара под дых. Согнувшись в три погибели, она повалилась на влажный мох.

– Маша! Что... – Игорь кинулся к ней. – Петля?! Петля, да?

Это была не петля, но у Маши получалось только хрипеть. Ее собственная воля продолжала бороться, удерживая грозившее вот-вот пойти вразнос заклятие поиска.

Яркий день стремительно темнел – словно мраком наливался сам воздух; так бывает, если в стеклянный графин с водой опрокинуть целый пузырек чернил.

Что-то хрипло не то крикнул, не то каркнул Морозов; один из его людей полоснул очередью по вдруг зашевелившимся кустам, потом еще и еще, вмиг расстрелял магазин, с бранью отбросил, лихорадочно пытаясь вставить новый.

Стали стрелять и остальные, без команды, кто куда. Лица белы от ужаса, рты раззявлены в беззвучном крике – а ни Игорь, ни Маша никакого врага не видели.

– Вставай, Рыжая, вставай! Гляди, что творится-то!

По болоту, прямо к ним, струились темные ручейки невесть откуда взявшейся жижи, над ними поднимался белый парок. Над болотом пронесся многоголосый стон, Маша вдруг услышала беззвучное «бегите!» и тотчас ощутила, как бросились наутек наблюдавшие за ними лешаки; краем глаза успела заметить метнувшуюся черную кошку.

Наступал мрак, наступало ничто, и по сравнению с ним смерть действительно показалась бы просто мирным сном после трудного дня.

Первобытный ужас поднимался с самого дна сознания, память о доисторических временах, когда вот такими вот жуткими заклятиями первомаги расчищали место своим племенам. Расчищали, сами не понимая, чему открывают дорогу.

– Маха! Вместе!..

– Ага! Давай держи, петли все на тебе!

Трещала, ломаясь, их тщательно возведенная защита. Кто-то из морозовских милиционеров упал лицом вниз, обхватив голову руками, отбросив оружие; чернота наступала, все ближе и ближе, сжал кулаки Игорь, лихорадочно выкрикивая слова формулы; а у Маши страх вдруг прошел, как и в тот раз, в Померании, когда последний раз довелось перевестись с серьезным немецким магом.

И, как и в тот раз, она ударила, по-русски, наотмашь, раскрываясь и не щадя себя.

Удар канул словно в вату; ничего, ни отзвука, ни отголоска.

Что такое?.. Почему?..

За деревьями мрак стягивался в тугие комки, словно коконы. Один, два, три... семь... восемь.

И каждый из них таил в себе такую силу, что даже и присниться не могла.

– Стой! Стой, дура! – вдруг вскрикнул Морозов. Игорь не успел его перехватить, не мог бросить на полуслове начатую инкантиацию.

Лейтенант – не иначе разума лишился от страха – выскочил из своего укрытия и пустил в мокрый лес, прямо через топь, ловко перепрыгивая через черные ручейки; белый пар лизнул край формы, ткань немедленно задымилась.

Проклятье!

Игорь упустил очередную петлю заклятия. Машка хрипло вскрикнула и упала, по локоть погрузив руки в сырой болотный мох. Игорь, проклиная себя и лейтенанта, бросился

к ней. Поднял. Глаза Машки, все еще затянутые бельмами, были широко открыты. И тут из ее груди вырвался вой. Страшный, нечеловеческий. И от воспоминания о той ночи, когда Игорь слышал такой вой впервые, мурашки рванули по коже. Похолодели руки.

Однако мрак остановился. Ручейки темноты, более похожие на подбирающихся к добыче удавов, замерли, разливаясь иссиня-черными лужами среди болотного мха.

– Приведи ее, и мы отпустим всех, – глубокий голос, низкий, сорвавшийся на хрип, не мог принадлежать Машке. Игорь тряхнул подругу. Она закашлялась, невидяще захлопала глазами.

– Игорь, что? Остановили их, да? А ты что же, петлю упустил, двоечник?

Игорь прижал Машку к груди.

– Лейтенант сбежал. На болото.

– Плохо, – Машка стиснула руками гудящую голову, потерла глаза. – Потеряем. Тут дрянь какая-то. Не лесная, точно. Не нежить. Похожие на ту... на ту, что в болоте. Игореш, не было такого в курсе, ни в базовом, ни в каком. Немного на оборонку похоже. Но для оборонки слишком человеческое. Словно звал кто-то.

– Ты чужим голосом говорила, – прошептал Игорь.

– Что говорила? – пытаюсь подняться, прохрипела Рыжая.

– Приведи нам ее. И мы всех отпустим.

Машка села, погасила пальцами оставшиеся свечи.

– Кого? Кого, не сказала?

– Тебя, товарищ маг, – вместо Игоря ответил Морозов: выступив из сгустившегося сумрака, кто-то из бойцов зажег фонарь, направив луч на командира. Лейтенант шел медленно, немного пошатываясь. Под глазами залегли густые тени, не лицо человеческое сейчас, а голый череп. Тьма, однако, больше не сгущалась и не наступала. Маша поднялась, растирая горло, слепые бельма на глазах исчезли.

– Отбились вроде...

– Знаешь что, товарищ лейтенант, – напустился было на Морозова Игорь. Приспичило, понимаешь, по болоту бегать, небось штаны от страха намочил, вояка хренов. А он, Игорь, из-за этого чуть Машку не угробил.

– Погоди-ка, – Маша неловко, слегка сгибаясь и морщась от боли, шагнула к Морозову. Провела рукой перед лицом – тот не отреагировал, тупо глядя прямо перед собой, – оттянула веко, заглянула в зрачок.

– Не видишь, что ли? Пятнадцать по Риману, – она нахмурилась, – но зато прямое воздействие. Вытянешь? Мне после Курчатки и всего остального руки сейчас не поднять. – Ого, – удивляться времени не оставалось, Игорь уже укладывал Морозова наземь. Остальные бойцы, придя в себя, глядели на них с изумлением.

– Достали гады нашего лейтенанта, – ощущая на себе их взгляды, Игорь сказал то же, что приходилось произносить множество раз на фронте. – Но ничего, вытянем, – последние слова должны были звучать без тени сомнения. – А почему места оставили? За секторами кто наблюдать будет? А если мшаник?..

Людей следовало занять. Хотя – если здесь пятнадцать по Риману можно в контакте получить, мшаник наверняка десятой дорогой это место обходит.

Маг положил руки на грудь лейтенанта. Тот продолжал шевелить губами, но Игорь вдруг с ужасом понял, что Морозов не дышит. Неужели не вытянуть?

Жест. Слово. Символ. Сплетенные в магический узел пальцы ударили в грудь бездыханного лейтенанта, Игорь торопился нащупать опутавшую Морозова удавку, нащупать и перерезать. Неведомая начисть показала свою силу – вытянуть пятнадцать на прямом воздействии могли немногие из чародеев.

Удар, еще удар – Игорь чувствовал, как горло сдавливают незримой петлей, страх запульсировал в затылке алым. Через силу, заставляя себя дышать, втянул носом воздух, поднял над собой руки и, выкрикнув формулу, ударил вновь. Губы Морозова замерли. Вот она, петля, вот нить, тянущаяся к заклинателю, – разорвать!

Игорь прошептал новую формулу – но удавка не поддалась. Что ж за нечисть такое наложить может?!

– Маш!

Рыжая, все еще держась за бок, словно после долгого бега, пришла на помощь, как и полагается другу. По-особенному сплетя пальцы, так, что они казались резиновыми, накрыла ладонью рот лейтенанту. Морозов рванулся у них в руках, словно тряпичная кукла, которую дергает за ниточку кукловод. И обмяк.

Тяжело дыша, Игорь с Машкой взглянули друг на друга.

– Это не нечисть.

– Не нечисть это.

– Верные мысли приходят в умные головы одновременно.

– А кто ж тогда, Маха?

Рыжая покачала головой, отвернувшись. Глаза у нее запали, вокруг залегла синева.

– Не знаю, Игореха.

– Жить будет! – крикнул Игорь оцепеневшим бойцам. – И нам бы неплохо продержаться. А потому – никому с места не сходить! В болото – ни шагу!

...Они просто замерли в ожидании. Сгустившаяся среди бела дня тьма поглощала, пожирала солнечный свет, вокруг царили предвечерние сумерки. Маша сидела, опустив голову, – второй поиск тоже кончился ничем. Людей они так и не нашли. А тут еще это послание...

«Приведи ее, и мы отпустим всех». «Кого? – Тебя, товарищ маг».

Яснее и не скажешь.

Вот, значит, какое дело тут творилось, вот почему врал, крутил и изворачивался Скворцов. А Игорь-то, бедолага, похоже, так ни о чем и не догадывается...

Матюшин тем временем по-прежнему удерживал вокруг Морозова изолирующий наговор, через который едва различимыми импульсами пытался пробиться тот, кто в контакте давал пятнашку по Риману. На расстоянии было от силы семь. Лицо лейтенанта порозовело, он теперь дышал спокойно и ровно.

– Товарищ маг, – осторожно и тихо позвал кто-то из бойцов.

– Что? – отозвался Игорь.

– Я это... видел, кажись, что-то... – прошептали из полутьмы. – Девочку. Вроде как чернявая. На грузинку похожа. Она лейтенанта пальцем поманила, он и побежал.

– И что? – спросила Машка. – Раньше ты никак не мог сказать?

– Н-не смог. И это, думал, ушла она, – отозвался боец. – А она опять. Я глаза зажмурил. Смотреть боюсь, а она за кривой березой стояла. Стоит еще?

Маги разом вгляделись в темноту. Но тут вместо чернявой девочки из-за кривой березы появились несколько растрепанных баб в окровавленных рубашках, следом выползли на четвереньках двое мужичков. Бабы шли покачиваясь и тихо, обессиленно воя. Один из мужичков не дошел. Ткнулся лицом в мох и замер; второй, шатаясь, нагнулся к нему, пытаясь поднять.

– Это ж пропащие! – вскрикнул кто-то. – Сюда, бабоньки, сюда!

Но те лишь слепо тыкались в разные стороны, выставив перед собой руки.

Вот тебе и раз. Что ж, теперь понятно, что делать. И понятно, кто это сделал.

Маша встала. Боль в боку тотчас проснулась, напоминая о себе.

– Никому не двигаться! – гаркнул Игорь. – Они по топи идут, там под ногами вода одна!

Да, Маша видела выброшенное на потерявшихся поддерживающее заклятие. Выброшенное с небрежным шиком истинного мастера.

– Берите их. Игорь, отведишь в город.

– Что?! – опешил товарищ. – С ума сошла, Машка?

Рыжая досадливо поморщилась.

– Ты ж видишь, какая тут силища. Людей над трясинной держит. Давайте уходите, кому говорю! Я им нужна, только я, видишь, людей сами отдают, добровольно? Значит, договоримся. Девчонка-то, она тут, отошла просто, ждет, пока обменяемся. Я останусь, а ты всех из лесу выведешь. Дорогу я засечками Гореева-Нельчина отмечала, помнишь ведь? Их болотная кошка не видит. Таиться нечего, включай детектор, из темноты выберетесь, не могла она весь лес накрыть. А потом по тем же следам обратно.

В голосе Рыжей звучало прежнее фронтовое железо, как тогда, в первых боях, когда шли от Днепра и Березины к Висле, летом сорок четвертого. И спорить с ней в таких случаях смысла не было.

– А ты как же? – Игорь старался уловить то, что почуяла Машка, но подруга всегда была талантливее, да и сил после работы с Морозовым осталось мало. Случись что – хватит только на самую простенькую защиту.

– Я дождусь. Не станут они меня убивать, – прошептала Машка, – они через меня говорили, значит, с пятнадцатью-то по Риму, могли убить в любой момент. Но ждут, что мы с тобой из болота вытравим...

– Кто они? – переспросил Игорь, видя, как автоматчики, осторожно ступая по кочкам, подтягивают к себе за руки бессмысленно воющих баб.

– Есть у меня подозренице, Игореша, вот и проверю, пока ты народ выведешь. Одно знаю точно, не заблудились бабы. Завел их кто-то, потому что узнал, что мы с тобой в городе. Маг-теоретик им нужен. И, уж ты не сердись, я посильнее. А значит, и договориться легче. А теперь – иди-иди, товарищ Матюшин. Мороженое должен будешь.

Игорь не задавал вопросов. Не тратил время на бессмысленное «я тебя не оставлю». Кто-то должен был вывести людей. Он собрал всех и повел тропой, что заметила Машка, пока провожала их через лес лешахиного коша.

* * *

Рыжая осталась одна. Потрогала серебряную цепочку на шее, вынула из-за ворота крестик и сжала в пальцах. Страх немного отступил, но тьма висела над болотом непроницаемым пологом. Лес, беззвучный и мрачный, молчал, словно ждал от нее первого шага.

Эх, кто ж знает, правильно поступила, нет ли. Понадеялась на себя, на догадку, но и в этом случае – может, зря с Игорем не пошла? Игореха – он хоть и не такой сильный маг, но зато человек правильный, честный, прямой. Для него всегда только одна правда есть, один путь. А она всегда сомневается. Вот и сейчас – засомневалась: права ли, что согласилась договориться со здешней нечистью. А может, и не нечистью. Да только доброго от них ждать не приходится: людей морочат, Морозова едва не угробили, а уж о том, что с теми двумя магами сделали, и вспомнить гадко. Будь на месте Маши Татьяна, та, что за Игорем увивается, или еще кто из девчонок с курса, не стали бы оставаться. Уж слишком страшно. Так и мерещатся в темноте тела магов с вывернутыми ребрами. Но Машка не могла уйти. Не было для нее другого выхода. Маги магами, сами себе такую работу выбрали и к опасностям ее готовы были. Вот люди простые – те ни в чем не виноваты. А раз грибки местные пропадать начали, самое время вмешаться. Маша заставила себя распрямиться. Эх, слишком много сил растратила, брать тебя, товарищ Угарова, можно сейчас почти что голыми

руками. Машка с досадой одернула гимнастерку. Повернулась лицом ко ждущему, залитому рукотворной тьмой болоту.

– Я тут. Я одна. Нелли!

В воздухе медленно проявилась тонкая бесплотная фигурка. Грузинская княжна, не касаясь темного бархата болота, двинулась к Машке; та поспешно зажмурилась, прощупывая пространство вокруг себя по Курчатову с поправкой на безветрие и прибывающую луну – сейчас хоть и день, а лунные фазы все равно важны. Призрак скользил, не пытаясь зацепить ее как Морозова или баб-потеряшек.

Нелли приблизилась, зависла в луче света. Не человек, привидение. Точно такая, как на фото. Новенький китель, аккуратные сапожки, прическа. На войну как на праздник уходила тогда седьмая группа...

Остановилась, зависла над мхом, слегка покачиваясь, словно на невидимых волнах. Машу окатило холодом.

– Ты знаешь, кем я была? – спросила Нелли, Нелли Ишимова, согласно официальной версии, «павшая смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины». – Уже неплохо. А еще что ты знаешь? Я, признаться, не верила, что ты в теории подкована достаточно, до нужного уровня. Симка сказала, на поиск вас проверить. Мальчик при тебе хоть и хорош, да все-таки слабоват, а ты – ничего. Умница.

– Так ты... мертвая? – вырвалось у Маши.

– Я-то? – усмехнулась Нелли. – Не глупи, а то решу, что слишком рано тебя хватить начала. Это наша форма... где мы больше всего на людей похожи. И я, и... остальные.

Остальные... само собой. Машка вздрогнула, оглянулась, ища глазами Серафиму, главную. Но та не появлялась. Перед Машкой по-прежнему дрожала в воздухе бесплотная грузинская княжна.

– Арнольдич натаскивал? – спросила та надменно.

– Арнольдич, – кивнула Рыжая.

– Кто ж еще. Умная девочка. По Решетникову защищалась? Вижу по поиску. Хорошая формула. И применяла умело. Себя не ругай, мы восьмером едва тебе глаза отвести сумели. И вновь волна смертельного холода – теперь со спины.

– Хватит беседовать, Нелка, долго нам этот мрак не удержать, – оборвал княжну гулкий хриплый голос. И в тот же миг над головой зашумели темные крылья.

Пробив завесу тьмы, одна за одной спускались с помраченных небес черные ангелы, «серафимы». Одна, две, три... семеро. Восьмая, Нелли, подняла руки к небу, сплетая знакомые Машке формулы. Жест. Слово. Символ. Огромные горгульи опустили на мох.

Словно хотели показать – вот какие мы на самом деле. Не призраки, навек застывшие в дне двадцать третьего июня тысяча девятьсот сорок первого, а боевые маги, и в самом деле «шагнувшие за предел».

– Ты знаешь, кто мы? – гулким скрипучим голосом спросила одна из новоприбывших.

Горгульи раскинули крылья, сплели кривые черные пальцы в заклинательных жестах, тихий шепот оборвался внезапно, и вой, многоголосый, страшный, мучительный, разорвал тишину. В воздухе запахло паленым пером и мясом. Горгульи менялись на глазах, однако обращались отнюдь не в призраков.

– Знаю, – полушепотом отозвалась Машка, дождавшись, когда «серафимы» примут человеческий облик.

Впрочем, *человеческим* обликом это было не до конца.

– Это он прислал тебя? Он? Виктор? – судя по высокому росту, говорила сама староста седьмой группы, Сима Зиновьева. От ее толстой пшеничной косы ничего не осталось. Обо-
жженное лицо искривилось в подобии улыбки.

– Нет, – ответила не раздумывая Машка, но замолчала и почему-то добавила: – Не знаю. И да и нет, наверное. Но... Вас только восемь. Где девятая? Если она хоть когтем тронет Игоря, я...

Преобразившиеся горгульи переглянулись, Сима отрицательно покачала головой.

– Девочка, что мы, фрицы, убивать безоружного мага, – отозвалась она. – Мы его не тронем, а Сашка... Сашки нет. Мы ее в болоте заперли. Она оборачиваться перестала и тех двух магов заела. Мы заперли, а ты ее чуть не выпустила... Так это не Виктор тебя прислал?

– Не совсем, – осторожно отозвалась Машка, – специально не посылал, но в город нас распределил. В город, где нам и работы-то не нашлось.

– А про нас? Ничего не говорил? – не утерпела другая из «серафимов». Обожженное, полуобугленное лицо болезненно сморщилось: – Не вспоминал?

Маша усилием воли погнала назад подступающие слезы.

Вспомнила, с какой неподдельной болью говорил Виктор Арнольдович о «серафимах».

– Вспоминал, – выдавила она, уже понимая, что невеста каким чудом выжившая седьмая группа вкладывала в это совсем другой смысл. – У него фотография ваша в кабинете, на самом видном месте... и говорил про вас, но...

– Но искать-помогать не посылал, – жестко перебила Сима. Низким, по-настоящему «командирским» голосом.

– Не посылал, – призналась Маша, опуская голову. – Но он же не знает, что вы живы, что здесь! А так бы сам примчался, немедля, в тот же момент...

Лицо Серафимы исказила дикая сумасшедшая улыбка. Кто-то из девчонок захохотал – совершенно нечеловечески.

– Если б сам приехал, мы бы, пожалуй, передрались тут, решая, кто ему глотку перегрызет, – проговорила одна из девушек, судя по росту и фигуре – Оля Колобова. – Вот славный вышел бы конец для группы семь. А, девчонки?

Маша растеряннo глядела на «серафимов». Не призраки, не ангелы смерти, непобедимые горгульи, люди, они, как могли, попытались преобразиться обратно. Сошедшая с ума магия отомстила им жестоко – все обожжены, обгорели, так, что обычный человек с такими ожогами не прожил бы и минуты.

– Это он бросил нас здесь, Мария, – резко сказала Серафима, скрещивая на груди почерневшие руки. – Сначала сделал из нас ангелов смерти, а потом бросил.

Машка отшатнулась, продолжая прижимать руку к горлу, крестик на груди накалился и, казалось, вот-вот прожжет выдавшую виды гимнастерку.

Это неправильно, невозможно! Это же Отец!..

– Не может быть! – Она сжала кулаки. – Нет, он никогда бы не... он хороший человек. Я знаю. Я у него училась, у него защищалась. Когда Отец о вас говорил, ему было больно, я видела. Он просто не знает, где вас искать, а как только мы ему скажем, он... он приедет, сразу приедет и поможет, честное слово, поможет!

Ответом стало лишь красноречивое молчание. «Серафимы» сошлись все вместе, обступая Машу. На изуродованных огнем лицах – лишь кривые и злобные ухмылки. Как раз горгульям впору.

– Вы зовете его Отцом, – проговорила наконец Сима, садясь. От влажного мха поднялись струйки пара, сберегаемая – и одновременно разрушаемая магией плоть была разогрета. – А тогда, десять лет назад мы звали Учителем. Или Виктором. Он сам так хотел. Чтобы – как старшего брата. Мы у него учились. И доверяли ему так же, как вы с тем мальчиком, Игорем, что ушел. И даже больше. А Сашка Швеиц просто любила его без памяти. Позови он – в огонь бы прыгнула. Хотя... Когда позвал, все прыгнули. Такой уж он человек.

– Потом началась война, – добавила Оля, вторая Оля, полненькая. Она не сумела воплотиться вполне, присела рядом с подругой, укрыв ее обгоревшие плечи крылом. – Мы ушли все вместе. Шутка ли, отряд магов. Пусть и девчонки. Но Виктор написал какие-то рапорты, добился, чтобы командование выслушало... и нас тогда, в июне, не раскидали по фронтам, как других. Дали шанс остаться вместе. Мы тогда радовались до невозможности. Как дурочки.

Сима кивнула, подхватывая.

– Ага, первая чисто девичья спецгруппа... Мы ничего не боялись, в смерть не верили. Начали под Борисовом в Белоруссии, пока еще просто магами, не этими... не «черными ангелами». У нас получалось. Пришли первые победы. Первые раны. Но про раны мы не думали, фрицы вперед перли, кто погибал, кто бежал, а кто и того, в плен... А мы побеждали! Учитель тогда говорил о долге и верности. Тебе он о верности тоже говорил?

Машка кивнула. Слезы стояли в глазах. В горле ком.

– Немцы подошли к Смоленску. Мы держали Ярцевские высоты, коридор, им наши из окружения входили. Драка была дикая, фрицы тоже не ботфортом трюфеля хлебали. Своих магов перебросили, и каких! Группа «Зигфрид», слыхала о такой?

Маша только и смогла, что вновь кивнуть.

– Молодец, что знаешь... в общем, тяжело нам пришлось, насыпали перцу нам на хвосты по первости. В общем, дело – дрянь, коридор наши удерживают из последних сил, а у гансов и танки, и самолеты, и маги... Виктор сам из боев не выходил, что правда, то правда, за спинами других не отсиживался... Короче говоря, вспомнили о нас, об «ангелах»...

– Виктор вспомнил, – еле слышно прошептала «грузинская княжна» Нелли.

– Виктор вспомнил, а предложила Сашка, – горечь и боль в голосе Симы резали верней ножа. – Он вроде как даже отговаривал поначалу...

– Ага, отговаривал! – вскинулась Оля, Оля Колобова. – Как же! «Ох, девочки, нет, опасно это. Дорогу назад потерять можно...», а полминуты спустя: «Сорок второй полк отходит, подмоги просят. «Зигфриды» там, людей заживо жгут... нет, конечно, «ангелов» нельзя, никак нельзя...» Так и взял, на слабо, как детей!

– Сашка и предложила первая, и первая под трансформацию пошла. Она за один его ласковый взгляд готова была на все. Когда оборачивались, больно было так, что не представить, пока не переживешь. Орали, помнится, хуже, чем когда режут...

А потом пришла настоящая победа. Разорвали мы этих хваленых «зигфридов» на мелкие кусочки, – Сима кровожадно ухмыльнулась, и остальные «серафимы» ответили. – Ну, и началось... Налетали по ночам. Рвали проклятых фрицев в куски. Они бежали, прятались, стреляли, а мы летели и рвали, и пили кровь. Нас прозвали «серафимами». Вик называл нас «мои валькирии». Полтора месяца. Они нашей тени боялись! Сети заговоренные вешали, дескать, не прорвутся...

– А мы прорывались! – Колобова по-мужски ударила кулаком в ладонь, полетели черные частички гари. – Сашка Швец, всегда первая... мол, ничего, девчата, больно, но я сдюжу. И сдюжила, сдюжила ведь! Ревела потом от боли, но ничего, не сдавалась! Ну, и мы тут же следом... Эх... весело было.

И остальные «серафимы» смотрели сейчас словно сквозь Машу – они вернулись на свою войну, победоносную, но такую короткую...

Сима кашлянула – облачком пепла из легких.

– За Смоленском тогда их остановили, да ненадолго. Впрочем, ты, Мария, сама помнить должна.

Маша помнила.

– Когда пошли гансы на Москву, со всех сторон – вот тут главное-то веселье и пошло. Второго «Зигфрида» у немчуры, видать, под рукой не оказалось, чтобы сразу в бой-то

кинуть. Ну, мы и потешились... от души, – от усмешки Симы по Машкиной спине стекал холодный пот. – Тогда она еще оставалась у нас, эта душа... хотя и свои, кто знал, начинали шарахаться.

– А потом весть пришла, – все так же негромко сказала Нелли, – что собирают фрицы кулак здесь, к югу от Москвы, чтобы, значит, в бок нашим ударить. Прорвались, пошли на Карманов. Учи... Виктор нам тогда и говорит, мол, все резервы фронта в бой брошены, все тыловики, кашевары, ездовые, штабные роты... а кармановскую дыру, кроме нас, затыкать все равно нечем. Есть там один ополовиненный полк, так немцы новых чародеев прислали, пройдут они сквозь наших и не заметят, что кто-то там и есть. Кроме нас, мол, некому, девчата...

– К тому времени уже дело-то у нас плохо было, – заговорила Оля Рощина, голосом, из которого так и не ушли до сих пор ни доброта, ни мягкость. – Как «зигфридов» прикончили, Сашка с того дня полностью возвращаться и перестала... – Она опустила голову и замолчала, словно стыдясь чего-то, – наверное, что не уберегла подругу.

– Верно, – кивнула Серафима, продолжая рассказ. – Сперва не обратилась, а потом... потом и вовсе перестала быть Сашкой. Потом Лена, Юлька и Оля не сумели сбросить крыло. Виктор был с нами все время. Утешал, подбадривал, говорил, что нужно перетерпеть, мол, а потом, как станет полегче на фронте, вернемся в институт. Там народ толковый, подумаем вместе... Подумали, нечего сказать! – последние слова она почти что выплюнула, с настоящей подсердечной ненавистью.

– Виктор нас на последнее задание послал, – подхватила Рощина. – Дескать, выдохлись немцы, это у них последний шанс. Здесь, в этих болотах, сказал, прячется их новая группа, пожиже «зигфридов», но тоже страшна. Надо, девочки, с ними покончить. Они тогда и Карманку перейти не дерзнут, а резервы наши сибирские уже на подходе.

– И ведь не соврал в этом... – эхом откликнулась Нелли.

– Не соврал, – кивнула Сима. – Сказал, надо просто фрицев здесь перебить и вернуться. Мол, в болотах они прячутся, думают, мы их там не достанем. Перебить и вернуться, сказал он. А потом, говорит, нас с фронта отзовут, вернемся на кафедру, будем разбираться. Сам с нами не пошел, дескать, вызвали к командованию. Мол, вы же мои девочки, я на вас надеюсь, рассчитываю. И без меня справитесь, «зигфриды» одни такие были.

– Справились, нечего сказать, – мрачно изрекла молчавшая до того девушка, похоже, Лена Солунь.

– Справились... – горько кивнула Сима. – Фрицы нам засаду подстроили. Не дураки были, ох, не дураки! А может, кто-то из «зигфридов» выжил-таки, надоумил, не знаю.

– Магов тех, что в болотах прятались, мы на тряпки порвали, – перебила Колобова. – Даже косточек не осталось...

– В общем, справились, как Виктор и говорил, – подхватила еще одна из девушек, видимо, Юля Рябоконец. А на темном, наполовину покрытом антрацитовыми перьями лице жили одни глаза, большие, синие. На фотографии не было видно, насколько синие. – Всех перебили, кто после первого прохода нашего уцелел – в болоте утопили.

– Пирозаряды, – изрекла Рощина, и все разом замолчали. – И, кроме этого, ни одного выстрела. Зажигалки. Какие-то особые, да еще и магией приправленные. И... заполыхало все вокруг. Мы как раз в Михеевке были... Когда... трансформация пошла за пределом. Вам это должны были хорошо читать, ты поймешь, Мария.

Машка поняла без объяснений. Не зря до Решетникова занималась Фокиным и теорией стихий Золотницкого – Джонса. Оборот «серафимов» Арнольдич провел по формуле для воздуха, температурный предел небольшой, для ночных вылетов норма, зато облегчает обратный ход. В огненной западне температурный режим оказался превышен, и...

– И, когда мы из огня-таки вырвались, захотели вернуться – нетушки, баста. Оказалось, заперты. Больно было жутко. Метаморфоза при повышенных температурах – все системы шли вразнос. И знаешь, что было больнее всего, Мария? Вот это.

Юля провела рукой по груди. Там, раскаленный докрасна, вплавился в кожу серебряный крестик. Отцовская забота.

– Вижу, и у тебя такой. Маячок это. Только не по Курчатову заряжен. Так что знает Арнольдич, где мы. И где ты сейчас – тоже знает. И не зря он прислал вас в этот Карманов. К нам прислал... Проверить, надежно ли заперты его... «валькирии», – Рябокось усмехнулась, досадливо подняла крыло, которое начало погружаться в болотную жижу.

– Как поняли, что заперты, сразу догадались: никто из здешних магов такого сделать не мог, – проговорила Поленька. – Это он. Виктор. Учитель!

– Не может быть, – упрямо сжав кулаки, повторила Маша. Слова точно не желали выговариваться, повисали на губах, грозя свалиться прямо в болотный мох. – Виктор Арнольдovich... Отец... он не предатель! Да и с чего вы так уверены? Он вас погибшими считает! Знает, что на болоте остались, – он и председателю нашему, Скворцову, это рассказывал! А «маячки» – так они, если и сигналият, так только о том, что вы тут, в топах! Где ж вам еще быть, коль вы погибли?! Что ж до замков – вы всех сильных магов тогдашних наперечет знали, как радистов, по «почерку»? Как оно все было? Вы точно помните?

«Серафимы» расхохотались дружно, со злым удовольствием. Машу продрало ознобом. Нет, не хотела бы она встретиться с ними на узкой дорожке, да еще и в темноте...

– Точно, точно, – отсмеявшись, бросила Серафима. – От сгоревшей Михеевки мы как раз к Карманову путь держали. Через вот это самое болото, будь оно проклято. И вдруг – как на стену налетели, да не просто там, а... ну, будто электротоком тебя бьет, да так, что светиться начинаешь. И так скверно было, еле-еле из пламени выбрались, кто-то едва в воздухе держится, перья на лету горят и выпадают, не успевали новые отращивать – а тут стена, разряды, белые молнии! – не помнили, как в топь свалились. Попытались пешком выбраться... опять не выходит. А уж коль ты, Мария, про «почерк» вспомнила – так вот, «почерк» Виктора мы в этих замках и опознали. Мы-то с ним, не забывай, плечо к плечу три месяца на фронте... там быстро все узнаешь и запоминаешь.

Машке очень хотелось выкрикнуть им в искаженные жуткими ожогами лица что-то убийственное, доказать, что они не правы, что все это – чудовищная ошибка, что нет на них никаких «маячков» – потому что зачем Отцу держать в собственном кабинете фотографию седьмой группы, если он их предал и бросил? Но все слова казались сейчас плоскими, глупыми и бессильными. Пустыми, сгоревшими, как и сами «черные ангелы».

– Вижу, что сказать хочешь, – проницательно заметила Серафима. – Спорить хочешь, убеждать, доказывать. Виктор для тебя много значит... хоть и не столько, сколько для нас значил и, уж конечно, не то, что для несчастной Сашки.

– Она после ловушки-то окончательно облик человеческий и потеряла, – вздохнула добрая Оля Рощина. – Была Саша Шве́ц, а тут вместо нее... мы-то, хоть и обгоревшие, не до конца обратившиеся, но все-таки прежние. А она – нет.

– Умерла Сашка, – отрубила Серафима, взгляд ее давил Машку, словно тяжелый танк. – Нет ее больше, монстр болотный, чудовище-душегуб вместо нее.

– Нет! – выкрикнула Ленка, прижимая одну оставшуюся человеческой руку к груди. – Не умерла! Жива! Просто ее вытащить нужно, спасти, обратить...

– Хватит, Солунь! – рявкнула Серафима. – Уймись! Говорено-переговорено все, и все, что можно, испробовано. А чем кончилось? Двоих магов кто загреб прежде, чем мы даже «ой!» вскрикнуть успели?!

Лена Солунь отвернулась, плечи ее беззвучно вздрогнули. Оля Рощина с немим укором взглянула на суровую старосту, пересела, обнимая плачущую подругу.

– Все равно, – Машка наконец обрела силы говорить. – Вас всех спасать надо. И ее, в смысле – и Сашу.

– Еще одна идеалистка, – желчно усмехнулась Серафима. – И, кстати, сейчас у нас идеалистов-таки еще прибавится.

– Это почему?!

– Да потому, Мария, что дружок твой сюда мчится сломя голову. Не чувствуешь его? Нет?

Машка обернулась.

– Нет! – завопил Игорь, тяжело дыша и вываливаясь из кустов. Тропу он потерял и сейчас бежал очертя голову, напрямик через трясину. У Маши пресеклось дыхание – сейчас ведь ухнет... и поминай как звали, не вытащишь, не поддержишь...

Серафима сделала экономно-ленивое движение, Маша ощутила толчок чужой магии, магии «черного ангела», уже... не совсем человеческой. Игорь что-то учуял тоже, вскинул на миг голову, уставившись на кружок девушек. Шумно дыша, побежал дальше, упрямо и напролом через болото.

– Оставьте ее, слышите?! Меня берите, если нужно!

Ну конечно. Не мог лучший друг ее вот так бросить. Примчался сломя голову обратно. И Отец оставить девчонок не смог бы тоже!

– Меня! Меня возьмите!

«Серафимы» разом уставились на бегущего.

– А он милый, – проговорила Юлька.

Только сейчас Маша заметила в руке у Игоря «ТТ». Небось забрал у полубесчувственного Морозова.

Выстрел. Игорь не думал, он действовал.

Пуля ударила в скулу пухленькой Оле, высекла сноп искр и отскочила, как от танковой брони. Рана быстро затянулась, сверкнув язычком пламени.

Оля только вздохнула и развела руками.

– Не торопись, мальчик, – властно проговорила Сима. Машка подумала, что из нее вышел бы хороший преподаватель. Голос у нее был глубокий, звучный, хрипотца исчезла, как только облетели с плеч последние перья. – Убери оружие. Здесь тебе фашистов нету.

– А кто тех двоих магов тогда?.. Если фашистов нету?!

Глаза у Серафимы опасно сузились.

– Не мы. Ни одна из здесь присутствующих. Спрячь пистолет. Им ты нас не возьмешь. Игорь повиновался, хоть и с явной неохотой.

– Маш! Ты цела, Машка?!

– Хотела б я, чтобы за меня так кто-нибудь переживал, – Машке показалось, или в голосе синеглазой Юли прозвучала почти забытая ревность?

– Так вот, слушай, Мария, – Серафима менять тему решительно не желала. – Скажу тебе сейчас при всех, чего еще никому не говорила. Даже им, – кивком указала она на остальных из седьмой группы. Я ж тогда не остановилась, я след Виктора почуяла. И... через первый барьер пробилась, который остальных задержал. Догнала уже у последнего заслона. Я сильный маг, сильнее тебя, не в обиду будь сказано. Поэтому он меня старостой и назначил. Препраду сумела пробить, пока силы оставались, да и страх помог. Как представила, что останемся здесь навсегда, – так и прошла сквозь стену. Сама прошла, а других провести не смогла уже. Ну и... добралась до него. Он как раз замки запирал, да только меня тогда, наверное, весь ректорат, вместе взятый, остановить бы не смог.

Остальные «серафимы» все обратились в слух. Игорь недоуменно косился по сторонам.

– Зацепила я его, – с мертвым выражением продолжала Сима. – В ногу попала, в грудь-то не решилась, не смогла... даже тогда. Сейчас-то уже б не дрогнула, а тогда... верила еще, наверное, во что-то втайне, дура. Ну и лицо ему тогда попятнало. Думала, втащу за стену, заставлю снять... Дура, дура, дура и есть!

Девочки устали на Симу так, словно видели впервые. Она опустила голову, закрыла глаза, надеясь остановить слезы.

– Он стоит, бледный весь, за бедро держится, кровь хлещет, а сам мне: ты же понимаешь, Сима, у меня не хватит сил теперь. Я думал, все по-другому будет. Но... вы сами уже не сумеете вернуться. Вы сейчас не люди, вы для остальных опасны. Просто продержитесь, я найду способ вас вытащить. Прдержитесь, пока все успокоится. Закончится война, уляжется шумиха... Давно она закончилась?

– Семь лет уже, – проговорил Игорь, стараясь оставаться между сидящей на кочке Машкой и «черными ангелами». Он то и дело поглядывал на подругу, словно хотел намекнуть ей, дать знак. Но Машка не смотрела в его сторону.

– Мы ждали. Потом перестали ждать. Попытались вытащить замки, но... сами знаете. Зачаровывал сам декан – нам близко не подойти.

– Даже с пятнашкой по Риману? – буркнул Игорь.

– Это у Нельки пятнадцать, – отозвалась Сима, – я могу девятнадцать. Но он – больше двадцати. Даже двадцать три, наверное. Вы замки видели, вас кошка водила. Там, где кровью помечено, здесь, под ногами. Еще место я укажу. Смотрите сами, сами решайте – кто их ставил и зачем.

Она замолчала, на миг уронив лицо в ладони. Почти человеческое лицо в почти человеческие ладони.

Но Серафима оставалась Серафимой, все той же старостой седьмой группы. И заговорила вновь, прежним ровным голосом, словно и не замечая гробового молчания остальных «ангелов». Это был не укор, вопрос. Два вопроса. Первый: и ты молчала? И, сквозь него, второй: И ты вернулась? Могла уйти и вернулась?

– Вот так мы здесь и оказались, – словно не замечая этого вопрошающего взгляда, продолжила Сима: – Сперва надеялись Сашку вытянуть, вернуть, но куда там! И верно, здесь маги посильнее нас нужны, а главное – расчеты правильные. Мы-то перед войной выпускались и тогда еще слышали, что Решетников над теорией своей работает, может, сейчас и наработал чего?.. В общем, сидели мы тут и ждали. Потом... Сашу пришлось самим уже запирать. И то не до конца получилось, иначе те двое чародеев бы не погибли.

– Их, кстати, тоже Виктор Арнольдович посылал! – с пылом заявила Машка. – Втайне от начальства! Стал бы он это делать, если...

– Если что?! – оборвала ее Серафима. – Они сюда не просто так явились, а «со злом бороться». Слышали мы их разговоры... Виктор и их обманул, наплел с три короба, что на болотах «страшные твари остались»! Ага, страшные – мы то есть!

– А Сашу что же, на детский утренник посылать надо? – вдруг негромко сказал Игорь. – Она что – не зло? Она ведь и нас едва не...

Серафима осеклась. Другие девушки тоже глядели кто куда, лишь бы не в глаза молодому магу.

– Бойцы сейчас должны из леса выходить. Я их на тропу поставил, проверил, да и кошка лешачихина снова там крутится, дорогу показывает. Фокин дельный малый, доведет, – Игорь воспользовался паузой. – Дело сделано, Маш.

– Спасибо, – она нашла его пальцы, слегка сжала. – Ты молодец, Игореха. Теперь вот только девчонок выручить...

– «Серафимов», – с непонятым выражением проговорил Игорь. – Вот, значит, в чем тут дело было, вот почему Скворцов так юлил да хитрил!

– Их тут заперло, – Маша специально не сказала «запер» или даже «заперли». Неопределенно-безлично «заперло». Может, от природной аномалии какой.

– Не заперло! – взвилась Оля Колобова. – А запер, запер, слышишь, нет?!

– Если Виктор Арнольдович это и сделал, то нас-то зачем сюда отправлял?! – не сдавалась Маша. Игорь вертел головой, стараясь восстановить по обрывкам пропущенный разговор. Как понял, пораженно уставился на Машку.

– Не знаю, – развела руками Серафима, – зачем он вас послал. Может, полагал, что вы нас добьете по-тихому, чтобы все шито-крыто, никто ничего не узнает. А может, ему повод требовался. Чтобы не вы нас, а мы вас бы добились, руки ему развязали.

– Если он такой негодяй, как ты его тут выставляешь, никаких поводов бы и не потребовалось.

– Он трус! Трус! – выкрикнула Колобова. – Всегда начальства боялся, всегда лебезил, всегда угождал! Чужое себе приписывал!

– Мы о таком не слышали. – В голосе Игоря тоже закипал гнев. – Наоборот. Когда Виктора Арнольдовича – для солидности – в соавторы статей звали, он всегда отказывался. Мол, я тут ни сном ни духом, а если какой совет и дал, так это ничего не значит, вы б и сами догадались.

– Дурак, – Колобова надвинулась на Игоря так, что его охватило жаром. – Виктор – он знает, когда надо позу благородную держать, а когда на коленках стоять и лбом об пол колотиться. Невелика доблесть, имя свое со статьи снять, у него их и так сотни небось!

– Хватит, Оля! – поднялась Серафима, решительно положила руку на плечо Колобовой. – Так мы с места не сдвинемся. Виноват Виктор, нет, и вообще какого тут мнения эти двое – не важно. А важно нам с болотины проклятушей выбраться. Слушайте меня, Мария, и ты, Игорь. Мы – седьмая группа. Мы – «черные ангелы». Лучшие, хоть и на год ускоренный выпуск. У вас, друзья мои, только один шанс уйти отсюда – если уберете замки, если снимете барьер. Сама знаешь, девочка, хоть ты и сильная, но у нас восьмерых средний балл по мощности заклятья шестнадцать. А у вас с другом на двоих – не больше тринадцати. Подумайте.

– Угрожаешь? – набычился Игорь, не опуская взгляда. – Знаешь, тут и я скажу – правильно вас с такими-то мыслями тут закрыли. Вы для людей опасны!

– А ты бы что стал делать? – выкрикнула Юля, та самая, назвавшая Игоря «милым». – Сидеть и смерти ждать? С собой покончить? Так мы даже этого не можем! Наши заклятия нам самим повредить не в силах!

– Не угрожаю я, – Серафима отвернулась первой. – Отроду не врала и сейчас не стану. Правду тебе говорю, Игорь. Или мы отсюда все выйдем – или все тут останемся.

– А как мы эти замки-то снимем? – запальчиво начал Игорь. – Небось не бабушкина задвижка на буфете, где конфеты спрятаны!

– Она, – Серафима кивнула на Машу, – постарается. Если кто и сможет, так она. Чую в ней что-то... родное.

Машка молча встала, шагнула к Симе – «Стой! Ты куда?!», вскинулся было Игорь, – положила руку на плечо «ангелу». Враз окутало жаром от измененной магией кожи, руку нестерпимо жгло, но Рыжая, сжав зубы, терпела и удерживала ладонь на плече своей предшественницы.

– Сима... милая... если мы и снимем барьер, что вы станете делать там, за стеной? Мстить Потемкину? Ну хорошо, даже если вы его убьете... или замучаете... что с того? А если он-таки не виноват? Если не мог ничего сделать – и сейчас не может? Война окончена, к прежней жизни возврата уже нет...

– Может, да, а может, и нет, – Юля Рябоконь смотрела твердо и решительно. – Пока мы живы, жива и надежда.

Маша не ответила. Да, «серафимы» были сильны, очень сильны. И трансформация, поневоле жуткая и причинявшая страдания, дала им тоже немало. Взять хоть те же три формы – призрачную, боевую и человеческую! Решетников в последней статье только-только подбирался к подобному для обычных магов и писал так сложно, что Машка при всем старании поняла немного.

Но надежда... она и впрямь умирает последней.

– К делу, – кашлянула Серафима. – Ты берешься или нет, Мария? Вытащите замки? Вы вдвоем должны справиться.

– Нам надо поговорить, – решительно вмешался Игорь. – Маша, на два слова?

– Тоже мне, секретчики-ракетчики, – усмехнулась староста седьмой. – Хотите, за вас все скажу? Мол, с ума сошла, Маша, таких страховидлов выпускать? А если они людей жрать начнут почему зря или там убивать? А, Игорь? Ты об этом ведь сказать хотел? Что мы – чудовища, и место нам в этой тюрьме с невидимыми стенами, на гнилом болоте? Но мы тут и так десятку отмотали уже. Даже больше, одиннадцать лет почти. Правосудие у нас в советской стране гуманное, такие сроки убийцам дают.

– А среди вас убийца и есть. Одна. Пока что, – не смутился Игорь. – Александра Швеца, что с ней делать? Тоже на свободу? Как говорится, «с чистой совестью»? А кто за тех двоих ответит, а?

Но и Серафима оказалась не лыком шита.

– За тех двоих ответит Потемкин Виктор Арнольдович. Его вина. Он их сюда послал, как ты говоришь. Неподготовленными, иначе не попались бы они Сашке так легко и мы бы успели что-то сделать.

– Да? – Игорь саркастически поднял бровь. – А если вы последуете за этой вашей Сашкой? Одна за одной? Не одно чудовище, а девять, и не запертые в болоте, а на свободе? А? Можете дать гарантию, товарищ Зиновьева?!

«Ангелы» возмущенно зашумели.

– Тихо! – прикрикнула Сима. – Ты каким местом слушал, товарищ чародей? Десять лет мы уже тут, а, кроме Саши, все как были, так и остались! Остановились все процессы, понимаешь ты или нет? Даже Сашка несчастная дальше не превращается, хотя есть еще куда. Нет, дорогие мои, отсюда мы выйдем или вместе, или не выйдет никто. Я сказала.

Игорь поглядел на Машку, и взгляд его, казалось, говорил:

«Ты берешь на себя Зиновьеву, я – остальных, и будь, что будет».

– Нет, – вслух ответила Маша. И, обращаясь уже к остальным «ангелам», сказала громко, четко, словно на уроке:

– Чтобы вытащить замки, надо знать, как это сделать.

– Стойте! – Оля Рощина вдруг подняла крыло. – Слышите? Там, за лесом...

Миг спустя над кронами взлетели осветительные ракеты, едкий режущий свет пробивался даже сквозь сотканную «серафимами» завесу мрака.

– Так и знал, – выдохнул Игорь. – Не утерпел председатель, подмогу отправил.

Донесся собачий лай, пока еще относительно далекий.

– Небось всю кармановскую милицию на ноги поднял, когда стало ясно, что мы не возвращаемся. Ну что, товарищи «черные ангелы», станете убивать? Вашей Саше отдадите?

Симино лицо исказилось ненавистью.

– Не тебе о том судить, – прошипела она яростно. – И никого убивать мы не станем. Распугаем просто.

– А потом? Что потом?

– Что потом... – вскочившая было Серафима вновь села, плечи поникли. – Иногда кажется, что пусть бы уж лучше нас свои же... того. Сколько ж еще на болоте гнить-то можно? Если за тех двоих погибших ответить надо, так пусть уж меня лучше к высшей мере

приговорят, нет моих сил больше... Мы ведь даже убить себя не можем. Да-да, товарищ маг, не можем – и это при девятнадцати-то по Риману!

– Сима... Симушка... – вдруг полушепотом сказала Маша, вдруг оказавшись рядом и порывисто обнимая «черного ангела». Та дернулась было и замерла, с изумлением глядя на девушку. – Мы вернемся, Сима. Мы вернемся, и я выведу вас. Мне кажется, я знаю, как. А сейчас нам надо уходить, пока Скворцов и впрямь сюда целую дивизию с боевыми магами не вызвал.

– Ты их отпускаешь? Серафима! – выкрикнула Колобова, вскидывая кулак, словно готовая броситься на Машу с Игорем.

– Отпускаю, – Серафима не глядела на подругу. – Она не обманет. Она... как мы, Оль. Она вернется.

– Вернемся, – кивнула Маша. – Обязательно. Завтра, в крайнем случае, послезавтра, когда успокоятся в городе. И вынем замки.

* * *

– Рехнулась ты, Угарова, – проговорил Игорь, как только Скворцов и главврач, доктор Мирцев, вышли из палаты и шаги их затихли в конце коридора. – Ты что, не понимаешь? Зиновьева сама ведь все сказала! Это уже не «серафимы», не «черные ангелы», не фронтовая легенда. Это полусумасшедшие гарпии. Ты как и на передовой не бывала, точно вчера родилась! Забыла, что с людьми война делает? И с одной из них уже сделала, кстати. Как с Александрой Швеи поступить прикажешь, а?... Ты эту нелюдь выпускать собралась!

– Я не знаю, Игоряш, честное слово.

Машка потрогала щедро залитую противоожоговой оливковой пеной щеку, придирчиво осмотрела повязку на руке.

– Я только одно могу сказать – даже фрицев из плена повыпускали уже, предателям и пособникам, что из наших, прощение вышло, а Сима с девочками что ж, пожизненно? Лет на сто еще, пока резервов магии хватит? Да за что же им такое? Сам посуди!

– А бешеных собак вообще пристреливают, – буркнул Игорь. – Хотя псы бедные ну совсем ни в чем не виноваты.

– Какие собаки? О чем ты? – рассердилась Маша. – Они герои!

– Герои, верно, – правдивый до мозга костей, Игорь никогда не отрицал очевидного. – Но все равно, не мог Арнольдич так поступить, не мог, понимаешь! В толк не возьму, отчего ты в нем сомневаешься. Отца мы уже сколько лет знаем? Не такой он, чтобы «серафимов» бросать, мы ж оба слышали, как он про них говорил! Да как только Скворцов ему передаст, что «ангелы» нашлись, – тотчас сюда примчится и уж что-нибудь придумает, будь уверена.

– То есть как – передаст? – недоуменно уставилась на него Машка, – Ты ему что, рассказал?

– Ну, да, хотя и не совсем, в общем, – смутившись, Игорь взял в руки перебинтованную Машкину ладонь, – не рассказал, а доложил по форме. А он доложит выше. Арнольдич его старый друг, Скворцов его известит. Шурум-бурума не устраивая. А уж Отец точно найдет выход, я не сомневаюсь.

– Простой ты, Игоряша, как полтинник, – Машка вскочила, вдевая ноги в туфли. – Думаешь, станут они Отцу отзваниваться, наивный! Никуда Скворцов звонить не будет, а просто доложит куда следует. Ему своя рубашка ближе к телу. Ну и пришлют сюда команду, какую надо. Болото зачистят, и конец «серафимам». Ты этого добиваешься, что ли?

– Нет, – проворчал Игорь, краснея и опуская голову. – Не думай, мне их тоже жалко, и Симу, и девчонок...

– Тогда самим Арнольдychу звонить надо. Он ведь тебе свой прямой номер оставлял, верно?

Телефонистка на почте долго возилась, принимая их вызов. В Москву из Карманова звонили нечасто. Забившись вдвоем в укромный уголок, маги минуту или две спорили, кому говорить. Наконец, когда девушка окликнула их, гордо объявив: «Москва, первая кабина, товарищи!» (первая кабина была единственной), – Машка вырвала у Игоря трубку.

– Потемкин у аппарата, – прорвался через треск и шепот проводов голос Отца. – Слушаю вас!..

– Виктор Арнольдych, это Угарова, Маша, – затараторила Рыжая, словно кто-то в любой момент мог оборвать связь. – Мы здесь, в Карманове... Да-да, обжились. Виктор Арнольдych, только я не потому, тут такое дело, тут... «серафимы» нашлись. Они на болоте. Заперты, понимаете? Магическими замками. Не знаю. Им помощь нужна, срочно!

Отец на том конце провода замолчал.

– Значит, нашлись... – проговорил наконец. Сквозь помехи и шум интонацию было не разобрать. – Нашлись... А я-то, признаться... Ох, спасибо тебе, Маша, век помнить буду. Спасибо тебе, товарищ Угарова, от всего сердца спасибо. За вести. Ничего не говори больше сейчас, в лес не суйся. Ты и так все сделала, что могла. Я приеду. Приеду и во всем разберусь. А главное – на болото ни ногой, понимаешь? Ни ты, ни Игорь... ты – особенно. Девочкам вы не поможете, а навредить – очень даже легко, тут нужна группа лучших магов, со всех факультетов... Осторожность и предусмотрительность – прежде всего! Доступно?!

– Так точно, Виктор Арнольдович, – невольно в тон Игорю отрапортовала Маша. – Только... один вопрос, последний! Виктор Арнольдych... а кто их там запер-то?

На другом конце провода раздался тяжелый вздох. В ухо Маше что-то остро и неприятно кольнуло, словно декан пустил в ход какое-то тонкое, другим нечувствительное заклятье, словно закрываясь от любопытствующих без меры.

– Врать тебе не стану, товарищ Угарова. Я это сделал, для их же безопасности. Чтобы хоть какие-то шансы у них остались, понимаешь? По военному времени таких, как они, выходящих из-под контроля, могли без суда и следствия, военно-полевой комиссией... приговорить и приговор привести в исполнение. Вот и закрыл их там, и других убедил, что, мол, погибли, надеялся спасти, вернуть... когда соответствующие обстоятельства выйдут. А теперь, раз вы на них вышли, значит, все, край, пора мне самому приезжать. Что, злы они там на меня небось? В клочья разорвать грозятся?..

Новый укол, куда болезненнее первого. Машка не успела ответить.

– Как они там? Плохо? Трансформация все идет? – продолжил декан торопливым полупшепотом, так что Машке пришлось, чтобы разобрать слова, вдавить трубку в ухо.

– Остановилась трансформация. Стазис. И... мне кажется, вытащить их можно, – забормотала она неуверенно.

– Оставить, Мария, думать даже не смей! Не суйтесь с Игорем на болото. Приказ это! Все поняли, товарищ Угарова? – совершенно иным, холодным и деловым тоном сказал декан. – Мои распоряжения – они вам с товарищем Матюшиным ясны?

– Да, – еле слышно ответила Машка, пока Игорь пытался прижаться к трубке у ее уха и уловить хотя бы обрывок разговора.

– Ну, все поняла? – Они вышли на улицу. Маша шла, едва передвигая ноги, в одно мгновение налившиеся невыносимой тяжестью, в висках стучали молоточками перепутанные обрывки мыслей.

– Не было у Арнольдychа другого выхода! Прав он был во всем!.. Э, Рыжая, ты чего?

– Помолчи, Игорена.

– Ну, как скажешь. – Он пожал плечами.

– Иди, – Машка с неопределенным выражением махнула рукой, – отдыхай. Чует мое сердце...

– Что?

– Ничего. Отдыхай, товарищ Матюшин. Пока можно.

* * *

– Игорь, вставай! Игорь!

Он никак не мог понять, где находится. Потому что Машке в его общежитской комнате взяться было неоткуда, тем более ночью.

Но за плечо его трясла именно Рыжая, и никто другой:

– Одевайся, Игоряш, там военные. И преподаватели из института. И...

Откуда? Как? Почему? Так быстро? И Потемкин тоже?

– Арнольдич с ними? – Игорь сел на узкой койке.

– Нет, – зло отозвалась Машка.

– Может, что-то случилось? – засомневался Игорь. – Может, у него из-за нас теперь неприятности? Почему нас не позвали? И откуда ты все знаешь?

Машка всхлипнула и отвернулась.

– Я полночи не спала, не могла просто. А потом вдруг как по голове стукнули – упала на подушку и вижу – лес, болото, Карманку, наш городок... и вокзал, а на вокзале – огни, огни, огни, оцеплено все, разгружается целый эшелон...

– Какой эшелон, что ты плетешь?! Поезду от Москвы до Карманова полных семь часов тащиться! А еще собрать всех надо, бумаги подписать, эшелон сформировать, вагоны получить, паровоз, чтобы «окно» предоставили...

– Тихо ты, – Машка швырнула Игорю на колени комок одежды, отвернулась к стене. – Одевайся. И слушай дальше. Я вскочила, штаны натянула – и на станцию. А там...

– Что, и впрямь эшелон? – Игорь прыгал на одной ноге, пытаясь попасть в штанину.

– Эшелон, – кивнула Рыжая. – И все оцеплено, прямо как во сне.

– Экстрасенсорная прецепция, вариант...

– Сама знаю! Так вот, всюду часовые, охрана всюду, из теплушек солдаты высаживаются, из литерного вагона – маги. Меня не заметили. А я их узнала. И разговоры услышала... Смотрю, профессор Преображенский, он у меня лабы вел, я к нему, мол, где Виктор Арнольдич? А он мне – ну что вы, Мария Игнатьевна, товарищ Потемкин очень занят, к тому же серьезно старая рана обострилась, ему сперва в ЦК на заседание, а потом в больницу; нас же сюда скорее, ликвидировать, как он выразился, «прорыв негативных энергий». Ликвидировать прорыв, понимаешь?!

Игорь понимал.

– Не приехал Виктор Арнольдич. Не приехал Отец. – Маша вдруг всхлипнула. – Скорее, Гошенька, скорее, побежали!

– Куда?

Над Кармановым застыла глухая ночь – совсем как в тот раз, когда они только отправлялись на поиски. Отправлялись, даже не подозревая о «серафимах». А вокзал вспыхивал огнями, там перекликались паровозы, доносился нестройный гул.

– Быстро развернулись, – запыхалась Машка. – Бежим, Игореха, они лес прочесывать станут!

– И чего было Арнольдичу таиться? – все равно пытался не верить Игорь. – Если все равно кончилось так, как кончилось, истребительным полком с ротой боевых магов? Если

он признаваться не хотел, скрывал, что «серафимы» живы, – то что ж сейчас-то так запросто все выложил?

– Да мало ли! – отмахнулась Рыжая. – Соврал. Про Симу и девочек ничего не сказал, наплел, как Скворцову, дескать, какая-то фашистская некромантия пробудилась, бомба неразорвавшаяся сдетонировала и из болота черт знает что полезло... А может, все еще проще. Серафимов он боится куда больше, чем начальства. Любого.

– Так увидят наши, тот же Преображенский, «черных ангелов», поймут, что их обманули...

– Думаю, ничего они не увидят. Оцепят лес и зачистят с безопасной дистанции. Прошло то время, с монстрами грудь на грудь сходиться, когда чуть не до кулаков доходило. Потемкину все в институте верят, слово его – закон... Помнишь «карпатскую аномалию» в пятидесятом? Ее бы исследовать, неспешно и осторожно, а точно так же, бамс, истребительный полк ОсНаза, и пожалуйста бриться. «Потерь убитыми и ранеными не имеем». А что там такое было, как образовалось, – так и не выяснили. Так и тут, боюсь, случится, если мы с тобой не поторопимся.

Ночь выдалась глухая и беззвездная, луна скрылась под толстым облачным одеялом, лежит и нежится; нет ей дела до земных бед и страданий.

Уже знакомой тропой бежалось легко. Даже слишком. Игорь все удивлялся:

– А как же они тебя отпустили? И не задержали, и не попросили о помощи? Не мобилизовали, на худой конец?

Машка не отвечала, только тянула за руку, боясь опоздать.

Уже за мостом, когда свернули в заболоченные леса, она вдруг сказала:

– Я тут считала вчера, считала... до посинения. Не получится замок вынуть. Знал Арнольдич, что делал.

– Неудивительно, что знал. Только зачем мы тогда мчимся туда сломя голову?

– Увидишь, – отрезала Машка. Кажется, она уже пожалела, что проговорилась.

...Серафима ждала их одна, у самого первого замка. Отыскивали его не сразу, по искажениям Машиных засечек – даже сама староста седьмой группы не смогла сразу точно определить, где что заложено.

– Давайте скорее, – бросила Зиновьева, когда они втроем стояла у вырезанного на мертвой березе круга с точкой посередине.

– Ты не сомневаешься, что мы сумеем? – не выдержал Игорь.

– Ты – не сумеешь, – безжалостно отрезала Сима. – Мария – она да.

Игорь криво усмехнулся, стараясь не выдавать обиды.

– Серафима... а где остальные девушки? Где вся седьмая? И кто смотрит за Сашей?

«Черный ангел» пожала плечами, выдохнула облачко гари.

– Остальные готовятся. Нам солдат сдерживать и магов, когда полезут. Надо вам время дать.

– А если не полезут? Если с дистанции? – опять не смолчал Игорь.

– Злишься? На себя злишь, двоечник, – равнодушно ответила Серафима. – Не смогут они «дистанционно», ног в болоте не замочив. Нет, чтобы с нами разобраться, им сюда лезть придется. Не так-то просто с восемью «ангелами» справиться, особенно если мы в боевой форме.

Глаза у Маши сузились.

– Игорь не двоечник. Это раз. А во-вторых, не забывай, Серафима, что десять лет и впрямь не зря прошло. Маги у нас до многого додумались, чего тебе и не снилось, не в обиду будет сказано. А в третьих... в третьих, я тут подсчитала кое-что, кое-какие формулы вывела. Благо на дипломе как раз частным случаем теории Решетникова занималась. Выто его не знаете, он в начале сороковых только азы сформулировал, а мы вот его уже всюю

изучали. На вот, смотри, коль разберешься, – и Маша протянула Зиновьевой несколько мелко исписанных шестизажными формулами листков.

– «Коль разберешься»?! – не на шутку обиделась староста седьмой группы. – Дай сюда, девочка! – щелчок пальцами, вокруг глаз Серафимы на миг вспыхнуло фиолетовое гало. – Не забывай, у меня девятнадцать по Риману!

– Здесь не Риман важен, здесь мозги требуются. – В язвительности Маша ничуть не уступала «ангелу». – Вот, смотри, преобразование, как раз для воздушной стихии. Пламя как фактор смещения... раскладываем в ряд, преобразовываем по Лейбницу, а потом...

– М-гм... – промычала Серафима, яростно скребя затылок. – Лейбниц, да, а потом? Что за функция?

– Решетниковская, третий тип. При вас этого еще не было. Смотри, вот сюда, задано на всем пространстве магоопределения, но граничные условия не позволяют осуществить переход, матмодель как раз для вашего случая! Видишь?!

– Уг-гу... – Как Серафима ни храбрилась, но спрятать горькую растерянность до конца не удавалось. – Л-ловко, нечего сказать! Ну, а дальше-то что? Что дальше?

– Что дальше? На вывод глянь. Число это у нас уже числом Решетникова зовется. Минимальная величина для единиц, осуществляющих переход. Смотри! Что видишь?!

Машка сейчас была поистине страшна. Словно вновь на фронте, поднимая в контратаку заколебавшуюся роту.

– Какое число видишь?!

Серафима потупилась, хрустнули судорожно сжатые пальцы.

– Девять...

– Девять вас должно быть. Девять. Не восемь и не десять, понятно?!

– Н-ну и что? Нас девять и есть...

– Ты считаешь, что Саша справится? Это ж не иголку с Кощеевой смертью сломать, это замок Потемкина вытащить!

– Н-нуууу...

– Не «нууу», а сюда смотри! Вот что каждая из вас сделать должна! Вот это преобразование... и вот это... а трое еще и вот это.

У Симы вдруг сделался вид записной отличницы, внезапно не выучившей урока.

– Н-не понимаю, – призналась она. – Нас по-другому учили.

Игорь только сейчас смог заглянуть девчонкам через плечо. По страницам, едва различимым даже и при ночном зрении, бежали вереницы формул, заканчивающиеся в самом низу страницы размашистой цифрой «9»; жирно обведенной и трижды подчеркнутой.

– Не потянет ваша Швец, – жестко бросила Маша. – Тут, как уже сказала, не сила требуется, а ловкость и аккуратность. И знания. И холодная голова. Она это дать сможет?!

Серафима потупилась, руки ее задрожали.

– Не сможет, – прошептала еле слышно.

– А нужен именно «серафим». Потому что внутреннюю настройку никак не симитируешь. Магию не обманешь, Сима. Стой! Ты куда?

– Скажу девочкам... – всхлип – скажу девчатам, чтобы не сопротивлялись. Пусть уж лучше свои прикончат, быстро выйдет и без мучений.

– Ты не дослушала, – Маша походила сейчас на «черного ангела» куда больше обожженной, выдыхающей гарь Серафимы. – Выход есть.

Игорь и Серафима разом уставились на нее.

– Нет, – вдруг быстрым шепотом зачастил Игорь. – Маш, с ума сошла, Рыжая, ты что ж удумала-то, совсем рехнулась, сбрендила, головой стукнулась, опаматовала?!

– Прости, Игорек. Так надо. Надо так, вот и все.

– Я тебе в этом не помощник! Так и знай!

Он схватил ее за плечи, рывком прижал.

– Маш, Маша, милая, я не хотел... я не мог...

– Игореха! Мог бы и пораньше, – Маша не торопилась высвободиться из внезапных объятий. – Все будет хорошо. Я все подсчитала. Если правильно сделаем, то...

Игорь почти оттолкнул ее, закрыл лицо руками.

– Ну, Игоречек. Ну, милый. Ну, пожалуйста. Ты ведь сам себе не простишь, если они из-за нас погибнут.

– Вы о чем, товарищи? – недоумевала Серафима.

– Она хочет стать одной из вас, – глухо, не отводя ладоней, сказал Игорь. – Девятым «серафимом». Тогда кольцо замкнется. Заклятие сработает. Вы сможете снять замки. Вот только Сашка...

– Ты ведь за ней приглядишь, пока мы не вернемся, правда, Игорена? Ну, пожалу-уйста...

Молчание. Сима ошарашенно глядела то на Машу, то на Игоря.

– Он же тебя любит, дура! – вдруг вырвалось у нее. – Жизнь за тебя отдаст!

– Я знаю, – теперь задрожал голос уже у Маши. – Только не сможет, «ангел» должен быть такой же, как Саша. Девушкой. Мужчина не сумеет.

Зиновьева схватилась за голову.

– Начинаем, – звеняще бросила Маша. – Сима, вели всем, чтобы сюда подтянулись. Боюсь, время у нас на исходе. Лес уже оцепили, верно.

– О матери подумай, Рыжая, – жуткий, свистящий, какой-то змеиный шепот. Игорь в упор глядел на Машу, не отводя взора.

– Я подумала. Я обо всем подумала. И даже письмо ей написала, и вещи собрала. И еще напишу, когда все закончится. Мол, прости, мамочка, уехала на стройки пятилетки, не жди скоро и не сердись. Буду писать. Целую, твоя дочь Мария. Давай, давай, Серафима, не тяни!

* * *

Игорь не мог ни уйти, ни смотреть. Но смотреть приходилось, потому что иначе формула пойдет вразнос и все Машкины мучения окажутся бесполезны.

Восемь «ангелов» стояли вокруг небольшого костерка, лишь едва-едва раздвигавшего тьму и почти не дававшего тепла. Восемь жутких черных горгулий, когти синеватой стали глубоко ушли в мох, жуткие головы повернуты к корчащейся возле костра нагой человеческой фигурке.

...когда Машка безо всякого стеснения стащила через голову последнюю рубаху, он понял – она уже не повернет.

И она кричала. Кричала так, что кровь стыла в жилах, а по его щекам сами бежали слезы, «недостойные мужчины, коммуниста и офицера».

Заклятие трансформации. «Воздух», предельно опасное. Один хороший пожар, и... конечно, Машке не требуется пускать под откос фашистские эшелоны или громить их штабы, но, но, но...

Но как же режет сердце! Действительно, ножом режет, и никуда от этой боли не деться. Остаться ей с тобой, Игорь Матюшин, русский, на фронте вступивший в ВКП(б), образование высшее специальное, на всю оставшуюся жизнь.

Потому что ты не веришь, что Рыжая вернется.

* * *

Первое, что она ощутила, придя в себя, – крылья. Огромные, могучие, способные легко оторвать от земли кажущееся невесомым тело. Во рту вкус крови, но к этому Машка привыкла. Труднее было справиться с головокружением, мысли путались, а при прорыве потребуеться полная ясность сознания и сосредоточенность.

– О-ох...

– Маша! Машечка! – к ней разом бросились обе Оли, Нелли, Юля, Лена и Сима. Остальные наверняка бросились бы тоже, но им еще до начала трансформации выпало удерживать ауру после наложения последнего заклęcia и сдвинуться с места они не имели права.

– Маша, ты, ты... – Оля Рощина захлебывалась слезами. Другие оказались покрепче, только едва не задушили в объятиях.

– Так, спокойно, спокойно, девочки! – первой пришла в себя староста. – Все слушаем Машу! Как товарища Сталина бы слушали!

Тишина. Вмиг наступившая, мертвая, давящая тишина. Только слышится, как в своем болоте трудно ворочается придавленная неподъемными невидимыми камнями Сашка.

Да, «черный ангел», боевая машина смерти, придуманная товарищем Потемкиным, двукратным лауреатом Сталинской премии – второй и первой степеней.

Зрение, слух, чутье. Взлети она сейчас – и как на ладони откроются перед ней и Карманов, и речка, и мост с железной дорогой – и разворачивающееся вокруг болот оцепление.

– В-времени не теряем, – она расправила крылья, гордо вскинула голову. – Работаем, девочки, работаем!

...Первый замок поддался относительно легко. Но на это он и ставился – первый.

Со вторым пришлось повозиться, пока вынимали из топи. Сима действительно оказалась сильна настолько, что сумела в одиночку вытянуть замок к поверхности. Машка переломила деревянный щит с клеймом через колено, пока Игорь держал магический контур замкнутым на себя.

– Скорее, – торопила Машка, поминутно оглядываясь. Озирались и остальные серафимы.

– Что такое, что?

– Оцепление закончено, все посты развернуты, – отозвалась Юля Рябоконь. – Сейчас начнут. А нам еще третий замок открывать...

– Отвлечь их надо, – задумалась Серафима. – Лена, Нелли, Оля-первая! Вылет! Знаете, что делать. И помните – сразу обратно!

– Э, э, ты чего? – всполошился Игорь. – Там же наши друзья, коллеги, вы тут совсем белены объелись все, что ли?!

– Не волнуйся, – усмехнулась Серафима. От нее так и несло жаром, словно от марте-новской печи.

– Как это – «не волнуйся»?! Мало нам Сашки?!

– Я послала, – Серафима по-прежнему усмехалась, но под усмешкой пряталась гримаса с трудом переносимой боли, – послала не самых умелых, а самых спокойных и рассудительных. Тех из нас, кто... кто дальше всего от Сашки. Убивать они никого не станут – если, конечно, там Потемкина не окажется. Просто отвлекут военных, не дадут сразу нас накрыть всех вместе. Пока их отгонят, пока разберутся, что к чему, пока решат, что делать... А мы – снимем стену. А уж там «ангелов» не найдет никто. Поможете – и обещаю, никаких жертв. Ни сейчас, ни после.

Игорь был существенно лучшего мнения о коллегах, но решил не спорить.

...Очень скоро, куда быстрее, чем можно было подумать, из-за леса слышались глухие взрывы, ночное небо озарилось вспышками. Игорь различил на слух воздействия по Карпову и Маршалу. Военные не жалели магических сил.

– У них там даже зенитки есть, – мрачно ухмыльнулась Оля Колобова, Оля-вторая, очевидно.

– Уважают, видимо... – сквозь зубы процедила Нина Громова.

– Неважно, пусть бы только отвлекли.

Сима развернула крылья, одно движение – и она уже над деревьями.

– Ага, возвращаются, вижу их...

– Все, давайте, последний замок, последний! – староста уже почти кричала.

Рощина, Рябоконь и Солунь камнями падали с темного неба, валились в мох, рыча от боли – какая-то неведомая ранее, верно – секретная штука их задела, счастье еще, что по касательной.

– Скорее, девчонки!

– Идем! – прорычала Сима. Она попыталась сдержать крик, таща на себя замок, словно обломок собственной кости из раны, и не смогла. Упала на одно колено.

Игорь, не задумываясь, протянул ей руку. Стиснув зубы, вытерпел огненное рукопожатие.

– Последнее осталось, – Маша задыхалась. – Крестики! Игорь, тебе снимать придется... и на себя...

– Я знаю. Я знаю, Рыжая.

Он не мог сейчас смотреть ни на кого, кроме Машки.

Даже горгульей, она была красивее всех. Красивее даже блондинки Танечки с их курса.

Только общими усилиями всей девятки сумели расцепить незримые блоки на цепочках с крестиками. Игорь расстегнул ворот, надев на шею раскаленный, покрытый корочками обгорелой плоти крест-маячок. Зарычал, стараясь не взвыть от боли.

– Первый пошел, – проговорила Сима, неотрывно глядя на него.

– Пока на живом – будет работать как раньше. Никто не заметит, что сигнал на полминуты пропал, – Машка ласково погладила друга по щеке, словно пытаясь передать ему немного собственной силы.

Третий замок едва держался. Сима отступила к кругу «ангелов», Машка и Игорь остались вдвоем над вытянутым из болотного укывища замком.

Обычная глиняная плошка, а в ней горит свеча.

Она так и горела все эти годы, в глубинах топи, под водой...

Маша протянула плошку Игорю.

– Ломай, Игоряш.

– Уверена?

– Ломай, я уже все. Знаешь... в Померании страшной было, – она слабо улыбнулась.

– А если они все-таки захотят отомстить? – Игорь неотрывно смотрел на плошку со свечой. – И ты их не удержишь?

– Теперь это Отцова забота, – Машка сняла с шеи на глазах раскалявшийся крестик и опустила в центр замка. Сорвала всю горсть маячков с шеи Игоря. Жест. Слово. Символ.

Плошка словно взорвалась изнутри, обсыпав их едкой пылью, совершенно не похожей на ту, что бывает, если разбить обычную глиняную посудину.

– Свободны! – выкрикнула Маша, поворачиваясь к восьмерке «ангелов». – Все за мной! Все!

Девять кошмарных созданий, вынырнувших, казалось, из самой преисподней, взвились в ночное небо.

– Прощай! Прощай, Рыжая! – не выдержал Игорь.

– Не ерунди, – голос горгульи прозвучал неожиданно нежно. – Я вернусь. Обещаю тебе. Честное пионерское.

* * *

Военные покинули Карманов через неделю. После краткого боя, прочесав лес и болото и все-таки наткнувшись на мшаника, который едва не заел пару солдатиков.

Сашу Швеца они так и не нашли.

Поезд уходил поздно вечером. Вокзал – старый, желто-лимонный, с белыми колоннами, поддерживавшими треугольный фронтон – тонул в зарослях отцветшего жасмина. Высоко, прямо над белыми буквами «КАРМАНОВЪ» и «ВОКЪЗАЛЪ» за небольшой башенкой замерли черные крылатые тени. Едва поезд тронулся, они одна за другой спланировали на крышу и, вцепившись длинными когтями в край, распластались на ней, сделавшись совершенно невидимыми. Поезд отозвался тоскливым протяжным гудком и начал набирать скорость.

* * *

Письмо.

«Дорогая мамочка,

я знаю, ты на меня все еще сердись. Конечно, я виновата, что сбежала вот так вот, не попрощавшись, а теперь уже сколько времени «и носа на кажу», как бабушка бы сказала. И даже адреса обратного не указываю. Что поделать, такая у меня теперь работа, мотает из края в край нашей Родины. Работа трудная, зато интересная. Помогаю людям – ведь для этого магия и нужна, правильно? – а то сидеть в Карманове, юбку просиживать, никакой пользы не принося, – это не для меня, мамочка. Но ты за меня не волнуйся, я жива и здорова, вот, посылаю тебе карточку. Это мы с подружками – Сима, Оля, Юля, Лена, Поленька, Нелли, еще одна Оля и Нина. Работаем все вместе. Я им помогаю. Они очень пострадали от магии, ты даже не представляешь, как. Но теперь все будет хорошо.

Знаешь, мамочка, раньше я много чего боялась. А теперь не боюсь. Вот нисколечки. Как смогу, приеду в гости. Обними сестренку и братика. Деньги вам выслала телеграфом, должны были получить уже.

*Твоя любящая дочь Мария,
станция Тында,
Байкало-Амурская магистраль,
23 июня 1953 года».*

Семь лет спустя Лето 1960 года

– Товарищ Матюшин! Игорь Дмитриевич!

– Да, Леночка, в чем дело?

– Тут к вам на прием... – пролепетала молоденькая секретарша, вчерашняя школьница. Игорь воззрился на девчонку с сожалением. Эх, молодость, молодость... мечтает стать актрисой, поехала в Москву поступать, да не прошла по конкурсу.

– На прием? – удивился Игорь. Приемные часы председателя Кармановского горисполкома товарища Матюшина давно истекли, но, помня все хорошее, что оставалось от ушедшего на покой Ивана Степановича Сковорцова, махнул девушке: – Зови, коль пришли.

Леночка убежала, проворно цокая каблучками. Модница. Красивой жизни хочется, эх, эх, не была ты, милая моя, на фронте, не знаешь, почем фунт лиха...

Игорь вздохнул, оглядывая привычный кабинет. После Сковорцова он ничего не стал менять, ветеран красной конницы каким-то образом, уже перед самой пенсией, сумел пробиться в неведомых высоких сферах его, Игоря, назначение.

Так вот он и трудится, «самый молодой из наших председателей», как его постоянно именовал секретарь обкома, когда приезжала из Москвы очередная комиссия.

Иван Степанович Сковорцов частенько заходит в гости. Он единственный, кому Игорь честно рассказал, что случилось в ту ночь.

– Грех на мне, – только и выдавил из себя тогдашний председатель, едва дослушав Игореву историю. – Грех на мне великий, до конца дней моих не отмолю...

– Иван Степанович! Вы же коммунист, советский человек, а тут – «отмолю»!

– Молодо-зелено, – отмахнулся Сковорцов. – Поживешь с мое, поймешь... а пока... ох, Игорь, Игорь! Ну, чем смогу, помогу. И матери Машиной, и тебе.

И помог.

Шесть вечера на часах, Леночке домой пора. И что ж это за посетители такие, в конце официального рабочего дня?

Рука нащупала в кармане пиджака последнее письмо от Рыжей, пришедшее с месяц назад. Отправлено из Оймьякона. Ничего себе забрались «серафимы»...

– Ну, здравствуй, – сказал от двери донельзя знакомый, хоть и прерывающийся сейчас от волнения голос. – Я вернулась.

...Они с Машкой долго стояли, обнявшись. Нет, не целовались, просто замерли, крепко прижавшись друг ко другу и не замечая исполненного жгучей ревности взгляда оцепеневшей на пороге Леночки.

У косяка же, скрестив руки и перекинув на грудь роскошную пшеничную косу, стояла еще одна женщина, хоть и молодая, но явно постарше Рыжей. Она улыбалась, чуть снисходительно, словно старшая в семье, радующаяся счастьем любимой младшей сестренки.

– Иди, иди, Леночка.

– Да-а... я п-пойду... Игорь Дмитриевич...

– То-то сплетен завтра будет... – уткнувшись носом в шею Игоря, пробубнила Машка.

– Не будет, – откликнулась Серафима. Легкой походкой двинулась за девушкой. – Она все забудет. Уж в чем-чем, а тут мы поднаторели.

– Господи, Машка... хоть бы телеграмму прислала...

– Сюрприз с Симой сделать хотели. Прости, а? Простишь?

– Тебя-то? Конечно... – Он вдыхал ее запах, жадно, не в силах оторваться. – А где остальные? Как... как оно все было? Ты ж никаких деталей не писала, понятное дело, и почтовые штампы наверняка меняла...

– Меняла, – кивнула Машка. – А «серафимы»... мы их устроили всех. Кого куда.

– Погоди, а как же... – начал было Игорь.

– Как же мы снова люди? – Серафима вернулась, несколько бесцеремонно встала рядом. – Очень просто. Решила задачу Мария Игнатьевна, нашла общее, а не частное решение. Ше... семь лет искала. А последний год, как мы... э-э-э... обратно вернулись, помогала нам по стране устроиться. По самым разным местам.

– Оля Рощина в Севастополе, замуж за морского офицера вышла, Нина Громова – в Ленинграде, Нелли в Тбилиси поехала, у нее, оказывается, там и впрямь родня, Колобова в Ярославле и тоже замужем, Поленька на Урале, Юлька Рябоконь в Ставрополе. Ленка Солунь в Сталинграде. У всех все хорошо. А ты, я смотрю...

– Я тебя ждал.

– Я... знаю, – смутилась Машка и вдруг покраснела: – А мы вот... с Симой... сюда вернулись. Домой. Я уже у мамы побывала... ох... она и смеется, и плачет, и шваброй меня отлупить хотела – все сразу.

– Спасибо тебе, что за Сашкой приглядывал, – перебила раскрасневшуюся Машу Серафима. – Никто больше не погиб, ничего не случилось...

Игорь кивнул.

– Не благодари, Серафима. Карманов – мой город, я за него отвечаю. Что же ты теперь делать станешь? Подашься еще куда? Или тут останешься?

– Тут, но ненадолго. Признаться, не возвратилась бы сюда, если бы не Сашка. Насмотрелась я на ваши болота проклятушие на много лет вперед. И не скучала. Только слух прошел, Игорь Дмитрич, что мелиораторов в ваши места хотят присылать. Болота кармановские в верхах кому-то покоя не дают, – глухо ответила Серафима, опуская взгляд.

– Был такой разговор, и не раз, – кивнул Игорь, все еще не в силах разжать руки и выпустить Машку из объятий. – Только я убедил, что не стоит. Мол, зачистку еще магическую провести надо. Плановую. А зачистки сейчас Арнольдич наш подписывает. Он знает, что кармановское болото осушать – себе дороже.

– Может, он и знает, и обойдется все. Но Сашку все равно надо оттуда вытащить. Достаточно она мучилась. Мне... плохо еще на подъезде к Карманову стало, Игорь.

– Не знаю, надо ли, – отвернулся Матюшин. – Я ведь тоже к ней ходил часто, Серафима. Знаю, что там. Ненависти клубок, ненависти страшной. «Они ушли, а меня бросили». А последние года два и вовсе человеческого ничего не осталось. Зверь она теперь, страшный, озлобленный. Как хотите, девчонки, а вернуть ее никак не удастся. И раньше шансов мало было, а теперь вовсе нет.

Зиновьева дернулась, как от пощечины.

– Значит, – хрипло проговорила она, – пора. Долги платить надо. Мне – платить, а вам – жить.

– Ну уж нет, Сим, столько лет бок о бок. Не для того я перьями обрастала, чтоб сейчас тебя оставить с этим один на один. Давно это уже не твое дело, а наше. И мое, и Игоря.

– Да уж, товарищ Зиновьева, – спокойно проговорил Игорь, уже не прежний неоперившийся маг – председатель. – За Сашей пойдем вместе. Я последние восемь лет с нею был. Она уж меня знает. Ломать не станет. Я один с ней говорил, один держал в ней душу, пока можно было. Я петли наброшу, а вы... закончите все.

Машка ласково посмотрела на него, едва заметно погладила по плечу, словно не веря, что вот он, здесь, рядом. Игорь накрыл ладонью ее руку.

Сима странным, потемневшим взглядом посмотрела на эту спокойную широкую ладонь. На счастливые глаза подруги.

– Нет, – ответила тихо, но твердо. Так, чтобы не оставалось сомнений: она все решила. – Тебе, Игорь, идти нельзя. На тебе сейчас весь Карманов. От тебя люди зависят. А Машке

нельзя тем более. – Мария хотела возразить, но Сима остановила ее движением руки. – Помолчи, Рыжая. Он тебя восемь лет ждал. Неужто у тебя совсем совести нет?

Машка прижалась к плечу Игоря, переплела его пальцы со своими, безмолвно отвечая на упрек Серафимы.

– Вот и решили, – отрезала та. – Не ходите. Я справлюсь. Только достань мне, председатель, кое-что из старых скворцовских запасов.

Сима не вернулась. Ни к вечеру следующего дня, ни через сутки. Машка выходила из себя, несколько раз порывалась идти на болото. Но Игорь не пустил. А потом как-то враз оба почувствовали, что все. Кончилось. Чисто теперь в топах. Проверили по Курчатову, по старой памяти. И правда, чисто. Ни Сашки, ни Симы.

– Думаешь, обе?.. – не договорил Игорь, садясь вечером к столу. Машка придвинула к нему тарелку, невзначай дотронулась до руки. Он поймал ее руку, прижал к губам.

– Нет, просто решила, что тебе можно меня доверить, – улыбнулась Машка, – мы ведь после того, что было, друг друга чувствуем лучше, чем близнецы. Сима жива, все с ней в порядке. Просто ушла. А вот Сашки... нет больше. Но ей так лучше. Теперь можно просто жить, Игоряша... Как думаешь, получится?

Сима положила лопату на траву, опустилась на колени и ткнулась лбом в холмик свежей земли.

– Прости меня, Саша, – прошептала она, вытирая непрерывно текущие слезы, – Прости. И его прости.

Она не могла оставить Сашку на болоте. Слишком долго они все там провели. Слишком несправедливо было оставить ее там и после смерти. Она вытянула – трудно ли, с теперь уже двадцатью по Риману – тело к поверхности топи; не жалея платья, по которому стекала с мертвой подружки бурая болотная жижа, перенесла Сашку на холм за лесом. Туда, где было видно поле, мост и петляющую вдалеке ленту железнодорожных путей.

Потом был вокзал. Медленно полз через ночь московский поезд.

Дверь Сима открыла прежним словом-пропуском. До последнего не верила, что Виктор так и не поменял магический замок. Знать, надеялся на свою магическую выучку и силу, а может – не думал, что отважится кто-то с недобрым намерением заглянуть в самое сердце магической науки, где заговорено все и запечатано и против человека, и против мага. Но для нее здесь достойной преграды нынче не осталось. А уж танковое железо бывшего «Черного ангела» не остановит и подавно. Подалась массивная створка двери.

Вздрогнул, когда она вошла. Вскочил, чиркнув по полу тяжелым ботинком на искаленной ноге. Но не решился сделать шаг навстречу.

– Здравствуй, Сима.

– И тебе не хворать, товарищ командир.

Сима окинула взглядом знакомый кабинет. Не так много изменилось и здесь. Те же тяжелые зеленые портьеры, те же книжные полки, на которых за прошедшие годы заметно прибавилось научных трудов. Стена, сплошь увешанная гербовыми знаками благодарности Советского государства декану Потемкину. Сима молча миновала этот иконостас тщеславия, взяла в руки томик Решетникова. Улыбнувшись, поставила на место. Коснулась взглядом пожелтевшей фотографии. Протянула руку, но остановилась. На глазах блеснули слезы.

Виктор Арнольдич следил за ней пристальным, напряженным взглядом, словно пытаясь отыскать в этой стройной высокой молодой женщине следы своей давней магической ошибки.

Сима подошла, перекинула косу через плечо. Прикоснулась ладонью к бледной как мел щеке Учителя. Словно решая: погладить или ударить.

Он постарел за эти годы, запали черные глаза, совсем поредели и побелели волосы. И в глазах стояла такая боль, такая горечь и такой страх, что Сима отвернулась. Так недолго снова пожалеть, снова поверить.

– Я убрала за тобой, Виктор Арнольдич, чист ты теперь перед всеми. Не осталось следа твоего «частного решения». И у меня одна просьба к тебе: не ищи девчонок. За все, что было дурного, они с лихвой заплатили. Связей у тебя довольно, декан Потемкин, вот и сделай так, чтобы дали им спокойно жить.

Виктор Арнольдич кивнул, пристально глядя на Серафиму. Словно в любой момент ждал удара.

Она приблизилась и, не удержавшись, порывисто обняла старика. Но тотчас, разозлившись на себя, отвернулась, бросила на стол искореженный черный Сашкин крестик и вышла, не прикрыв двери.

Ольга Баумгертнер Охотник на ведьм

1. В час до рассвета

Я поднялся на последний этаж. На лестничной площадке, прислонившись к стене, стояла девушка. В ее руках уже давно остыла чашка с кофе, чей аромат еще слегка улавливался, а рассеянный взгляд девушки был устремлен на темное окно подъезда. Я прокрался мимо и проник в квартиру через приоткрытую дверь. Мужчина в прихожей, собираясь на работу, торопливо и нервно искал что-то среди бумаг в своем портфеле, и я без помех проскользнул дальше на крохотную грязную кухню. Старуха в замусоленном переднике старательно помешивала половником в большой пузатой кастрюле. Густой запах супа с пряными приправами, не желая вытекать в распахнутую форточку, наполнял все узкое пространство между мойкой, плитой и теснившимися напротив столом и холодильником. Молодая женщина делала бутерброды для сына в школу. Развернуться здесь было негде, так что я сразу махнул на покривившийся стенной шкафчик с перекошенными из-за разболтавшихся петель дверцами. Шурпы наполовину вышли из пазов, и шкафчик держался на честном слове. Так что я завис чуть выше, даже не думая опираться на него. Из щели между шкафом и стеной высунулись рыжие усы и тут же исчезли... Когда в семье три женщины, в их доме никогда не будет порядка. Старшая чувствует себя хозяйкой, дает советы и постоянно ворчит, что остальные ничего не делают или делают не так, как надо. Вторая всегда поступает по-своему, а уж если вдруг последует совету старшей, все у нее будет валиться из рук. Третья вовсе не участвует в домашних делах и старается как можно реже появляться в доме, чтобы не слышать вечных упреков. Здесь был как раз этот случай...

Половник в руке старухи замер, и варево, кипевшее на сильном огне, протестующе забулькало. Старуха потянула носом, принюхиваясь. Но запах специй был так силен, особенно рядом со мной под самым потолком, что я сомневался в ее способности учуять что-либо другое.

На кухню забежал мальчишка. Женщина сунула ему в рюкзак бутерброды. На миг заглянул мужчина. Ему тоже досталась пара бутербродов, небрежно завернутых в промасленную бумагу, после чего он исчез.

И тут старуха встретила со мной взглядом. Мой амулет выскользнул из-под рубашки, нарушив защиту, и ведьма смогла увидеть меня. Она яростно взвизгнула и потянула ко мне руки со скрюченными пальцами, на которых в один миг выросли когти. Я скакнул через голову старухи. Ее дочь выбросила вперед руки, чтобы поймать меня. И даже мальчишка подпрыгнул. Кто-то из них схватил меня за штанину, но я вырвался.

– Что происходит? – Удирая, я пихнул в сторону бабкиного зятя – тот, в аккуратном деловом костюме, застыл на пороге квартиры и не знал, что делать со всученными ему бутербродами. – Эй, ты кто?! Куда?!

Я перемахнул с лестничной площадки прямоком на подоконник, распахнул одну створку и сиганул в окно. Вслед мне несли вопль мужчины. Он, топая в дорогих туфлях, сбегал по лестнице и высунулся наружу. Но внизу, в двадцати метрах под окном, на асфальте у щедро освещаемого фонарем входа в подъезд никого не было.

– Ты видела?! – Он, с вытаращенными глазами, обернулся к своей золовке.

Та по-прежнему стояла на лестничной площадке и бездумно смотрела в окно, босая, в мятном шелковом халатике, небрежно запахнутом на голом теле.

– Элишка, ты видела?! – выкрикнул мужчина. – Он выпал в окно!

Мужчина стал подниматься обратно, но на середине пути схватился за сердце и опустился на ступеньку. Лицо его побагровело, на виске застучала, запульсировала венка, и видно было, что из-за случившегося ему сделалось дурно.

– Он – улетел... – неслышно, одними губами произнесла девушка.

Я, поглубже упрятав талисман за пазуху, перемахнул через островерхую крышу. Нашел и надел свое пальто, уселся на коньке, прислонившись спиной к теплой стенке вентиляционной шахты, и подул на озябшие пальцы. Скаты крыш покрывал неглубокий, в ширину ладони, снег, голубевший под морозным темно-синим небом, и клубы пара застывали над трубами, словно призраки, отливая мертвенно-зеленым, впитав цвет светлеющего востока; а в трубах глухо и заунывно подвывал ветер. Ночь подходила к концу. Внизу в домах электрический свет вычерчивал оранжевые квадраты окон. Но на улицах еще не было ни души. Только далекие хрустально-ледяные звонки трамваев чуть нарушали стылую тишь. Я, поеживаясь, поплотнее запахнул пальто и, дыша на пальцы, смотрел на звезды. Млечный Путь, заиндевевший и слабо искрящийся, казалось отражал идущий от земли свет. Бледный серпик убывающего месяца, словно истаявшая сосулька, низко висел в позеленевшем небе над шпилем ратуши, обращая ее в мечеть. И откуда-то оттуда же, со стороны Центральной площади, донеслось глухое, утробное урчание автомобильного двигателя. И я знал, что мне скоро позвонят. Из трубы надо мной послышался какой-то шорох и копошение. Я задрал голову. Два чертика сидели на краю шахты, свесив хвосты и болтая ножками с козыми копытцами.

– Янош, – захихикали они. – Тебе тоже не спится? Что ты забыл на нашей крыше?

– Вчерашний день. Брысь, мелюзга, а то вам тоже не поздоровится.

– Какой ты сегодня добрый, Янош! – продолжили глумиться они. – Когда ты будешь убивать наших ведьм, ты тоже будешь таким обходительным?

– Брысь! – Я указал им на ратушу: – Свяжу вам хвосты и повешу на шпиле вместо флюгера. Заодно проветритесь – от вас псиной несет.

– А до месяца ты не дотянешься, Янош? Не повесишь нас на рожок? Не такие уж у тебя и длинные руки!

Я взвился. Парочка с визгом вскочила, но я успел сцапать обоих за шкурку. Они были легкие, как два черных котенка, а их шелковистая шерстка встала дыбом.

– Зато у кого-то слишком длинные языки!

– Янош, мы же пошутили, – плаксиво залепетали они.

Их тонкие, мягкие лапки трогали мои пальцы, две пары желтых глаз уставились на меня, а мордочки оскалились в натянутых улыбках.

– А как же Элишка? – отважился спросить один, когда я чуть ослабил хватку. – Мы же подглядели, как ты целовал ее, как тискал ее.

– Довольно! – оборвал я.

В этот миг у меня зазвонил телефон. Я поставил взъерошенную парочку на край шахты, в которой они поспешили исчезнуть, огляделся. Машина, черный с тонированными стеклами микроавтобус, остановилась в соседнем переулке. Доминик и Петр прибыли. Я увидел, как приоткрылось окно, и в нем – руку с зажженной сигаретой и только после этого ответил на вызов.

– Мы уже на месте, действуй. Через десять минут будем в квартире. Ты не передумал, Ян?

– Нет, – я нажал отбой и глянул в небо. – Нет, я не передумал...

Элишка... Я познакомился с ней десять дней назад. Тогда было полнолуние. Мы ехали куда-то в одном трамвае. Она искала мужчину, чтобы завладеть им, как до этого ее старшая сестра зачаровала одного успешного бизнесмена. Но в итоге Элишка встретила меня. Полная

луна каждый месяц горячила всем подобным нам кровь... Я ушел от нее утром. Обычный мужчина не смог бы уйти, а я ушел... Она шептала заговор, но он на меня не подействовал. И тогда она поняла, кто я. Не так часто дар ведовства передается мужчинам, чтобы ведьме не знать их всех. Она могла не знать в лицо только изгоя... Я посмотрел на ее побледневшие щеки, на опустевшие глаза, в которых не осталось ничего, кроме разочарования. И я ушел... чтобы вскоре вернуться...

Я сбросил пальто и, свесившись с крыши, заглянул на покинутую мною несколько минут назад кухню – старуха все еще была там. Через форточку я втянулся внутрь и вновь устроился над шкафчиком. Старуха бросила еще щепотку приправы в суп и в очередной раз помешала варево.

– Он ушел! – На кухню вернулась старшая дочь. – Перепугал мужа чуть ли не до смерти – Марек до сих пор не отдышался...

Старуха вынула половник и, облизав, бросила в мойку. Загремела немытая посуда.

– Никуда он не ушел, Катерина, – старуха вновь потянула носом. – Раз пришел, он уже так просто не уйдет. Ну? Где же ты, иудушка?

Ее взгляд зашарил по стенам.

– Ну же, покажись, изверг. Ты же пришел за нашей душенькой, убивец...

Я медленно потянул из-за пазухи нож.

– Почему ты помогаешь им? – Взор Катерины тоже искал меня. – Они же расправились с твоей матерью.

– Что ты ждешь от труса? – Губы старухи искривились в презрении, и она поглядела в окно куда-то далеко-далеко. – Когда-то давно эти душегубы-охотники, как два татя, забрались в дом и убили ее спящую – сподручней застать ведьму врасплох, чем позволить ей выпустить когти. Мальчишка заливался слезами, но не от горя, а от страха за свою жизнь. И едва лунный блик, отраженный от лезвия, ударил серебром ему в глаза, он закричал, прося пощады у убивших так подло его мать... Единственный из нас, кто предал свой род, кого воспитали наши враги и кто убивает нас...

Показалось, что ее глаза смотрят прямо в мои, хотя я по-прежнему оставался невидим. Больше медлить было нельзя. Я ринулся вниз, и предсмертный вой старухи смешался с яростным воплем Катерины, бросившейся на меня. Амулет сверкнул в электрическом свете, и я снова стал видим. Ударил ножом повторно, но на этот раз немного промахнулся. Женщина харкнула кровью прямо в лицо – я попал ей вместо сердца в легкое. В агонии она вцепилась в меня когтями, расцарапав щеки, и упала рядом с матерью.

– Мама! – к телу Катерины метнулся мальчишка, но его успел поймать Доминик, как и Петр – Элишку.

– Пустите! Пустите меня! – рычала она в ярости. – Дайте добраться до ублюдка – я убью его!

– Не хочешь закончить, Ян? – спросил Петр.

Я оттирал кровь с лица грязным кухонным полотенцем.

– Чуть позже.

Он бросил девушку на табуретку, скрутил за спиной руки, связал.

– Мальчишку не тронем – он пустышка.

Доминик отпустил сына Катерины, и тот с рыданием бросился к Элишке, уткнулся лицом ей в колени.

– Я вызвал «Скорую» – у мужчины на лестнице случился сердечный приступ.

– ...когда некоторые вылетели в окно, – прошипела в злобе Элишка.

«Как на это посмотрят они? Что из-за тебя пострадал человек?» Глаза, полные слез, с ненавистью смотрели на меня. Халат распахнулся, обнажив грудь. Я слизнул черную кровь с ножа. «Почему? – вновь подумала она. – Почему ты ненавидишь и убиваешь нас? Ты...

ты ведь ничем от нас не отличаешься». – «Откуда тебе знать, кого я ненавижу? – ответил я. – Откуда?»

Я достал из мойки половник, сполоснул под водой и налил себе в тарелку супа.

– Ты собрался есть прямо здесь? – полюбопытствовал Петр. – А я думал – это мы закоренелые циники.

– Жаль, добро пропадает. Старуха изумительно готовила – была лучшей кухаркой в городе, несмотря на весь этот бедлам, – я обвел взглядом кухню. – А какие вацлавские колбаски жарила. И бежеровку сама делала, добавляла туда свои особенные травки. Может, еще осталось.

Я заглянул в шкафчик, извлек початый штоф и три стопки.

– Не хотите за компанию? Или вам брезгливо?

– Лучшая кухарка, говоришь? Что ж, почему нет...

Я разлил настойку.

– За упокой их грешных душ, – произнес Петр.

Мы сели за стол, выпили, покряхтели и взялись за ложки. Я чуть подул на суп, выдохнув заклятие, и принялся за еду – варево ведьмы-старухи стало вполне съедобным. Глаза Элишки, с презрением наблюдавшей за нами, распахнулись в изумлении. Охотники прихлебывали вслед за мной.

– Действительно, весьма недурно, Ян, хотя мы и не привыкли есть суп на завтрак... – Петр улыбнулся. – С бежеровкой-то...

Улыбка застыла на его губах, он побледнел и свалился со стула. Доминик тоже был мертв. Я бросил ложку и поднялся. Элишка встретила со мной взглядом.

– Твоя мать предвидела, что убью ее, – заметил я. – Бросила яд в супчик – знала же, что обязательно попробую.

– Какая я глупая, – прошептала она. – Ненависть придает тебе сил. С каждой нашей смертью ты становишься сильнее. Зачем...

– Нет...

От догадки, осенившей ее, она задохнулась.

– Кому-то слишком дорого пришлось платить за твою месть...

Я швырнул, не глядя, тарелку в сторону мойки. Попал, но во все стороны брызнули осколки разбитой посуды.

– Значит, у кого-то появится шанс поквитаться и со мной.

Я подошел к Элишке и развязал руки. Она же в неверии смотрела за мою спину.

– Ох, Янош! – старуха, пошатываясь, поднялась. – Почему не предупредил, изверг?! Я ведь тебя проклясть могла... Больно-то как!

– Проклясть? Мне казалось, ты собиралась меня отравить, – возразил я.

– Что происходит? – Катерина сидела на полу и ощупывала грудь, но от раны не осталось и следа. Мальчишка, скуливший на коленях у Элишки, с ревом бросился к матери.

– Пора уезжать отсюда, – ответил я.

– Почему ты не сказал? – На щеках Элишки сорвавшиеся с ресниц слезы оставили влажные линии.

– Потому что они следили за вами. Убедили мужа Катерины установить камеру – якобы твоя сестра ему изменяет. Да и ко мне они что-то в последнее время стали относиться с подозрением.

Я отцепил от ворота рубашки «жучок», бросил на пол и раздавил. Потом склонился над мертвецами, обыскал их и выложил на стол мини-компьютер – на экране застыла картинка кухни – и диктофон.

– Почему же ты неожиданно решил нас спасти? – спросила Элишка. – Участи остальных не позавидуешь.

– Когда-нибудь это должно было прекратиться, – я посмотрел на нее. – Собирайтесь. У вас не больше пяти минут. Скоро здесь появятся остальные.

– А что с Марekom и сыном? – встревожилась Катерина.

– Мы не можем взять их с собой, – старуха опустила взгляд. – Марек обеспечен и позаботится о мальчике.

– Марек умрет, прежде чем до него доберется помощь, – возразила Элишка. – Мы не можем оставить Франтишека одного.

Я, Катерина и Элишка вышли в подъезд. Марек все так же сидел на ступеньке, тяжело привалившись к стене. Снизу слышались голоса – к нам подымались врачи. Я спустился к Марeku, чуть тронул его голову и прошептал заговор. Он вздрогнул и задышал легче и ровнее.

– Он поправится.

– У нас на кухне два трупа, – напомнила Катерина.

Я вернулся обратно. Старуха в старой вылинявшей шубе, с внушительным заплочным мешком за спиной уже ожидала у окна. Рядом на подоконнике с узелками в лапках стояли два чертика.

– Этих не берем. Если только...

– Мы знали, что ты добрый, Янош! – пропищали они, живо побросали свои узелки, подхватили сначала одного мертвеца и утащили в вентиляционную шахту на кухне, затем другого.

Потом вытащили оттуда что-то черное и всучили мне.

– Это я бы сам забрал! – Я в досаде стряхнул со своего пальто пыль, копоть и налипшую паутину.

– Не за что, Янош. – Они подобрали узелки и устроились на плечах старухи.

– Привык жить с людьми, в чистоте и довольстве? – Старуха ухмылялась.

– Как будто вы не среди людей жили, – проворчал я и поморщился – от пальто явственно пахло псиной. Один чертик показал мне язык, другой поймал ползшего по стене таракана и с аппетитом сжевал. – Хоть какая-то от них польза...

На кухню зашли сестры. Катерина утирала слезы.

– Заставила Франтишека все забыть и уснуть, – произнесла она. – Так тяжело расставаться...

Старуха распахнула окно. В кухню ворвался свежий морозный воздух. Элишка прижалась ко мне, и я обнял ее. Черти на старухином плече захихикали.

– Будете еще подглядывать, подвешу вас на рожке месяца, – посулил я.

Первая в окно шагнула старуха, потом Катерина. Я взял Элишку за руку. Спустя миг все мы, невидимые, летели над просыпающимся городом. Гасли фонари, звенели трамваи, спешили по делам пешеходы, и автомобили, став совсем игрушечными, катили по извилистым улицам. Все дальше уносились крыши, башни и шпили. Светлело небо, и, растворяя звезды, за нашими спинами поднимался рассвет. Утренний морозный ветер и утреннее солнце умыли нас и подарили чувство свободы. Впереди же ждали простор бескрайних полей и лугов, сень волшебных лесов и те, в ком течет та же кровь, что у нас. Пришло время покончить с охотниками на ведьм и прежде всего убить охотника в самом себе.

2. Черный микроавтобус

Доктор с некоторым недоумением и с чрезмерным вниманием изучил рентгеновский снимок, а следом еще более пристально – мою голову.

– Как обычно, Мила, – бросил он медсестре и посмотрел на меня: – Удивительно быстро вы поправились, Ян. От трещины и следа не осталось, и шрам тоже почти исчез...

– На мне всегда заживает, как на собаке. – Я улыбнулся доктору. – К тому же не люблю валяться без дела, тем более в больнице...

– Думаете, эти два обстоятельства взаимосвязаны? – скептически хмыкнул доктор и вновь глянул на снимок. – Я, конечно, вас выпишу. И все-таки загляните через недельку на всякий случай. Как-никак, а у вас было сотрясение.

Медсестра обработала голову чуть выше левого виска и обмотала ее бинтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.